

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

3 1990

Обнаженный фашизм

"История никогда не прощает легкое снисхождение, угроза развязывания империализмом новой вооруженной агрессии вовсе не миновала."

Последние письма с фронта

"...Банда Гитлера будет уничтожена, ибо русский народ можно перебить, но победить нельзя".

Рядовой
В.В.РОМАШИН,
1942 г.

Армия Андерса и судьба польских военнопленных

По заданию Я. К. Берзина

"Павел Иванович объяснил, что благодаря ряду моих данных и хорошему знанию немецкого языка я выбрана для нелегальной работы за рубежом, в Германии".

М. И. ПОЛЯКОВА

ПОБЕДИТЕЛЬ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626 **3** 1990

1-96

"Не стреляйте в красноармейцев!"
(из власовской листовки. 1943 г.)

Художник В. КИРЮШИН. 1990 г.

Офицерское собрание

ОФИЦЕРСКИЙ состав – это "административно-правовая категория лиц, имеющих военную или военно-специальную подготовку (образование) и персонально присвоенные офицерские звания..." (Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983. – С. 531). В русской армии он начал формироваться одновременно с созданием Петром I регулярной армии. Петр I организовал обучение военных кадров, установил систему воинских чинов и последовательность чинопроизводства, заложил основы офицерской этики и чести. По мере совершенствования организационно-штатной структуры русской армии, системы воинского обучения и воспитания, создания военно-учебных заведений улучшался и качественный состав офицерского корпуса. В каждой отдельной воинской части или гарнизоне учреждалось Офицерское собрание, задачей которого было содействовать сближению офицеров, поддержанию между ними товарищеских отношений и развитию их военного и общего образования. При Офицерском собрании имелись библиотека, столовая, бильярды, комнаты для отдыха и приезжающих. Его деятельность регулиро-

валась уставом с приложенными к нему правилами внутреннего порядка и порядком пользования имеющимися заведениями, а также утвержденным старшим начальником положением.

Более подробно о деятельности Офицерских собраний в русской армии рассказывается в статье полковников А. Чайки и Г. Стрельникова, которая помещается в настоящем номере журнала.

● Группа армейских офицеров. 1898 г.

● Так выглядели гостиная (фото сверху) и один из номеров для приезжающих.

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

Издается
ежемесячно

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 3 1990 ЖУРНАЛ

Главный редактор
В. И. ФИЛАТОВ.

Редакционная
коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный
секретарь),
А. В. БЕТЕХТИН,
Д. А. ВОЛКОГОНОВ,
В. С. ГРИЧУК,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
В. Т. ИМИНОВ,
П. Н. ЛАЩЕНКО,
В. Н. ЛОБОВ,
Ю. К. ЛОСКУТОВ
(зам. главного
редактора),
А. М. МАЙОРОВ,
С. В. ОГОРОДНИК,
В. Г. ОППОКОВ,
Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ,
К. Б. РАШ.

Художественный
редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95,
296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 11.01.90.
Подписано к печати
26.02.90.
Г-42504.
Бумага 70×108¹/₂.
Усл. печ. л. 8,4+0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Тираж 210000 экз.
Зак. 59.
Цена 60 коп.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда»,
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

© «Военно-исторический
журнал», 1990.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва

Трибуна писателя

- Булат ОКУДЖАВА, А. И. ФРОЛОВ — Поэтический диалог 3
В. С. БУШИН — Мой уважаемый молодой депутат 5

Наши интервью

- М. А. МОИСЕЕВ — Цена победы 14

Последние письма с фронта

- 17

Эпоха в автобиографиях

- Григорий Иванович КУЛИК 18
Яков Тимофеевич ЧЕРЕВИЧЕНКО 20

Вторая мировая война

- Шарль де Голль — Шереига 23
А. Н. КОЛЕСНИК — Был ли И. М. Майский английским агентом? 28

В помощь изучающим военную историю

- В. И. ПРИБЫЛОВ — Почему ушла армия Андерса 29
С. Н. ОСИПОВ — Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных 38

В поисках правды

- А. Г. ДОНГАРОВ — Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? 43

Документы и материалы

- Обнаженный фашизм 47
(Публикация В. А. БОБРЕНЕВА)
Как Троцкий и К° разваливали флот 52
(Публикация Н. Ю. БЕРЕЗОВСКОГО)

Воспоминания разведчицы

- М. И. ПОЛЯКОВА — По заданию Я. К. Берзина 58

Спрашиваете—отвечаем

- А. А. ЧАЙКА, Г. М. СТРЕЛЬНИКОВ — Офицерское собрание 63

Сражающийся Афганистан

- Подлинное лицо конъюнктурщиков 68

Научные сообщения и информация

- А. И. ШИШКАНОВ — Военный историк А. Н. Де-Лазари 72

Исследуя судебные материалы

- Б. С. ПОПОВ, В. Г. ОППОКОВ — Бериевщина 81

Критика и библиография

- П. Ф. КОСМОЛИНСКИЙ — Стрельцы, гусары, мушкетеры... 91

- С. Р. СЕРКОВ — Орден святого равноапостольного князя Владимира 93

Нам пишут

57, 69, 92

Читатель:

СТРОКИ ИЗ АНКЕТ

В № 12 за 1989 г. мы предложили читателям анкету. В редакцию поступило и продолжает поступать много писем с ответами на поставленные в ней вопросы. Мы начинаем публиковать краткие выдержки из анкет.

Мне бы не хотелось участвовать в анкете, предложенной в № 12 «ВИЖа» за прошедший год как таковой, поскольку отношу журнал к изданию, которое во всем (в пределах его объема) интересно.

Ю. СУХАНОВ

Хотелось бы прочесть на страницах «ВИЖа» материалы из наследия Г. К. Жукова, которые находятся не только у дочери Галины... поддержать движение за добрую память о Г. К. Жукове.

Б. Ф. БАРАБАНОВ
(г. Усть-Каменогорск)

Объем материалов в рубрике «В помощь изучающим военную историю» очень мал и не соответствует ни профилю, ни названию журнала.

П. Г. ЯНОВСКИЙ
(г. Москва)

В рубрике «В помощь изучающим военную историю» следует печатать материалы не только о советской военной истории, но и РУССКОЙ.

А. А. БЕРЕЗИН
(г. Мантурово
Костромской обл.)

Журнал выписываю второй год. Все рубрики прекрасны, но предпочитаю: «Полководцы и военачальники», «Восстанавливая справедливость», «Воспоминания о личном», «В поисках правды», «Эпоха в автобиографиях» и т. д.

В. И. ДВИРНЫХ
(г. Днепропетровск)

Хотелось бы, чтобы вы продолжили тему, поднятую в статьях «Армия и культура» К. Б. Раша, в таком же духе. Это укрепляет авторитет армии.

И. С. КАСТРЮЛИН
(г. Подольск
Московской обл.)

Журнал прочитываю целиком. Наименьший интерес вызывает рубрика «Трибуна писателя». Причина — раздражающая назидательность при военной некомпетентно-

сти, даже «дикости» авторов.

Ю. В. ЕВГРАФОВ
(г. Волгоград)

Порой нечеткие фотографии, текст разбит на несколько страниц и печатается с другими материалами.

К. Н. АБРАМОВ
(г. Ленинград)

Вся беда в том, что ваш журнал без рекламы о себе. Ни военкоматы, ни идеологи о нем ничего не знают. А когда покажешь и прочтешь, удивляются богатству материала.

Д. Д. СИНЯКОВ
(г. Новомосковск
Тульской обл.)

Интересные публикации были о военной форме разных времен. Прекрасно! Об этом сейчас нигде не прочтешь. Продолжайте печатать материалы о военной форме (можно и о доспехах) разных народов в разные исторические периоды.

С. САБИРОВ
(г. Тамбов)

В одном из номеров журнала «Огонек» было помещено стихотворение Б. Окуджавы «Ироническое обращение к генералу». Генерал-майор юстиции А. И. Фролов подготовил в поэтической форме ответ на это обращение. Стихотворения обоих авторов мы публикуем.

НЕИРОНИЧЕСКИЙ ОТВЕТ БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ НА ЕГО «ИРОНИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГЕНЕРАЛУ»

Буллат ОКУДЖАВА

ИРОНИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ГЕНЕРАЛУ

*Пока на свете нет войны,
вы в положении дурачком.
Не лучше ли шататься в штатском,
тем более что все равны?*

*Хотя, с обратной стороны,
как мне того бы ни хотелось,
свою профессию и смелость
вы совершенствовать должны?*

*Ну, что — моряк на берегу?
Что прачка без воды и мыла?
И с тем, что и без войн вы — сила,
я согласиться не могу.*

*Хирургу нужен острый нож,
пилоту — высь, актеру — сцена.
Геолог в поиске бессменно.
Кто знает дело — тот хорош.*

*Воителю нужна война,
разлуки, смерти и мученья,
бой, а не мирные ученья...
Иначе грош ему цена.*

*Воителю нужна война
и громогласная победа.
А если все к парадом это,
то, значит, грош ему цена.*

*Так где же правда, генерал?
Подумывай об этом, право,
когда вышагиваешь браво,
предвидя радостный финал.*

*Когда ж сомненье захлестнет,
вглядись в глаза полкам и ротам;
пусть хоть за третьим поворотом
ригзадка истины блеснет.*

Генерал-майор юстиции
А. И. ФРОЛОВ

Когда вдруг пасквиль
и талант
В содружестве сойдутся
рядом,
То муза, сдобренная
ядом,
Не принесет успех,
Буллат.
Я, беспризорник
от войн,
Пришелец давний из подвала,
С благословения страны
Носящий форму
генерала,
Сейчас даю Вам свой ответ:
«...что в положении
дурачком
не лучше ли шататься
в штатском!» —
Я отвечаю твердо:
— Нет!

Шататься в штатском нам
не пучше,
Когда еще над миром
тучи,
Когда живут добро и зло.
И Вам, считайте, повезло
Вовсю шататься по
Арбату,
Походной грязи не
месить.
С семьей страну
не колесить
И не считать одну
зарплату.
Мы не «в дурацком
попoжeньи»,
И даже в мирные
«сраженья»
У нас сердца напряжены,
Пока на свете нет войны
И пушки в нас
не разряжают,
Спокойно дети видят
сны,
А женщины детей
рожают.
Пока на свете нет войны,
И черный ад еще
не властен,
Мы живы — в этом наше
счастье.

А вы никак огорчены,
Что мы за мир на страже
мира
И за уснувшие мортиры
И за господство тишины!
За нас решивши все
сполнив,
Твердите: — Им «нужна
война
и громогласная
победа...» —
К тому ж, какая нам
цена —
Не Вам дано судить
об этом!
Суровый быт нас
испытал
Не раз на прочность
и на зрелость.
И вопю в нас найдешь,
и смелость,
Природный ум, страстей
накап.
Добавлю, мы — не «Ваша
Светлость»,
А мы — «Товарищ
Генерал».
А Вы! Гитару
наострив,
Два-три аккорда
разучив,
Привычно тянете
куплеты

О чем! — Для Вас
неважно это,
О господах ли юнкерах
Или о Ленинских горах,
Поете, что велит натура,
Натура — часто
конъюнктура.
И кто бы вдруг подумать
мог,
Что Вы, войною опаленный,
Пускай в ту пору
и «зепеный»,
Но спутник фронтовых
дорог,
Забыли напрочь строчки
эти:
«Мы все войны шальные
дети,
И генерал, и рядовой»!..
Шинель Вы взяли —
и домой.
Другим досталось жить
в шинели,
Чтоб Вы печатались и пели.
А Вы на них скорей
навет —
Не зрело все для Ваших
лет!
Мы не святые — это
знаем,
Но как Вы не возьмете
в толк,
Что без остатка
выполняем
Свой ратный долг,
священный долг.
В атаку станем полным
ростом
И, из огня вернув
солдат,
Пройдем последними
по мосту —
Как Громов год почти
назад.
Не надо упрекать
парадом,
Ведь это тоже труд и пот.
Не верите! — Пройдите
рядом,
Что, не получится! —
Ну вот!
Чернить военных стазло
модно,
Хотя не так и
благородно,
Зато «сподвижники»
поймут.
А злопыхатели немало
Вскричат: — Ату их,
генералов! —
И руки недруги потрут.
Но вдруг настанет час
кровавый,
Вперед дивизии взметнут,
Наверное, не «Окуджавы»...

МОЙ УВАЖАЕМЫЙ МОЛОДОЙ ДЕПУТАТ

В. С. БУШИН

«Я хочу видеть этого человека!...»

ВЕЧЕРОМ 22 декабря прошлого года, как и в предыдущие дни, десятки миллионов соотечественников собрались у телевизоров; передавали телерепортаж со второго Съезда народных депутатов СССР. Когда председательствующий объявил, что слово предоставляется депутату Евтушенко, я думаю, новые десятки миллионов ринулись к телевизорам: многим хотелось посмотреть и послушать еще одно выступление на Съезде народных депутатов этого народного депутата, а может быть, и народного поэта.

Я невольно пытался предугадать, о чем он будет говорить. Об экологическом неблагополучии в Харькове, который представляет на Съезде? Или возвысит гневный голос гуманиста против подлой и кровавой агрессии американцев, по-бандитски напавших на крошечную Панаму? Или в развитие доклада министра внутренних дел В. В. Бакатина поведет речь об организованной преступности в жизни и литературе? О, тут ему есть о чем поведать миру! Его понимание этой проблемы отличается и широтой, и своеобразием. Например, он заявляет: «Бюрократия — это организованная преступность». Как интересно! Дальше: «...скука представляет собой тоже хорошо организованную преступность...». Еще интересней! Тут развить бы мысль вглубь: «И веселье в таких его формах, как телепередачи «Вокруг смеха», тоже преступность, еще лучше организованная». Но об этом поэт-мыслитель почему-то молчит.

А между тем очень хотелось бы знать,

что он думает еще и о таком, например, факте. Один стихотворец, расталкивая локтями коллег, за десять лет, с 1978 года по 1987-й, в разных городах страны от Москвы до Иркутска и от Петрозаводска до Тбилиси издал более сорока книг, т. е. каждые три месяца — вот она, тепленькая! — у него выскакивала книга. И это в то время, как собраты ждали выхода своих книг годами, пятилетками, а то и лет десять. До 1978 года у упомянутого стихотворца вышло еще около тридцати книг, да и после 1987 года его локти тоже не бездействовали¹. Так что, по сдержанным подсчетам, вышло у него книг восемьдесят (даже если считать двухтомники и трехтомники за одну книгу) общим тиражом в несколько миллионов экземпляров. Е. Евтушенко говорит: «Пока в нашей стране не будет условий для свободного развития честной предприимчивости — коллективной и личной, — она будет принимать формы незаконных действий». Так вот, интересно бы услышать, под какое определение подпадает локтевая работа того стихотворца, как ее квалифицировать: незаконные действия, предприимчивость или все та же организованная преступность?

...Я продолжал гадать: может быть, оратор произнесет речь по излюбленному им еврейскому вопросу? Недавно он с великой болью сказал: «Хватит лепить «образ врага» из евреев — их и без того осталось совсем немного...» Действительно. Недавно в одной книге я прочитал, что в 1894 году среди студентов Харьковского университета, ныне столь близкого депутату Евтушенко, евреи составляли — это при зверской-то процентной норме! — 26,3 процента. А сколько сегодня? Да ведь, поди, — это при отсутствии-то всякой нормы! — 25 не наскребешь.

Автор предполагает опубликовать эту статью в более полном виде несколько позднее. — *Ред.*

¹ По его словам, ни одно издательство ни разу не предложило ему издать книгу. Так что всюду приходилось пробиваться самому. И пробивался. — Книжное обозрение. — 1989. — № 1. — С. 6.

А вспомним некоторые факты уже советского времени из других областей жизни. Возьмем наш Наркоминдел. В самом начале там главенствовали такие фигуры, как Лев Давыдович Троцкий и Адольф Абрамович Иоффе. Потом после Георгия Васильевича Чичерина наркомом был много лет Максим Максимович Литвинов. Кто ж его не знает! Большой путь человек прошел. В партию вступил еще в 1898 году, одновременно с будущим Генсеком. С 1918 года — член коллегии Народного комиссариата иностранных дел, с 1921 года — заместитель, а с 1930 года — около десяти лет — нарком по иностранным делам. После короткого перерыва в 1941—1946 гг. опять заместитель наркома, одновременно около двух лет — наш посол в США, участник военно-дипломатических совещаний представителей СССР, США и Великобритании в Москве. На XVII съезде партии стал членом ЦК ВКП(б), избирался членом ЦИК СССР и депутатом Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов. Разумеется, имел самые высокие награды. И работал все эти годы, естественно, рука об руку с И. В. Сталиным. Словом, содержательнейшую жизнь прожил. Но советские и зарубежные авторы приводят довольно монотонные перечни должностных лиц Наркоминдела за тот длительный период, когда его возглавлял М. М. Литвинов, и впечатление, право, такое, что это важнейшее учреждение напоминало в ту пору столичный филиал Харьковского университета.

Эти же авторы пишут, что сходную картину в 30-е годы можно было видеть и в некоторых других наркоматах, ведомствах. Напоминают, например, что Наркомат авиационной промышленности возглавлял М. М. Каганович, брат которого, будучи членом Политбюро, секретарем ЦК, попеременно возглавлял то крупнейшие партийные организации страны, то важнейшие наркоматы. Начальниками Политуправления РККА долгие годы были Я. Б. Гамарник, Л. З. Мехлис. И сколько они при этом еще занимали постов! Гамарник на XV—XVII съездах избирался членом ЦК, являлся заместителем председателя РСФСР СССР, заместителем наркома обороны СССР, был еще и ответственным редактором «Красной звезды»! А Мехлис, являясь и членом ЦК, и депутатом Верховного Совета, после Главного политуправления РККА в 1940—1941 гг. руководил Госконтролем СССР, в 1941—1942 гг. был заместителем наркома обороны, с 1942-го — членом военного совета ряда армий и

фронтов. Когда Л. З. Мехлис, будучи повинен больше других в разгроме наших войск в Крыму весной 1942 года, прибыл с докладом об этом Верховному Главнокомандующему, тот, по свидетельству К. Симонова, не стал его слушать, а бросил в лицо: «Будьте вы прокляты!» И вышел из кабинета. Но сталинское проклятие не помешало этому человеку плыть дальше, дальше и дальше. И после войны оставался он членом Оргбюро ЦК, членом Президиума Верховного Совета, генерал-полковником, обладателем четырех орденов Ленина, двух — Красного Знамени, орденов Суворова и Кутузова I степени, Красной Звезды...

Как хорошо быть генералом!..

НО ВОТ ДЕПУТАТ Евтушенко поднялся на трибуну и начал речь. Его голос звенел... О чем же была его речь, которую слушала вся держава? Трудно поверить, но депутат говорил не о проблемах экологии, не о грызной агрессии в Панаме, не о преступности, не о межнациональных отношениях, поэт отвечал на критику своих стихов. Да не стихов даже, а всего лишь одного стихотворения, которое отважился поcritиковать вчера в этом зале один такой же, как он, депутат.

Признаться, я почувствовал себя сильно уязвленным. Ну, в самом деле, еще летом, до Петрова дня, я напечатал статью, в которой довольно решительно высказал поэту кое-какие претензии. На моментальную реакцию, конечно, не рассчитывал, но уж к Покрову-то надеялся все-таки получить ответ. Однако уже и Никола-зимний миновал, а поэт все не устаивает. Обидно, право.

Тем более что претензии мои были, кажется, не пустячные. В частности, я упрекал поэта в том, что он явно в ущерб своему творчеству уж слишком увлекся анализом жизни и работы собратьев, превзойдя здесь знаменитого Джека-потрошителя: одного писателя обвинил в трусости, другого — в нечестности, третьего — в предательстве, о четвертом на всю страну спросил: не убийца ли он? О пятом — без малейших сомнений: палач!

А ведь сам-то уж-таки не без грешков! Хотя бы по части той же трусоватости. Стоило, например, коллегам поcritико-

вать его когда-то за шаловливое издание во Франции своей «Автобиографии рано созревшего человека», как этот скороспелый человек тотчас и раскололся, подобно Б. Н. Ельцину на октябрьском Пленуме в 1987 году: «Я еще раз убедился, к чему приводит меня мое позорное легкомыслие...», «Сработало одно из главных моих качеств — амбиция...», «Я совершил непоправимую ошибку...», «Это для меня урок на всю жизнь...», «Суровая школа сегодня, конечно, для меня на всю жизнь...», «Я хочу заверить писательский коллектив, что полностью понимаю и осознаю свою ошибку...», «Я потерял как коммунист политическое лицо...» и т. п. Право, не всякий отличит, что в этой подборке принадлежит Ельцину, а что — Евтушенко.

...К слову сказать, т. Ельцин позволил себе недавно в «Огоньке» издевку над Ниной Андреевой. И никто не урезонил его: «Постыдись, путешественник! Она, женщина, два года стоит против вашей грязной травли неколебимо, как Марфа Посадница. А ты, мужик, при первой же встрепке захныкал...».

А взять историю с Пастернаком. Я написал в той летней статье, что Евгений Александрович и тогда вел себя не слишком храбро: не только отмолчался на собрании, осудившем Пастернака, но и потом долгие годы молчал. Хотя бы стихок сочинил: дескать, вы, жадною толпой стоящие у кассы... Нет! А принялся защищать и превозносить Пастернака во весь голос и на всех перекрестках лишь недавно, когда это стало не только вполне безопасно, но и очень выгодно. Поэтому если сейчас он пишет: «Никогда вроде не был я трус», — то это лишь доказывает, что автор стихотворения и его лирический герой не всякий раз полностью совпадают.

Ныне поэт еще и корит кого-то безымянного за то, что «раздували малоземельный героизм Брежнева». Но, во-первых, малоземельный героизм не выдумка, а историческая реальность, с которой сам писатель, к сожалению, никогда не соприкасался. Во-вторых, не кто иной, а как раз Евтушенко и принимал участие в раздувании Брежнева, например, в книге «Точка опоры», вышедшей в 1981 году, когда суть брежневщины уж до того всем была ясна, что просто тошнило.

Я писал еще и о том, что при всех режимах Евтушенко цвел и благоухал: выпустил чуть не сотню книг, совершил больше сотни заграничных поездок, получал отменные награды... В сущности,

по вине командно-административной системы ему не удалось осуществить лишь одно-единственное желание: «Хотел бы я женщиной стать хоть однажды». И несмотря на все это, он жалуется, канючит, изображает себя мучеником застоя, страдальцем перестройки, редакционно-издательским изгоем, бесприютным и гонимым Агасфером нашей литературы. Только в Сингапуре, говорит, и любят меня издатели².

Я предлагал также Евтушенко и его друзьям по примеру собратьев, выкупивших когда-то из крепостной неволи Шевченко, скинуться, не скупясь, и выкупить из литфондовской неволи бывшую дачу Пастернака, чтобы организовать там музей поэта. Многие, бесспорно, поддержали бы благородный почин.

Наконец, сожалея о провале Е. Евтушенко на выборах в столице, я радовался его успеху на родной ему Украине. «К счастью, — писал я, — при повторных выборах близоруких москавичей поправили проницательные харьковчане...»

И вот на все это; и на суровую критику, и на добрые пожелания, и на сочувствие, и на радость, и на предложение организовать выкуп дачи — на все это колпега не ответил. Ни словом. А тут прошло около полутора суток, а уже отвечает. Ну, как не досадовать мне, как не печалиться. Ей-ей, индо плакать хотелось... И в чем же дело? А в том, что на этот раз поэт покритиковал генерал. «Как хорошо быть генералом!» — мычал я сквозь зубы мотив известной песенки.

К барьеру, генерал!

ДА, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР М. С. Сурков, депутат от Армении, высказал на Съезде критическое суждение о стихотворении Е. А. Евтушенко «Подавляющее большинство». Он нашел сомнительными строки:

Подавляющее большинство,
пахнешь ты, как навозная роза,
и всегда подавляешь того,
кто высовывается из навоза.

Сильно огорчили оратора также слова о том, что «и козлы-пастухи во главе, и тупое козлиное: «Надо». Депутат сказал: «Чтобы Съезд мог принять какое-то решение, всегда должно быть большинство. Сегодня мы с вами принимали решение. Значит, по аналогии, я воспринимаю все

² Обо всем этом, в том числе о любви и поэту лишь сингапурских издателей. Е. Евтушенко плакался корреспонденту «Книжного обозрения» А. Щуплову. — Книжное обозрение. — 1989. — № 1. — С. 3. 6. 10.

это в свой адрес». Генерал был готов охотно признать, что поэт разбирается в стихах лучше, чем он, однако заметил: «Я думаю, что такие произведения в дни Съезда звучат по крайней мере оскорбительно». Зал встретил эти слова аплодисментами. А закончил оратор вполне миролюбиво и дружески: «Я просил бы, товарищи, быть немножко друг к другу по-уважительней. Давайте друг друга будем больше уважать».

И вот прославленный поэт отвечает... Выступление Суркова было, в сущности, репликой в две-три минуты, критика стихотворения заняла в ней всего три десятка строк известинской стенограммы. Поэт же ответил развернутой речью, построенной по всем законам элоквенции. Тут были и пафос, и сарказм, и экскурсы в историю, и напоенные сладкой цинкутой обращения «мой уважаемый молодой генерал»...

Когда речь поэта раза в три-четыре превысила реплику генерала и время по регламенту уже истекло, раздался звонок председательствующего. Это ничуть не смутило оратора. Не моргнув глазом, он гордо тряхнул кудрями, гневно поправил очки и воскликнул: «Товарищи! Выступавший генерал Сурков по моим часам говорил на три с половиной минуты больше».

До этого эпизода я считал, что знаю Евтушенко хорошо: и то сказать, созерцаю его вот уже лет тридцать с лишним. Но даже я не мог предположить в нем той легкости, с какой самую высокую в стране трибуну он превратит в трибуну Центрального Дома литераторов, начнет сводить на ней личные литературные счета, изображая это как принципиальный идеологический и нравственный поединок, в котором секунданты из президиума ставят его в неравное положение.

Председательствующий, который в иных случаях был так настойчив и энергичен (например, ради нужного результата пошел на повторное да еще поименное голосование по пакту 1939 г.), на сей раз только и сказал: «Нет». А ведь обязан был поставить на голосование вопрос о дополнительном времени оратору. Но где там устоять под таким нахрапом чистой поэзии! В результате этого капитулянтского попустительства, выражаясь фигурально, Сурков выстрелил в Евтушенко из пистолета да еще резиновой пулей («Давайте друг друга уважать»), а тот ответил атомной бомбой. Ведь его выступление перепечатала еще и «Литературная газета»! Словом, так или иначе, а Евтушенко

беспрепятственно продолжал речь, еще раза в полтора превысив выступление Суркова.

Александр Сергеевич и Евгений Александрович

ЧЕМ ЖЕ, однако, помимо многословия примечательно было выступление депутата Е. Евтушенко? Очень многим! Например, критику своего несколько перенасыщенного «навозом» и козлиным духом шедевра он изобразил как «попытку поссорить нашу интеллигенцию с руководителями нашей партии, с нашим Президентом». Естественно, такое заявление представлялось несколько сомнительным. Во-первых, как ни огромна интеллектуальная мощь и творческая потенция Евтушенко, но его фигурой все-таки не исчерпывается понятие советской интеллигенции. Тут, в зале Съезда, находились, допустим, академик Д. С. Лихачев, писатель В. Г. Распутин, композитор Р. В. Паулс и многие другие представители нашей интеллигенции. И едва ли критика евтушенковского творения была способна поссорить с этими людьми руководство страны. Тем более, во-вторых, ведь генерал Сурков прямо сказал, что он разбирается в поэзии «не так блестяще, как поэт Евтушенко». Надо думать, все руководители, как и лично «Президент», приняли это во внимание. В-третьих, уж кстати говоря, М. С. Горбачев не президент, а Председатель Верховного Совета СССР. К тому же слово «президент» во всем мире пишут со строчной буквы, а не с прописной, о чем Поэт Евтушенко, так много путешествующий по свету, мог бы знать.

Дальше оратор заявил, что генерал вообще не понял его стихотворения. Что ж, такое случается не только с генералами, классик был прав, когда сказал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Да что говорить о Евтушенко, если даже Пушкина не всегда понимали так, как он того хотел. (Наша ссылка на Пушкина тем более правомерна, что, предприняв в своей речи «маленький экскурс в историю», Евтушенко назвал и его имя.) Кто не помнит истории со знаменитыми пушкинскими «Стансами»:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

Современный исследователь толкует стихотворение так: «Стансы» обращены к Николаю Первому в то время, когда Пуш-

кин еще заблуждался в оценке нового императора и верил, что он сможет быть полезным России. Поэт ставит царю в пример Петра и как бы начерчивает Николаю программу деятельности». В самом деле:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неумоим и тверд
И памятью, как он, незлобен.

Как видим, наш современник вполне оправдывает поэта. Но иначе судило общественное мнение той поры, воспринявшее стихи, как ныне говорят, в контексте времени. Одной из самых важных черт этого контекста у всех в памяти стояла расправа царя над декабристами, столь недавняя. И вот С. П. Шевырев, вспоминая пребывание Пушкина в Москве зимой 1826/27 года, писал: «Москва неблагородно поступила с ним после стихотворения «Стансы»: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, обвиняя в ласкательстве, наущничестве и шпионстве перед государем». А в ту пору стихотворение даже не было еще напечатано и могло лишь в рукописи ходить по рукам. Однако неприязненная реакция не останавливает автора, и «Стансы» появились в «Московском вестнике» № 1 за 1828 год. После этого, как утверждает другой наш современник, даже «в близких Пушкину кругах эти стансы были поняты как измена прежним убеждениям и форма лести». Словом, тоже предпринималась попытка посорить интеллигенцию с руководством. Это было тем более опасно, что ведь считать Александра Сергеевича олицетворением русской интеллигенции того времени имелось несколько больше оснований, чем теперь Евгения Александровича.

Волк на псарне

НО В ЧЕМ ЖЕ именно состояло непонимание М. С. Сурковым произведения поэта Евтушенко? Автор объясняет: «Ей-богу, вы ошибаетесь, уважаемый молодой генерал, по адресу стихотворения «Подавляющее большинство», в котором нет никакого конкретного адреса, никакого конкретного обращения к нашему Съезду. (Шум в зале)». Между прочим, Пушкин тоже мог бы сказать: «Позвольте, господа, в моих «Стансах» нет никакого конкретного адреса, никакого конкретного обращения, не написал же я там:

Во всем будь пращуру подобен,
Николай Павлович!»

Но Александр Сергеевич не прибег к такому аргументу в свое оправдание. А вот Евгений Александрович не остановился. И это изумляет! Какие еще нужны «конкретные адреса», если «Подавляющее большинство» опубликовано в цикле, озаглавленном «Депутатские элегии»; если вся публикация (она состоит из восьми стихотворений и статьи к ним) названа по депутатскому значку «Маленькое, но тяжкое знамя»; если под ней стоит не просто «Евг. Евтушенко», а к этому добавлено «народный депутат СССР от Харьковского территориального округа № 520»; если в публикации речь все время идет о выборах, о депутатах, об их обязанностях, о Съезде; если она появилась именно к Съезду; если автор прямо заявил: «Вот некоторые мысли, которыми я хотел поделиться с читателями «ЛГ» в атмосфере открывающегося Второго Съезда народных депутатов»; если, наконец, у всех в памяти презрительные слова о «послушно-агрессивном сталинско-брежневском большинстве», сказанные на Первом Съезде единомышленником Е. Евтушенко...

И вот, несмотря на все это, поэт утверждает: нет никакого конкретного адреса! «Это стихотворение философское, ибо основывается на всем печальном историческом опыте человечества». Ну разве это для образованного человека довод? Читал же когда-то Евтушенко, учась в Литературном институте, басню И. А. Крылова «Волк на псарне!» Помнит же хотя бы ее заключительные строки, слова Ловчего, обращенные к Волку:

«Ты сер, а я, приятель, сед.
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Так вот, эта басня тоже философское произведение и основывается если не на всем историческом опыте человечества, то уж наверняка на историческом опыте русского народа. А между тем она имела вполне конкретные адреса: Ловчий — это М. И. Кутузов, Волк — Наполеон.

Как видим, все увертки поэта — и литературные, и философские, и исторические — оказались несостоятельными. А уж как старался, как шнырял туда-сюда. Право, будто бы таракан, загнанный генеральским веником в угол (надеемся, такое сравнение нам извинят, ибо речь идет о человеке, который сам на страницах писательской газеты прибегает к таким сравнениям, как «стадо», «козлы», «навоз», об-

рацая их к подавляющему большинству своих противников)³.

Интересно, а как поступил в свое время Пушкин? Он написал стихотворение «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю;
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами,—

и так далее. Не будем здесь говорить о том, прав или не прав был поэт. Заметим только, что даже почти сто лет спустя Д. Мережковский назвал это «одой Николаю». Но во всяком случае Пушкин не юлил, не метался, как таракан в углу, не оглашал с Ивана Великого на страну ложь, а прямо и честно отстаивал свой взгляд. Как ныне принято говорить, не мог поступаться принципами. К сожалению, это не единственное принципиальное отличие Александра Сергеевича от Евгения Александровича.

Пострашнее цензоров из политуправления...

ИТАК, Е. Евтушенко обвинил критика своих стихов, основывающихся на историческом опыте всего человечества, в слишком узком толковании их, иначе говоря, в чрезмерной крайности. Но мы видели, что порой и сам поэт впадает в некоторую крайность. Нелицеприятную оценку своего стихотворения он представил как попытку поссорить нашу интеллигенцию с «Президентом». Разве это не крайность? Или вот он сказал: «У меня к вам добрый совет старшего не по чину, а по возрасту товарища (военного чина, даже звания ефрейтора, Е. Евтушенко, к сожалению, никогда не имел.— В. Б.), уважаемый молодой генерал: не спешите с обвинениями в адрес литературы...» Вы слышите? Литературы! Одно-единственное свое стихотворение для него уже литература. Ну разве это опять же не крайность? Думается, если бы речь шла даже о всем творчестве Евтушенко, то и тогда оперировать понятием всей литературы было бы несколько опрометчиво. Как говорили древние, «в поэзии есть место не только для Гомера».

Этим набор евтушенковских крайностей

не исчерпывается. Например, как раньше, допустим, на страницах «Огонька» и «Книжного обозрения» он изображал себя жертвой застойной поры и даже страдальцем перестройки, так и теперь он то же самое проделывал на трибуне Съезда на глазах всего народа. Мы услышали от него: «Уважаемые депутаты, уважаемый молодой генерал Сурков! В 1960 году тогда еще молодой Евтушенко написал вместе с композитором Колмановским песню «Хотят ли русские войны?». Но тогдашние высокопоставленные цензоры из политуправления армии мундирной стеной (Е. Евтушенко никогда никаких мундиров не носил, а, пожалуй, тогда на трибуне мундир советника юстиции третьего класса — районного прокурора был бы ему очень к лицу. — В. Б.)... встали на пути этой песни к народу, обвинив ее в демобилизирующем воздействии на дух советских воинов».

Из сравнительно недавнего прошлого известно, что судьба некоторых стихов и песен о войне действительно была трудной. Вспомним хотя бы «Враги сожгли родную хату» М. Исаковского и М. Блантера. Стихотворение было напечатано в июльской книжке «Знамени» за 1946 год. А 31 августа того же года в «Комсомольской правде» появилась статья с характерным для тех времен заголовочком: «Об одном стихотворении Михаила Исаковского». В ней говорилось, что хотя стихотворение задушевное и человеческое, но его герой «потерял чувство эпохи», а поэту в данном случае «явно изменило чувство поэтического и гражданского такта». Что же касается самого журнала, то ему было указано, что он «проявил политическую нечувствительность». Статья была небольшая и без подписи. Кто именно писал ее, сейчас докопаться трудно. Возможно, она появилась в результате редакционной спешки или молодежной горячности. Но вот минул год — время достаточное, чтобы и успокоиться, и разобраться. Однако в августовском номере «Октября» за 1947 год публикуется новая статья о злополучном стихотворении. На этот раз автор не безымянный темпераментный комсомолец, а многоопытная и широкообразованная писательница — Вера Инбер. Ей было тогда под шестьдесят. Она писала уже более обстоятельно, используя все доводы и аргументы своего обширного опыта. Поэтесса, в частности, утверждала, что герой Исаковского, провоевавший зсю войну («я шел к тебе четыре года»), не только потерял чувство эпохи, но и вообще недос-

³ Не будем уж ставить в строку депутату «убийцу», «предателя», «палачей» и другие эпитеты того же разбора, которые он шлет по вполне конкретным адресам своих литературных противников.

точно близок к жизни. Она находила, что его образ не столь лучезарен и оптимистичен, как ей хотелось бы. Да и вообще, изумлялась поэтесса, что это за порядок: солдат, вернувшийся с фронта, проливает слезы «несбывшихся надежд»! Откуда, мол, взяться этим малодушно-безответственным слезам и чему-то там несбывшемуся, если враг повержен и победа за нами? Разве поэт не исказил сияющую правду истории?.. Каким-то непостижимым образом Инбер с присущим ей изяществом абстрагировалась от того факта, что у героя стихов враги «сгубили всю его семью». Всю! В числе двадцати миллионов. В результате этого абстрагирования одно из самых правдивых, глубоких, пронзительных произведений о народной трагедии войны предстало под бдительным пером поэтессы в виде чуть ли не идеологической диверсии. И вновь оно появилось лишь вместе с нотами как песня в 1961 году. 15 лет песня прорывалась к народу! А до этого пели ее в поездах ближнего и дальнего следования лишь калек войны, которым нечего было бояться и нечего было терять.

Стихотворение «Враги сожгли родную хату» занимало в журнале только одну страничку, весь остальной объем заполнили произведения П. Вершигоры, Л. Первомайского, П. Антокольского, С. Гудзенко, В. Гроссмана, Л. Ландау, Л. Арагона, А. Лейтеса, М. Гельфанда, Д. Данина и Л. Варшавского. Какое из них оставило в душе и сознании такой же след, как та единственная 63-я страничка? Именно так, буквально по песчинкам, накапливается духовная сокровищница народа.

Вспоминается еще одна история. В 1975 году появилась песня «День Победы» Д. Тухманова и В. Харитоновой, поэта-фронтовика, ныне покойного. Прошло два года, можно было бы оценить ее по достоинству, но поэт К. Ваншенкин со знакомым нам негодованием образца 1946—1947 годов назвал эту прекрасную песню «резиновой поэтической пустышкой», которую-де нам насильно «суют в рот». Образ, конечно, странный, ибо пустышка затыкает рот, как же тогда петь? Но гораздо печальнее то, что К. Ваншенкин объяснил песню «диверсией (у В. Инбер этого слова все-таки не было.— В. Б.) против национального вкуса» и, оставляя далеко позади предшественницу, требовал запретить подобные песни в законодательном порядке. Беда, когда такие неистовые ревнители идейно-художественной чистоты берутся защищать наш национальный вкус,

А ведь попытка такой защиты была принята поэтом не в узком дружеском застолье, а на Всесоюзном съезде писателей⁴. Слава богу, к рекомендациям К. Ваншенкина никто не прислушался, и песня вот уже полтора десятилетия живет.

Нос к носу с мировой культурой

ЧТО ЖЕ, ЕСЛИ гениальное стихотворение Исаковского, ничего не поняв в нем, сурово осудила рафинированная поэтесса; если замечательную песню «День Победы» предлагал запретить поэт, окончивший когда-то Литературный институт, то легко можно представить себе, что кто-то из военных, не кончавших Литературный институт, не оценил по заслугам хорошую песню «Хотят ли русские войны?» или даже противился тому, чтобы она оказалась в репертуаре прославленного ансамбля песни и пляски Советской Армии. Дальше-то власть «высокопоставленных цензоров из политуправления» на песни, как известно, не распространяется. Словом, в какой-то мере я был уже готов поверить печальной истории, рассказанной Е. Евтушенко с трибуны Съезда, но.. Но вот у меня музыкально-поэтические «пуристы» названы по именам, указано, где и когда они боролись за чистоту нашей идеологии и национального вкуса, приведены цитаты. Почему же Е. Евтушенко так сдержан на сей счет? Кто именно, где, когда обвинил его песню в демобилизующем воздействии? Как зовут этих «высокопоставленных цензоров»? Кто встал «мундирной стеной» против никогда не носившего мундир стихотворца?

Вместо ответа на один хотя бы из этих вопросов оратор продолжал: «Это все кажется сейчас диким, неправдоподобным после того, как эта песня все-таки проби-лась...» Действительно, стихи же прозрачны, как стеклышко! Разве что одна только строка несколько сомнительна. Тем, кого тревожит вопрос, хотят ли русские войны, поэт советовал обратиться по адресу, не совсем четкому: «Спросите у жены моей». Некоторые, пожалуй, слишком дотошные люди говорили, что лучше бы написать так:

Хотят ли русские войны,
Спросите у любой жены.

⁴Шестой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. — М.: Советский писатель, 1978. — С. 359.

Но это, конечно, случай опять же слишком узкого понимания художественного произведения, в котором каждое слово основывается не только на личном, но и общечеловеческом опыте. Это отчасти просто придирка.

А в остальном стихи совершенно безупречны, вполне в духе тогдашних речей Н. С. Хрущева. Где-то приходилось читать, что он очень любил эту песню и частенько напевал ее в дружеском кругу, правда, чуть-чуть видоизменяя некоторые строчки:

Да, мы умеем воевать,
но тем, кто нам грозит опять,
мы кузькину покажем мать...

Право, трудно даже вообразить себе, как и кто против такой песни мог встать «нерушимой стеной обороны стальной». Или «стена» все-таки действительно была? Мы знаем, что песня Исаковского — Блантера пробивалась к народу пятнадцать лет. Ну, а сколько же тогда пробивалась песня Евтушенко — Колмановского? Десять лет? Пять? Три, наконец? Для хорошей песни и это срок возмутительный!

Ответы на некоторые из моих вопросов я нашел в книге Е. Долматовского «50 твоих песен» (М.: Детская литература, 1967). Это очень интересная книга. Она тем более мне дорога, что автор, мой давний старший коллега, когда-то подарил ее мне с теплой дружеской надписью, Евгений Аронович не только всем известный поэт, создатель многих прекрасных песен, но и отменный знаток истории советской песни. Эта книга и рассказывает о создании, об истории пятидесяти наших песен от «Интернационала» до «На безымянной высоте». Между прочим автор книги не счел возможным рассказать здесь ни об одной из своих песен.

Последнее обстоятельство невольно напрашивается на сопоставление с тем фактом, что в упоминавшейся книге Е. Евтушенко «Точка опоры» помещено около тридцати фотоизображений ее автора: и в фас, и в профиль, и в четверть оборота, и в три четверти, и со спины, и в обнимку с Марком Бернесом, и слева от Николая Тихонова, и справа от Михаила Светлова, и в одной комнате с Леонидом Мартыновым, и у одной могилы с Ярославом Смеляковым, и на одной скамейке с Валентином Распутиным, и возле Шостаковича... И около Назыма Хикмета, и недалеко от Пабло Неруды, и в мастерской Пабло Пикассо, и плечом к плечу с Габриэлем Маркесом, и рядышком с Робертом Фростом, и рука к руке с Федерико

Феллини, и ухо к уху с Питером Устиновым, и впереди Фиделя Кастро, и позади Луиса Корвалана... И в одной шеренге со строителями Колымской ГЭС, и со своим русским сыном среди рабочих Магнитогорского металлургического комбината, и со своим английским сыном в момент приема пищи, и на Мосфильме в роли Циолковского, и на берегу Амазонки в виде полуголого Лаокоона, обвитого чудовищной анакондой (голоза ее в крепких руках змеелова-профессионала)*... И со сжатым кулаком («Рот-фронт!»), и уперши руки в боки (первый парень на деревне!), и с указующим перстом («Аз говорю вам!»), и в простеckой кепочке, и с головой, обремененной шахтерским шлемом, и с головой, не обремененной ничем...

Козни лорда Хьюма

ОДНАКО мы невольно увлеклись, забываясь фотографиями. А что там, на Съезде, было еще сказано о песне? Е. Евтушенко сказал, что она написана в 1960 году. Из других же источников, в том числе из его все той же книги «Точка опоры», мы узнаем, что это произошло в 1961 году. И Е. Долматовский пишет:

«...Стихотворение складывалось постепенно в дороге, поэт привез его из-за рубежа осенью 1961 года». Итак, осенью 61-го, и пока еще не песня, а только стихи. Зачем же теперь автор сдвинул дату? Это мы скоро узнаем.

Е. Долматовский продолжает: «Поэт показал стихотворение композитору Эдуарду Колмановскому, искавшему стихи для песни: в то время композиторы соревновались за право участвовать новой песней в торжественном концерте, посвященном приближавшемуся XXII съезду Коммунистической партии». Как видим, Е. Евтушенко включился в это благородное соревнование на лучший подарок партсъезду.

Е. Долматовский: «Накануне партийного съезда прозвучало несколько новых песен. Среди них «Хотят ли русские войны?». Не прошло и года, как эта песня стала известна всюду...»

Допустим, стихи были написаны даже в самом начале осени 1961 года, скажем, 10 сентября. Поэту надо было встретиться с композитором, тому поработать какое-то

* Пожалуй, это могло бы быть прекрасным фотоэпиграфом к творчеству Е. Евтушенко.

время над музыкой, и, предположим, 15—17 сентября песня родилась. Потом какой-то хор ее разучивал, репетировал, может быть, записывал на пластинку, и вот накануне съезда она прозвучала. А съезд открылся 17 октября. Значит, прозвучала она числа 15—16 октября. Что же получается в итоге? Если «Враги сожгли родную хату» пробивалась пятнадцать лет, то «Хотят ли русские войны?» — недели две-три, самое большее — месяц, то есть раз в сто — двести быстрее. А это возможно лишь при самом благожелательном отношении к песне на всех ступенях ее продвижения. И говорить тут о какой-то «стене» уж до того грешно, до того стыдно... Теперь, надеюсь, всем понятно, почему на Съезде Е. Евтушенко отодвинул на год дату появления песни: он хотел наскрести хоть годик бесстрашной борьбы за свое детище против тупой «мундирной стены».

Е. Долматовский: «В 1962 году на Конгрессе за всеобщее разоружение и мир в Москве делегаты со всех континентов получили пластинку с этой песней — на английском, французском, немецком и испанском языках». Вот какой размах придали делу, и притом с ходу! Через очень короткое время, в том же 1962 году, песня вошла в репертуар ансамбля Советской Армии, находящегося, как известно, под эгидой тех самых монстров из политуправления, с которыми Е. Евтушенко бесстрашно бился.

Могут возразить, в частности, избиратели Харькова: «Но неужели все, что было сказано с трибуны Съезда об этой песне, неправда? Депутат же! Народный!» Ведь вот что он писал накануне Съезда: «Народный депутат — это человек, чья профессия — быть виноватым во всем. Даже если это вина лично безвинная, ее все равно надо принимать как профессиональную **всеответственность**. Прорвало в чьей-то квартире ржавые трубы? Ты ни при чем, но ты отвечаешь...»

Мы можем успокоить избирателей и читателей поэта: нет-нет, в том, что он говорил, есть очень важное и ценное зерно истины. Несмотря на сказочные сроки прохождения по всем инстанциям и большую популярность, у песни действительно были враги, злые и могучие, которые, встав на ее пути стеной, пытались ее запретить. Об этом свидетельствует тот же Е. Долматовский: «В 1963 году Краснознаменный ансамбль совершал большую поездку по странам Европы. Когда люди в фуражках и гимнастерках армии, устано-

вившей знамя на рейхстаге, пели «Хотят ли русские войны?», это вызвало шквал аплодисментов. Так было во Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии. И вот ансамбль Советской Армии прибыл в Лондон. В Альбертсхолле должно состояться выступление. Перед выступлением стало известно, что власти запретили исполнение «Хотят ли русские войны?» по причине того, что песня подрывает политику лорда Хьюма и является вмешательством во внутренние дела Англии».

Вы поняли, избиратели-почитатели? Да, песню пытались запретить, но по обвинению не в демобилизующем воздействии на дух советских воинов, а во вмешательстве во внутренние дела Англии, и делали это не «высокопоставленные цензоры из политуправления», а высокопоставленные чиновники из хьюмовской администрации. И вот теперь, спустя четверть века, произвол и тупоумие этих лондонских тупиц ваш избранный валит на своих соотечественников. Как вариант старого анекдота: «Иванова ограбили бандиты, сняли последнее пальто на рыбьем меху. Но при проверке оказалось: не пальто, а добротную шубу, и не сняли, а подарили, и не бандиты, а ближайшие родственники, и не Иванову, а Карапетяну». О, все это так в духе нового мышления! Так привычно уже для прорабов перестройки!

«Это звучит как анекдот, — продолжает Е. Долматовский, — но краснознаменцам было не до смеха. После долгих споров запрет был снят, и песня прогремела со сцены Альбертсхолла».

В конце своего рассказа Е. Долматовский сообщает, что однажды «Комсомольская правда» задала читателям вопрос: что они взяли бы с собой в дальнейшее космическое путешествие, допустим, на Марс? Тридцатилетний слесарь Н. Кар из Кемерово написал, что непременно взял бы с собой запись песни «Хотят ли русские войны?»... Вот какие прекрасные страницы были в биографии этой песни. Но что сказал бы Н. Кар сейчас о выступлении ее автора на Съезде? И что он, как слесарь, думает, и что мог бы предложить при виде ржавых труб, из которых хлещет и хлещет луж?

Говорят, скоро возьмут в космос и писателей. Первым, как всегда, и здесь окажется Е. Евтушенко, мой уважаемый молодой депутат. Если и ему предложат захватить с собой в полет одну-единственную книгу, то я посоветовал бы — Уголовный кодекс РСФСР или Украины.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

В редакцию журнала в последнее время поступает много писем с просьбой опубликовать потери Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

В канун 45-й годовщины Победы советского народа в этой войне главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В. И. Филатов обратился к начальнику Генерального штаба ВС СССР генералу армии М. А. МОИСЕЕВУ с рядом вопросов.

Михаил Алексеевич, в последнее время в ряде публикаций («Литературная газета» № 5 [5279] от 31 января 1990 г., «Красная звезда» от 24 января с. г. и др.) называются различные цифры потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Причем «диапазон разброса» этих цифр довольно велик — от 10—12 до 22 и более миллионов человек. Что вы можете сказать по этому поводу!

Да, я знаком с этими публикациями. Скажу лишь одно, что они основаны не на документальных материалах, а на домыслах. Здесь есть и наша вина: мы долго держали в секрете данные о потерях. О них знало очень малое количество лиц, допущенных к документам особой важности. Кроме того, нами по-настоящему не были проанализированы имеющиеся в Генеральном штабе документы по этому вопросу. В 1988—1989 годах работали две комиссии по анализу и подсчету потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Одна — по личному составу, другая — по вооружению и боевой технике. Итоги работы комиссий в Генеральном штабе рассмотрены и утверждены.

Прежде чем назвать цифры потерь, хочу сразу оговориться, что хотя они и меньше названных вами и тех, что появлялись в печати, но все же велики.

Советские Вооруженные Силы потеряли

в годы Великой Отечественной войны (в том числе и в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 млн. 668 тыс. 400 человек, в том числе армия и флот — 509,3 тыс. человек, внутренние войска — 97,7 тыс. человек, пограничные войска — 61,4 тыс. человек. Кроме того, раненые, контуженные, обмороженные, заболевшие составили около 18 млн. человек (в это число вошли те, кто получил одно, два и более ранений), подавляющее большинство из которых после излечения возвратились в войска или народное хозяйство. Эти цифры выведены из донесений фронтов, флотов, отдельных армий, учреждений тыла и сверены с учетом, который велся в Генеральном штабе всю войну.

Следует сказать, что названные цифры максимально возможные, так как часть пропавших без вести и попавших в плен возвращались.

А почему так долго не обнародовались цифры о потерях!

До настоящего времени, как вы знаете, у нас многое было под запретом. Документы о потерях имели гриф «Совершенно секретно», допуск был строго ограничен. Сейчас мы сняли этот гриф. Но

документы уникальны, многие из них имеются лишь в единственном экземпляре. Поэтому и допуск к ним, видимо, придется ограничить, пока не будут подготовлены соответствующие им публикации.

Скажите, в какие периоды Великой Отечественной войны, в каких операциях советские войска несли наибольшие потери?

Если взять потери по годам войны, то наибольшими они были в 1941 году и составили за полгода свыше 20 проц. от потерь за всю войну. В 1942 году — около трети от общего числа безвозвратных потерь за войну. Иными словами, наибольшие потери мы понесли, когда советские войска вынуждены были отходить, попадали в окружение, оставляли занимаемые оборонительные рубежи под давлением превосходящих сил противника на главных направлениях его ударов.

Что касается операций, то среди них можно назвать Смоленское сражение, Киевскую, Московскую оборонительные операции, в которых наши войска понесли подавляющую часть безвозвратных потерь (около 1,5 млн. человек) в 1941 году. Наибольшие потери в 1942 году составили в Харьковском сражении, Воронежско-Ворошиловградской, Сталинградской и Северо-Кавказской оборонительных операциях — около 1 млн. человек. Немалыми они были и в других операциях этих двух лет войны.

Можно ли сказать, что объем потерь советских войск во многом зависел от уровня руководства ими, продуманности и обоснованности решений, замыслов?

Безусловно, да. И об этом свидетельствует опыт Великой Отечественной войны. Приведу пример о небольшом по сравнению со всей войной событии — Любаньской наступательной операции Волховского фронта. Началась она в январе 1942 года вводом в сражение двух свежих армий — 2-й ударной и 59-й. Обе армии двигались из глубины, в ночь накануне наступления их войска заняли исходное положение, им не хватало боеприпасов, противник не был разведан. В первые 1,5 суток боев только 2-я ударная армия понесла потери свыше 3000 человек. Потом, после прорыва узкой горловины в обороне противника, войска 2-й ударной армии вели тяжелые бои в полуокружении, в окружении. Результат — за полгода боевых действий 2-я ударная армия потеряла свыше 66 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести и пленными.

Более крупные просчеты в управлении войсками приводили и к еще большему по-

терям в личном составе, вооружении и боевой технике. Так, в Харьковском сражении весной 1942 года противник окружил войска 6-й, части сил 57-й и 9-й армий, оперативной группы генерала Бобкина и в короткий срок ликвидировал их. Трагичными для наших войск оказались и последствия этого — на более чем 100 км был нарушен фронт. Советские войска не успели укрепить его. Немецко-фашистские войска почти без промедления на этом участке нанесли сильный удар. Так началась уже упомянутая мной Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция, а в ходе ее и наступление немцев к Волге и на Северный Кавказ.

Большие потери несли советские войска при прорыве подготовленной обороны противника на начальных этапах Белорусской, Висло-Одерской, Берлинской и других наступательных операций. К сожалению, не все вопросы хорошо изучены нашими историками. Конечный результат этих операций порой затмевал объективную оценку того, какой ценой достигалась победа в них.

В целом же советские командиры, командующие и штабы в ходе войны приобретали опыт ведения как оборонительных, так и наступательных боев и операций. Уменьшались и потери наших войск. Победа была достигнута и в результате умелого руководства вверенными им войсками.

А что вы, Михаил Алексеевич, можете сказать о безвозвратных потерях вооружения и боевой техники?

Подсчет их также осуществлен. В абсолютных величинах и процентном отношении к ресурсу (сумме наличия к началу войны и поступившего из всех видов источников за войну — от промышленности, по ленд-лизу и других видов поставок) потери составляют: в стрелковом вооружении — почти 15,5 млн. единиц, или 53 проц., в танках и САУ — 96,5 тыс. штук, или 73,3 проц., в орудиях и минометах — 317, 5 тыс. штук, или около 50 проц., в боевых самолетах — 88,3 тыс. штук, или 31,8 проц. от ресурса.

Как видно из этих цифр, высокий процент безвозвратных потерь составляют потери в танках и САУ. Объясняется это тем, что советские войска уже в начале войны, в 1941 году, потеряли почти все танки (20,5 тыс. из 22,6 тыс. танков, имевшихся в Советской Армии к началу войны). Правда, здесь надо оговориться, что из безвозвратно потерянных 20,5 тыс. танков 16,5 тыс. требовали капитального и сред-

него ремонта, имели ограниченный запас хода. Часть из них была устаревших образцов.

Большие потери в танках были в 1943—1944 гг., когда достигался коренной перелом в войне и развертывалось широкое наступление Советской Армии на всем советско-германском фронте, как правило, с прорывом подготовленной обороны противника.

Хочу подчеркнуть одно важное положение, которое сложилось к концу 1941 года в действующей армии. Безвозвратные потери в ней составили к этому времени в процентном отношении к имевшемуся в Советской Армии до начала войны: в стрелковом вооружении — 67, в танках — 91, в орудиях и минометах — 90, в боевых самолетах — 90 проц. Промышленность за вторую половину 1941 года смогла восстановить понесенные потери в стрелковом вооружении лишь на 30 проц., в танках — на 27, в орудиях и минометах — на 58 и в боевых самолетах — на 55 проц.

Таким образом, в конце 1941-го — начале 1942 года не хватало вооружения даже для восстановления боеспособности войск действующей армии, тем более не было его для обеспечения развертываемых резервных формирований Ставки ВГК, которые по ее замыслу должны были решать задачи по разгрому группировок войск противника. Поэтому начатое зимнее наступление в 1941—1942 гг. не могло увенчаться ожидаемым успехом. Наибольшего продвижения (150—250 км) добились лишь войска Калининского и Западного фронтов. На других участках советско-германского фронта — под Новгородом, Харьковом оно закончилось, как уже говорилось, тяжелыми неудачами для советских войск весной и летом 1942 года.

А что вы можете сказать о потерях фашистской Германии? В некоторых публикациях подчеркивается, что они ничтожно малы по сравнению с советскими.

Плохо сравнивать миллионы погибших. Но потери фашистской Германии были несколько не меньшими. Ведь фашистскому командованию к концу войны пришлось проводить тотальную мобилизацию. Об этом

не следует забывать. По имеющимся у нас документам, безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн. человек. При этом следует иметь в виду, что в документах речь идет о безвозвратных потерях только в боевых частях и соединениях и военнослужащих только немецкой национальности. Потери армий сателлитов гитлеровской Германии определяются в 1,2 млн. человек.

И еще один вопрос. Закончена ли работа по анализу потерь Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне и что предполагается сделать в ближайшем будущем?

Естественно, работа продолжается. Во-первых, сейчас в связи с подготовкой к изданию Всесоюзной книги Памяти (председатель редколлегии генерал армии И. Н. Шкадов) развернута большая работа по поименному установлению погибших при защите нашей Родины. Это вселяет надежду, что будут получены более точные цифры безвозвратных потерь личного состава.

Во-вторых, совместно с советскими и партийными органами, общественными организациями осуществляются поиск неизвестных или малоизвестных захоронений погибших воинов, приведение в порядок братских могил, кладбищ, возведение памятников с определением и перечислением лиц, захороненных в них.

Эту работу в Министерстве обороны поручено вести нештатному Координационному центру по увековечению памяти защитников Родины, который возглавляет мой заместитель генерал-полковник А. Н. Клейменов. В этой работе активно участвуют военные архивы.

Нештатный Координационный центр поддерживает тесные связи в проводимых им мероприятиях с местными партийными и советскими органами, ЦК ВЛКСМ, военными комиссариатами, военными советами округов, групп войск и флотов.

Хотелось бы подчеркнуть, что благородное дело увековечения памяти советских воинов — дело всенародное. Оно должно служить и одному из важнейших направлений перестройки — действенному воспитанию наших людей в духе советского патриотизма и интернационализма.

ОНИ НЕ ДОШЛИ ДО АДРЕСАТОВ.
ИХ АВТОРЫ ПОГИБЛИ.
ПИСЬМА ХРАНЯТСЯ В ЦАМО СССР.

Письмо рядового
НИЩИКА Василия Стефановича
жене Надежде Ивановне

29 января 1945 г.

Здравствуйте, дорогая жена и детки. Я слава богу, жив и здоров, того и вам желаю, всего наилучшего в жизни вашей. Дорогая жена, сообщаю я тебе, что во время боя из нашего взвода 8 человек ранило и 2 убило, но я, слава богу, еще остался живой. Иду по Германии, если останусь жив, то много чего будет рассказывать. Но нет надежды быть живому. Гад немец сильно бьется, но наша Красная Армия бьет сильнее. Один фронт уже прошел по направлению к Берлину, и осталось дойти 180 километров² до Берлина. Немцы — вольные жители уезжают. Уже сколько проехали по Германии, но вольного населения не видели. Бросают все и убегают.

Привет, дорогая жена и детки, прощайте, может, больше не напишу, целую, дорогие детки, хоть заочно. Письмо писал 29 января 1945 г.

ЦАМО, оп. 977520, д. 232, л. 326. Подлинник.

★

Письмо рядового
67-й механизированной бригады
8-го мехкорпуса
КРИВУЛИ Андрея Александровича
жене Анне Кузьминичне

23 февраля 1945 г.

Добрый день, дорогая, любимая семья: моя жена и моя родная папина дочь Тамара! Передаю пламенный, от всей души, привет, крепкий поцелуй родителям, братьям и сестрам.

Во-первых, я пишу, моя родная семья³... написать письмо. Посылаю свой горячий крепкий воздушный поцелуй бесчисленно раз и объятия...⁴

Теперь я тебе, Галина, хочу сообщить, что я жив и здоров, того и вам желаю. На много лет здоровья, жить без старости и без усталости! Я пока жив и здоров, но сильно устал. За месяцы войны мой — день в день на фронте, усталое тело и ноги.

А так ничего, так чтобы худой, не худой. Погода сырая: дожди и грязь черная. Сам я письма от тебя получаю

на войне больше, чем в тылу. И 22.2 получил два от тебя, за которые очень и очень благодарю... крепко целую тебя и дочь. Очень рад, что узнал про вас. Слава богу, у тебя все хорошо с хозяйством. И дочь моя родная, папин портрет, растет и ходит и скоро будет говорить. Я так по тебе, а по доченьке еще сильнее скучаю, что не могу переносить такой печали. Думаю вас увидеть, но, наверное, не придется увидеть.

Галия, писем мне писать некогда, потому что война, но [если] жив буду, то напишу. Про вас я никогда не забуду, но про меня тоже, через дочь, не забудьте.

Пока, до свидания, жив и здоров.

Крепко целую вас с дочкой.

ЦАМО, оп. 977521, д. 389, л. 284. Подлинник

★

Письмо рядового
1040-го стрелкового полка
295-й стрелковой дивизии
АБДУЛОВА Сергея Кузьмича
к родным

27 февраля 1945 г.

Здравствуй, дорогая мамаша! Пишет Ваш сын, давно потерявший без вести. Пару слов о себе. Мама, я находился в окружении, потом с большим боем выходили из него, был ранен и взят в плен. Поправившись с раной⁵, при перевозке из лагеря в Германию я и мои товарищи на полном ходу поезда бросились бежать, и после этого [мы] находились в глубоком тылу, в этой проклятой Германии. В лесах занимались партизанством, а так все-таки много, бывши живым, [я] сделал для Родины. В данное время соединился с передовыми частями Красной Армии и нахожусь при части. И снова, мама, с новыми силами движемся вперед, на запад, добивать этого лютого зверя в его собственной берлоге, т. е. в Берлине. Но нам осталось до него 55 км. Надеюсь, мамаша, даст бог здоровья, еще увидимся. Пока, слава богу, — при полном здоровье и полной энергии. Поцелуй, мама, моих племянниц Олю, Люду. Они уже, наверное, большие, а также не знаю, жив ли мой дорогой брат Павлик.

Сердечный привет, братец Павлик, от твоего живущего Сергея. Мама, сообщите телеграммой жене Марии и детишкам, что их папка жив-здоров.

ЦАМО, оп. 977521, д. 42, л. 172. Подлинник.

Публикацию подготовила
Г. Н. ВЗВАРОВА,
старший научный сотрудник
ЦАМО СССР

² Так в письме.

³ Далее неразборчиво.

⁴ Далее неразборчиво.

⁵ Так в письме.

КУЛИК ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (1890—1950), Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза (1940). Член КПСС с 1917 года. В Советской Армии с 1918 года. В гражданскую войну — начальник артиллерии ряда армий. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1932). С 1939 года — заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления. В ходе войны командовал 54-й армией (август—сентябрь 1941), затем в звании генерал-майора (с марта 1942) — в распоряжении наркома обороны СССР командовал 4-й гвардейской армией (апрель—сентябрь 1943), с января 1944 года — заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Советской Армии. После войны — заместитель командующего войсками Приволжского военного округа (до 1946). В 1957 году посмертно восстановлен в звании Маршала Советского Союза. Депутат Верховного Совета СССР в 1937—1946 гг. Награжден четырьмя орденами Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени.

Я родился в 1890 году на хуторе Дудниково, около г. Полтавы, [бывшей] Полтавской губ[ернии] и уезда (ныне Полтавская обл.) в семье крестьянина-бедняка. Отца своего я не помню, т. к. он умер в год моего рождения.

Наша семья, состоящая из 9 человек, занималась сельским хозяйством и имела 2 десятины земли. Я в семье из детей был самый младший. После женитбы братьев и раздела земли мне с матерью досталась доля в размере $\frac{1}{2}$ десятины земли.

В 1906 или 1907 году мать через банк с рассрочкой на 50 лет купила дополнительно две десятины земли, и вот на этой земле я работал до призыва в царскую армию, т. е. до 1912 г[ода].

В царской армии служил в артиллерийских частях от рядового солдата до старшего фейерверкера (унтер-офицера), [был] командиром взвода.

В должности ст[аршего] фейерверкера убыл в 1914 г[оду] на фронт и всю империалистическую войну в должности ст[аршего] фейерверкера пробыл на фронте.

Февральская революция меня застала на фронте, где сразу же я был избран председателем батарейного комитета, потом дивизионного и бригадного и перед Октябрьской революцией был уже председателем солдатского комитета 9-й пехотной дивизии. Через газету «Окопная правда» начал знакомиться с большевистской партией.

В апреле 1917 г[ода] я был избран делегатом на съезд Западного фронта, который состоялся в г. Минске.

На этом съезде я впервые услышал выступления большевиков, и тут у меня окончательно сформировалось большевистское мировоззрение, и на этом съезде я отстаивал линию большевиков.

Нужно отметить, что революционные взгляды, кровавая ненависть к царскому самодержавию, помещикам, офицерам и по-прежнему у меня сложились значительно раньше, еще в 1903 году, при следующих обстоятельствах. Район Полтавщины в 1903 г. был охвачен крестьянскими восстаниями, и в это время было разгромлено поместье нашего помещика. Я еще мальчишкой ви-

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ КУЛИК

дел, как жестоко и зверски расправлялись с крестьянами за эти крестьянские восстания карательные отряды, запарывая насмерть крестьян.

В 1905 году за участие в забастовке был арестован мой брат (старше меня на 18 лет), работавший в то время рабочим в железнодорожных мастерских на ст[анции] Белгород, и был заключен в Курскую тюрьму.

В 1906 году моего брата с группой рабочих, арестованных по этому же делу, судили при закрытых дверях.

На этом суде разрешалось присутствовать по одному человеку из родственников, и от нашей семьи поехал на суд я. Этот судебный процесс, продолжавшийся три недели, был первой моей партийной школой, еще больше выработавшей во мне ненависть к царскому самодержавию и его приспешникам... Мой брат был осужден на 2 года и 8 мес[яцев], и свое наказание он отбывал в Петропавловской крепости... После подавления крестьянского восстания и ареста моего брата в нашей местности работали революционно настроенные студенты, которые, по всей вероятности, зная об аресте и заключении в крепость моего брата, сблизились со мной, и я помогал в их работе.

Моя помощь этим студентам заключалась в том, что я прятал революционную

литературу, а был один случай — и оружие, а также посещал массовки, которые организовывались в лесу около г. Полтавы, примерно в 10 километрах от нашего хутора.

С конца 1912 года, будучи солдатом, я встречался с революционерами и через них начал вести работу среди солдат.

Примерно около 10 раз за период с конца 1912 [года] до ухода на фронт, т. е. по август 1914 [года], я бывал на массовках, организуемых революционерами, и при разгоне одной из таких массовок был избит нагайкой казаками, в результате чего спина около двух месяцев болела, и я не мог, чтобы не выдать себя, обратиться за оказанием медицинской помощи.

В этот же период, т. е. в начале 1913 года, в г. Полтаве я вступил в местную революционную организацию, а это решение явилось результатом того, что тот гнет и произвол, которые имели место в казарме и испытывали... солдаты, испытывал и я.

Если сейчас спросить меня, какая это была организация, меньшевистская или эсеровская, просто затрудняюсь точно ответить, т. к. в политике я в тот период очень плохо разбирался. Что в тот период меня удовлетворяло в требованиях этих революционеров? Свержение царского самодержавия, передача земли крестьянам за плату и власти учредительному собранию.

В 1914 году с уходом на фронт я всякую связь с революционерами до Февральской революции потерял. Но это не значит, что, будучи на фронте, я не вел революционной работы среди солдат. Ненависть к царскому самодержавию, к капиталистам, офицерам и полам я среди солдат всегда прививал, и это позднее сказалось при выборе меня председателем в солдатский комитет.

В 1917 году после возвращения с [о] съезда делегатов Западного фронта я уже более уверенно повел революционную работу. В момент июньского наступления в 1917 году на Криво и Сморганы, будучи председателем дивизионной комиссии 9-й пех[отной] дивизии, я выступил с призывом к солдатам против наступления, за что был арестован, а вскоре под нажимом солдатской массы был освобожден, а дивизия переброшена на Румынский фронт, как дивизия политически неблагонадежная.

В октябре 1917 года во время ухода войск с фронта я с группой вооруженных солдат отправился пешком домой на Украину, где в это время находилась у власти Украинская рада. Эти солдаты впоследствии были основным ядром созданного мною красногвардейского отряда.

В первых числах ноября 1917 года в г. Полтаве я вступил в подполье, в партию большевиков. В этот же период я по заданию партийной организации начал формировать красногвардейский отряд.

В январе 1918 года со своим отрядом выступил против гайдамаков и, нанеся им удар в тыл, облегчил наступление Красной гвардии со стороны Харькова на Полтаву.

Со своим отрядом участвовал в захвате г. Полтавы и далее г. Киева. В начале 1918 [года], командуя отрядом, прикрывал с боями отход частей Красной гвардии при наступлении немецких оккупационных войск

в направлении: Полтава, Харьков, Изюм, Ямы и Годаково.

В районе Луганска на ст[анции] Родаково присоединился со своим отрядом к красногвардейским отрядам рабочих Донбасса, где в апреле 1918 года все отдельные красногвардейские отряды, отступавшие с Украины, были объединены в 5-ю Украинскую армию под командованием тов. Ворошилова, и я был выбран начальником артиллерии этой армии, одновременно командуя Харьковской батареей.

При подходе в июне 1918 года 5-й Украинской армии к Царицыну эта армия и все отдельные отряды г. Царицына под руководством тов. Сталина и тов. Ворошилова были реорганизованы в 10-ю армию, и я был назначен начальником артиллерии этой армии. С этой армией я, как начальник артиллерии, под руководством тов. Сталина участвовал в обороне Царицына против белых и их разгроме.

В марте 1919 [года] после полученного ранения я до окончательного выздоровления в течение 1,5 мес. исполнял должность губернского военного комиссара и начальника гарнизона г. Харькова. В этот период времени, будучи председателем тройки, непосредственно руководил подавлением меньшевистских и эсеровских восстаний в Белгороде, Сумах и Харькове.

В мае 1919 года во время восстания банд Григорьева я был назначен начальником артиллерии этой вновь созданной под командованием тов. Ворошилова армии. За ликвидацию григорьевского восстания был награжден первым орденом Красного Знамени.

После разгрома банд Григорьева эта армия в июне 1919 [года] переформировывается в 14-ю армию под командованием тов. Ворошилова и я назначаюсь начальником артиллерии этой армии.

С переводом тов. Ворошилова из 14-й армии я был по приказу Троцкого в должности начальника артиллерии армии снят и назначен комиссаром артиллерии 14-й армии, а вместо меня назначен быв[ший] офицер, оказавший впоследствии предателем, который был расстрелян. Лишь с приездом в 14-ю армию тов. Серго Орджоникидзе по указанию тов. Сталина, находящегося в тот момент на Южном фронте, я вновь был назначен начальником артиллерии 14-й армии.

В составе 14-й армии я, как начальник артиллерии армии, объединяя всю артиллерию армии, участвовал в разгроме под Кромами армии генерала Май-Маевского.

В июне 1920 [года]... я был назначен начальником артиллерии 1-й Конной армии и в составе Конной армии участвовал в разгроме Деникина, белополяков и Врангеля. За эти боевые операции я был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В 1921 году я был назначен начальником артиллерии Северо-Кавказского воен[ного] округа, где принимал участие в качестве командира и председателя тройки соединения, участвовавшего в подавлении контрреволюционного восстания на Дону в 1921 и 1922 гг.

В 1923 году я был направлен на учебу в Военную академию РККА.

Это была моя первая школа, где я получил основательные политические и военные знания.

В ноябре 1924 года я был назначен помощником начальника артиллерии РККА. В этой должности проработал до конца 1925 года.

В конце 1925 года я был направлен для работы в Военно-промышленный комитет ВСНХ, где проработал в качестве заместителя председателя комитета до конца 1926 года.

В 1926 году был назначен начальником Артиллерийского управления РККА, где работал до конца 1929 года.

С конца 1929 года по апрель 1930 года по состоянию здоровья находился в распоряжении народного комиссара обороны СССР.

С апреля 1930 года по октябрь 1930 года командовал Московской Пролетарской дивизией. В день 10-й годовщины обороны Царицына за активное участие в обороне Царицына был награжден третьим орденом Красного Знамени.

Осенью 1930 года был направлен на учебу на Особый факультет академии имени Фрунзе, где учился до конца 1932 года.

В конце 1932 года после окончания академии был назначен на должность командира-комиссара 3-го стрелкового корпуса, где и прослужил до июня 1937 года.

В 1937 году за особые заслуги по выполнению задания правительства награжден орденом Ленина.

В конце мая 1937 года был назначен начальником Артиллерийского управления РККА и в этой должности состою по настоящее время.

Состоял членом ЦИК СССР 7-го созыва.

В данное время состою депутатом Верховного Совета СССР от Речицкого избирательного округа БССР.

В 1938 году к XX-летию РККА награжден вторым орденом Ленина.

В троцкистской и других контрреволюционных группировках не участвовал, всегда боролся за генеральную линию партии.

В плену у белых не был.

В период гражданской войны был пять раз ранен (из них два раза легко) и два раза контужен.

Образование до армии имел... 4 класса. Женат.

Начальник артиллерийского управления РККА командарм 2 ранга КУЛИК

5 января 1939 года

ЯКОВ ТИМОФЕЕВИЧ ЧЕРЕВИЧЕНКО

ЧЕРЕВИЧЕНКО ЯКОВ ТИМОФЕЕВИЧ (1894—1976), генерал-полковник (1941). Член КПСС с 1919 года. В Советской Армии с 1918 года. В гражданскую войну командовал кавалерийским полком. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1935 году. С 1940 года — командующий войсками Одесского военного округа. В ходе войны командовал 9-й армией (июнь—сентябрь 1941), Южным (с октября 1941), Брянским (декабрь 1941 — апрель 1942) фронтами, затем был заместителем командующего Крымским и Северо-Кавказским фронтами, командовал Черноморской группой войск Закавказского фронта и 5-й армией (октябрь 1942 — февраль 1943), был заместителем командующего Северо-Западным фронтом, командовал войсками Харьковского военного округа. В январе 1944 — апреле 1945 гг. — в распоряжении Ставки ВГК и военного совета 1-го Белорусского фронта. После войны — на различных командных должностях. Депутат Верховного Совета СССР в 1941—1946 гг. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова I степени, Суворова II степени, Красной Звезды.

Родился в 1894 году, 12 октября, в селе Новоселовка Пролетарского района Ростовской области. До 1905 года работал в своем хозяйстве при родителях, а с 1905 года по 1910 год — по найму у помещиков на разных работах. С 1910 года по 1912 год — ученик у кустаря-столяра с. Новоселовки.

С 1912 года по 1914 год — рабочий, столяр на предприятии [в] Маныче-Трузновской Ростовской области. С 1914 года по октябрь 1917 года [а]... солдат старой армии.

Общее образование: окончил сельскую школу в 1910 году, в 1935 году сдал за десятилетку при Военной академии им [они]

Фрунзе. Член ВКП(б) с 1919 года, принят парторганизацией 19-го кав[алерийского] полка 4-й кав[алерийской] дивизии, партбилет № 2163054, выдан политуправлением Белорусского особого военного округа в 1928 году, 17 октября.

Партийную работу провожу по заданию парторга. Избирался членом райкома, членом обкома, кандидатом в ЦК ВКП(б)*. Из кандидатов в ЦК ВКП(б) был исключен за малоподготовленность. Ранее в ВКП(б) и ВЛКСМ не состоял. Партийным взысканиям не подвергался. В других партиях не состоял. В троцкистской, правой национал-шовинистической и прочих контрреволюционных организациях не состоял.

В 1917 году, 15 ноября, прибыл из старой армии и вступил добровольно в Красно-Партизанский отряд «Скибы» (Ростовская-на-Дону область, Зимовниковский район). С 1 января 1918 года по октябрь 1918 года — командир взвода отряда тов. Буденного. С октября 1918 года по июнь 1919 года — заместитель командира 2-го эскадрона 1-го Советского социалистического кав[алерийского] полка, впоследствии полк был переименован в 13-й кав[алерийский] полк и затем в 19-й кав[алерийский] полк 4-й кав[алерийской] дивизии. С июня 1919 года по сентябрь 1919 года — командир 2-го эскадрона 19-го кав[алерийского] полка. С сентября 1919 года по октябрь 1919 года — заместитель командира, 1-й кав[алерийской] бригады 4-й кав[алерийской] дивизии. С октября 1919 года по ноябрь 1920 года — командир 2-го эскадрона 19-го кав[алерийского] полка. С ноября 1920 года по январь 1921 года — командир 19-го кав[алерийского] полка 4-й кав[алерийской] дивизии. С января 1921 года по февраль 1923 года — командир кав[алерийского] дивизиона, заместитель командира 19-го и 20-го кав[алерийских] полков по строевой части. С февраля 1923 года по октябрь 1924 года — слушатель Высшей кавалерийской школы гор. Ленинград[а]. С октября 1924 года по июнь 1926 года — заместитель командира 23-го кав[алерийского] полка 4-й кав[алерийской] дивизии. С июня 1926 года по ноябрь 1926 года — командир 23-го кав[алерийского] полка.

При реорганизации дивизии из шести-полковой в четыре[х] полк[овую] назначен командиром 22-го отдельного эскадрона 4-й кав[алерийской] дивизии. С августа 1927 года по ноябрь 1931 года — командир-комиссар 91-го кав[алерийского] полка 12-й кавалерийской дивизии. С ноября 1931 года по октябрь 1933 года — командир-комиссар 76-го Краснознаменного им[ени] Буденного кав[алерийского] полка 12-й кав[алерийской] дивизии. С октября 1933 года по декабрь 1935 года — слушатель особого факультета при Военной академии им[ени] Фрунзе. С декабря 1935 года по апрель 1936 года — командир-комиссар 63-го кав[алерийского] полка им[ени] Сталина (Московский военный округ). С апреля 1936 года по июнь 1937 года — заместитель командира 31-й кав[алерийской] дивизии. С марта 1938 года по июнь

1940 года — командир 3-го кав[алерийского] корпуса Белорусского особого военного округа. С июня 1940 года по 22 июня 1941 года — командующий Одесским военным округом.

С 22 июня 1941 года по август 1941 года — на фронте Отечественной войны, командующий 9-й армией. С сентября 1941 года по октябрь 1941 года — командующий 21-й армией в распоряжении маршала тов. Тимошенко по восстановлению положения на харьковском направлении. С октября 1941 года по декабрь 1941 года — командующий Южным фронтом.

С декабря 1941 года по апрель 1942 года — командующий Брянским фронтом. С апреля 1942 года по сентябрь 1942 года — заместитель командующего Северо-Кавказским фронтом. С сентября 1942 года по октябрь 1942 года — командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта. С октября 1942 года по февраль 1943 года — командующий 5-й армией. С февраля 1943 года по апрель 1943 года — в распоряжении Ставки ВГК. С апреля 1943 года по сентябрь 1943 года — заместитель командующего Северо-Западным фронтом. С сентября 1943 года по январь 1944 года — командующий Харьковским военным округом.

С января 1944 года по 6 июня 1944 года — в распоряжении Ставки ВГК. С 6 июня 1944 года — в распоряжении маршала Жукова, представителем при 2-м Белорусском фронте. С декабря 1944 года по февраль 1945 года — в распоряжении Ставки ВГК. С февраля 1945 года по апрель 1945 года — в распоряжении военного совета 1-го Белорусского фронта по руководству оперативно-войсковой группой. С апреля 1945 года по 6 июня 1946 года — командир 7-го стрелкового корпуса. С 6 июня 1946 года — командир 79-го стрелкового Берлинского корпуса 3-й ударной армии.

С начала Великой Отечественной войны — командующий 9-й армией на Южном фронте — Бессарабия. В течение первых двух месяцев войны немецко-румынские захватчики пытались вторгнуться в Бессарабию, отрезать 9-ю армию, прижать ее к морю и уничтожить. Принятыми мерами 9-й армией не только [были] отражены все попытки противника вторгнуться на советскую территорию, но [и] была разбита одна румынская [и] одна немецкая пехотные дивизии. Отход 9-й армии на р. Днестр, Южный Буг и р. Днепр совершался в исключительно тяжелой обстановке. Между 9-й армией и правым соседом был разрыв до 70 км, в это время противник, используя разрыв, вклинился на 150 км до Днепропетровска. Противник стремился окончательно окружить и уничтожить 9-ю армию на р. Южный Буг (г. Николаев). Благодаря принятым своевременным мерам 9-я армия отразила все попытки противника, отошла в полном составе на р. Днепр, где и закрепилась. В сентябре 1941 года был отозван Ставкой ВГК и направлен в распоряжение маршала тов. Тимошенко для восстановления положения на Юго-Западном фронте и на харьковском направлении. С октября 1941 года назначен командую-

* Так в документе.

щим Южным фронтом. Ставка ВГК возложила вывести войска Южного фронта из окружения, восстановить фронт и задержать противника, не дать [ему] возможности вторгнуться на Кавказ. После занятия противником г. Ростова Ставка ВГК поручила провести Ростовскую операцию войсками Южного фронта. Операция проводилась двумя армиями Южного фронта. В Ростовскую операцию была заложена идея: ударом правого фланга фронта — 37-й и 9-й армиями окружить и уничтожить сильную танковую группу войск Клейста. Операция была проведена в течение 7 дней. Танковая группа войск Клейста была разбита, г. Ростов был взят нашими войсками. Войска Южного фронта вышли на р. Миус, где и стабилизировали фронт. С сентября 1942 года — командующий Черноморской группой войск. Противник стремился ударом на Туапсе разбить Черноморскую группу войск с войсками Закавказского фронта, отрезать от единственной коммуникации и тем самым уничтожить войска группы.

Благодаря продуманному плану обороны противнику осуществить свой план не удалось. Контратаками войск Черноморской группы были уничтожены 11-я румынская пехотная дивизия и одна немецкая. Фронт группы войск стабилизировался до перехода в генеральное наступление советских войск. С июня 1944 года назначен представителем Ставки ВГК при 2-м Белорусском фронте для проведения операции по освобождению Белоруссии и Польши.

С февраля 1945 года — в распоряжении военного совета 1-го Белорусского фронта по руководству оперативно-войсковой группой. С апреля 1945 года — командир 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Участвовал в Берлинской операции и штурме г. Берлина.

В гражданскую войну имел пять ранений и две контузии. Первое ранение — под станцией Пролетарская в 1918 году, второе — на ст[анции] Котельниково в 1919 году, третье — под Сталинградом в 1919 году, четвертое — под Ростовом в 1920 году, пятое — на Польском фронте, м. Тоша, в 1920 году. Лечение производил при тыловых частях 4-й кав[алерийской] дивизии и 1-й Конной армии.

Контузии получил под г. Майкопом и Перекоп[ом] в 1920 году. В Великую Отечественную войну была одна контузия под г. Керчью [в] 1942 году. В период гражданской войны был награжден орденом Красного Знамени (в 1920 году), вторым орденом Красного Знамени награжден в 1938 году, третьим орденом Красного Знамени награжден за выслугу лет в Советской Армии.

Орденом Ленина награжден после окончания финской войны в 1940 году, вторым орденом Ленина награжден за выслугу лет в Советской Армии. Орденом Кутузова I ст[епени] награжден за операцию по освобождению Белоруссии и Польши. Орденом Суворова II ст[епени] награжден за овладение гор. Берлином — 1-й Белорусский фронт, медалью «20 лет РККА», медалью «За оборону Севастополя» — Са-

веро-Кавказский фронт, медалью «За оборону Кавказа» — Черноморская группа войск, медалью «За победу над Германией», «За взятие Берлина» — 1-й Белорусский фронт, 3-я ударная армия в 1945 году. Награжден польским крестом Грюнвальда 3-го класса, медалью «За Одер, Нейсе, Балтику» — Группа советских оккупационных войск в Германии в 1946 году.

Перерыва [в службе] в Красной Армии не было. В старой армии окончил учебную команду в 1915 году. Старший унтер-офицер. В 1931 году окончил девятимесячные курсы единачальников при Военно-политической академии им[ени] Ленина. В белой, у интервентов, в антисоветской, в националистической армиях — нигде не участвовал. За границей в период первой империалистической войны был в Румынии, [в] городах: Калараш, Роман, Яссы, Галац. После Великой Отечественной — в Германии, в советских оккупационных войсках.

Не судился, суду офицерской чести не подвергался. В плену и окружении не был. В штрафном батальоне не был.

Отец — Черевиченко Тимофей Андреевич, мать — Евлампия Акимовна. До 1905 года отец занимался сельским хозяйством. Хозяйство середняцкое, состояло из пары лошадей и одной коровы. С 1905 года после возвращения с японской войны до 1917 года — батрак по найму у помещиков Ростовской-на-Дону области Пролетарского района**. В 1919 году, в период гражданской войны, был изувечен белогвардейцами и умер. Мать, шесть сестер и два брата младше меня с 1918 года жили и работали в коммуне (Пролетарский район Ростовской области).

С 1928 года по настоящее время — в сельхозартели и колхозе. Два брата младше меня убиты в Великую Отечественную войну. Родственников за границу никого нет и не было. Мать в 1942 году оставалась на территории, занятой фашистскими захватчиками, в Зимовниковском районе. Оставшиеся в подполье советские и партийные работники укрыли ее.

На моем иждивении: мать 96 лет, жена, убитого брата сын в возрасте 12 лет — Владимир Анатольевич Черевиченко.

Жена Наталья Степановна Черевиченко, рождения 1903 года. Брак зарегистрирован в 1923 году. Отец жены — Дубинин Степан Спиридонович, профессия — слесарь, работал на механическом заводе [в] гор. Ростов[е], умер в 1934 году. Мать жены умерла в 1903 году. Имею сына-воспитанника Дубинин[а] Николая Степанович[а], [который] окончил институт, инженер, работает в гор. Москве.

Из родственников жены и моих никто не судился и не лишился прав советского гражданина.

Генерал-полковник ЧЕРЕВИЧЕНКО
20 августа 1947 года

** Так в документе.

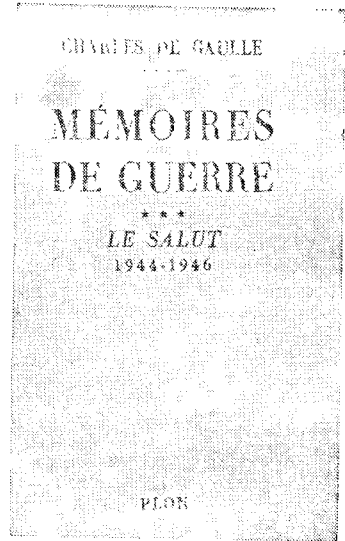
Видный политический, государственный и военный деятель Франции Шарль де Голль (1890—1970) написал «Военные мемуары» о второй мировой войне, которые составили 3 тома: «Призыв», «Единство» и «Избавление». Последний том у нас не издавался из-за изложенных в нем критических взглядов автора на некоторые стороны нашей внутренней жизни.

В 1965 году по случаю 20-летия победы над фашизмом Францию посетила советская военная делегация во главе с главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым. Маршал был тепло принят президентом де Голлем, с которым в 1944 году встречался в Москве во время переговоров с французской делегацией. Де Голль подарил Н. Н. Воронову «Военные мемуары», а тот в свою очередь преподнес ему собственные воспоминания «На службе военной».

В настоящее время на родине де Голля вышло 12 томов его сочинений. Редакция публикует часть главы «Шеренга» из 3-го тома, где рассказывается о ходе трудных переговоров в Кремле, завершившихся заключением 10 декабря 1944 года Договора о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией.

Можно не соглашаться с оценкой де Голля внешней политики СССР или его взглядами на проблему Польши, но надо отдать ему должное, как одному из крупных руководителей борьбы с фашизмом, много сделавшему для развития дружеских связей между СССР и Францией.

Перевод с французского предлагаемой читателям главы сделан сыном маршала Н. Н. Воронова кандидатом военных наук полковником В. Н. Вороновым.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

ШЕРЕНГА

...24 ноября я выпетел в Россию. Со мной был Жорж Бидо. Нас сопровождали генерал Жюэн, Палевски, Дежан, а также посол Богомолов, служивший нам проводником.

...26 ноября мы приземлились в Баку. На аэродроме нас приветствовали советские власти, я принял рапорт почетного караула и присутствовал при его прохождении. Превосходное подразделение войск шло, чеканя шаг, с примкнутыми штыками. Это были представители бесмертной русской армии. Затем мы быстро проследовали в отведенную нам резиденцию, где нас встретили приветливо и радушно, особенно усердствовал Богомолов. Мы тут же хотели продолжить нашу поездку, но власти объяснили, что экипаж нашего самолета не знаком ни с маршрутом, ни с установленными сигналами. Должны прибыть русские самолеты, которые будут нас обслуживать. Позже из-за плохой погоды лететь стало слишком рискованно. Начиналась зима.

Наконец нам предоставили специальный поезд. Одним словом, мы были в Баку два дня, которые кое-как прошли в полупустом городе: посещение городского театра, чтение сообщений в агентстве ТАСС и банкеты, чрезмерно роскошные и отличавшиеся невероятным изобилием.

В хорошо оборудованных вагонах специального поезда, о котором говорили, что он принадлежал великому князю Николаю (обслуживал его во время первой мировой войны), мы двигались с небольшой скоростью четверо суток, насколько позволяло состояние железнодорожного пути. Выходя на станциях, мы неизменно оказывались в окружении молчаливой, но, очевидно, сердечной толпы.

Я попросил проехать через Сталинград, чтобы отдать дань уважения русским войскам, которые одержали там решающую победу в войне. Мы увидели полностью разрушенный город. Среди развалин работало, однако, многочисленное население. Власти эффективно применяли лозунги, призывающие к восстановлению города. После посещения мест сражений наши сопровождающие показали нам разрушенный сталелитейный завод, где одна

* Charles de Gaulle. Memoires de guerre. Le salut 1944—1946. — Plon, 1965.

восстановленная печь уже давала литье. Но большой танковый завод, который мы затем посетили, был полностью отстроен и вновь оснащен. При входе в цеха к нам примкнули рабочие, чтобы оказать дружеские знаки внимания. Когда мы выходили, мимо нас прошла колонна людей под охраной вооруженных солдат. Это были, как нам объяснили, русские заключенные, которые направлялись на строительную площадку. Я должен сказать, что осужденные показались нам не более или менее пассивными, не лучше или хуже одетыми, чем «свободные» трудящиеся.

Вручив городскому совету меч славы, который я привез из Франции городу Сталинграду, и побывав на банкете, меню которого составляло контраст с крайней нуждой населения, мы возвратились в поезд «великого князя». В субботу 2 декабря в полдень мы прибыли в Москву.

На перроне вокзала нас встретил Молотов. Он был в окружении народных комиссаров, должностных лиц и генералов. Присутствовал многочисленный дипломатический корпус.

Великолепно прошло торжественным маршем подразделение курсантов. Выходя из вокзала, я увидел на площади большую толпу народа, откуда в мой адрес раздавались приветственные возгласы. Затем я прибыл во французское посольство, где хотел лично заняться вопросами предстоящих переговоров. Бидо, Жюэн, Дежан остановились в доме, который Советское правительство предоставило в их распоряжение.

Мы прибыли в Москве восемь дней и обменялись с русскими различными идеями, информацией и предложениями. Бидо и Дежан вместе с Гарро и Лалуа, которые оба хорошо говорили по-русски, имели ряд встреч с Молотовым и его сотрудниками. Жюэн, сопровождаемый руководителем нашей военной миссии Пэти, имел длительные переговоры в Генеральном штабе с его начальником генералом Антоновым. Но, естественно, самое главное было между Сталиным и мною. У меня сложилось впечатление, что передо мной хитрый и непримиримый борец изнуренной от тирании России, пылающий от национального честолюбия.

Сталин обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика, маскировавший свои мысли и душу, безжалостный, не верящий в искренность, он чувствовал в каждом человеке сопротивление или источник опасности, все у него было ухищрением, недоверием и упрямством. Революция, партия, государство, война являлись для него причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя в сущности уловки марксистского толкования, тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других.

С тех пор Сталин видел Россию таинственной, ее строй более сильным и прочным, чем все режимы. Он ее любил посвоему. Она также его приняла как царя в ужасный период времени и поддержала большевизм, чтобы служить его орудием.

Сплотить славян, уничтожить немцев, распространиться в Азии, получить доступ в свободные моря — это были мечты Родины, это были цели деспота. Нужно было два условия, чтобы достичь успеха: сделать могущественным, т. е. индустриальным, государство и в настоящее время одержать победу в мировой войне. Первая задача была выполнена ценой неслыханных страданий и человеческих жизней. Сталин, когда я его видел, завершал выполнение второй задачи — среди могил и руин. Он был удачлив потому, что встретил народ до такой степени живучий и терпеливый, что самое жестокое поражение его не парализовало, землю, полную таких ресурсов, что самое ужасное расточительство не смогло ее истощить, союзников, без которых нельзя было победить противника, но которые без него также не разгромили бы врага.

За пятнадцать часов моих бесед со Сталиным я изучил его величественную и скрытную политику. Коммунист в маршальской форме, притаившийся коварный диктатор, завоеватель с добродушным видом, он старался всегда вводить в заблуждение. Его страсть была суровой, без какой-либо малопонятной привлекательности.

Наша первая беседа состоялась вечером 2 декабря в Кремле. Лифт доставил французов к входу в длинный коридор, где в большом количестве находились представители полицейской службы¹ и в конце которого открылась большая комната со столом и стульями. Молотов провел нас туда, и появился «маршал». После обычных комплиментов мы уселись вокруг стола. Когда Сталин говорил или молчал, глаза его были опущены и он чертил какие-то иероглифы. Мы тотчас затронули немецкую проблему. Никто из тех, кто находился там, не сомневался, что немецкий рейх должен вскоре рухнуть под ударами союзных армий; маршал подчеркивал, что из этих ударов самые чувствительные нанесены русскими. Сразу было в принципе согласовано, что Германии нужно обезвредить. Но, как я заметил, Россия и Франция отошли друг от друга под влиянием германского разгула, затем французского краха и в результате вторжения немецких войск на советскую территорию. Я указал на перспективу прямого соглашения между правительствами Москвы и Парижа, чтобы закрепить основы регулирования, которые предлагали и другие союзники. Сталин казался сдержанным. Настаивал, напротив, на необходимости изучения каждого вопроса с Соединенными Штатами и Великобританией, из чего я заключил, что он уже имел причины учитывать согласие Рузвельта и Черчилля насчет того, чего хотел добиться. Одновременно он меня спросил, какие гарантии Франция желала бы иметь на Западе. Но когда я ему стал говорить о Рейне, Сааре и Руре, он заявил, что по этим вопросам решения могут быть приняты только на четырехсторонних пере-

¹ Так автор называет службу охраны.

говорах. Напротив, на вопрос, который я ему задал по поводу немецкой границы на Востоке, он категорически отвечал: «Бывшие польские земли Восточной Пруссии, Померании и Силезии должны быть возвращены Польше». «Короче говоря, — заявил я, — граница по Одеру?» «Одеру и Нейсе, — уточнил он. — Кроме того, необходимо сделать уточнение и в пользу Чехословакии».

Я заметил, что мы не разрешили главное противоречие, несмотря на эти территориальные изменения, которые, впрочем, можно упорядочить компенсацией в решении вопроса восточной границы Польши, и добавил: «Позвольте мне утверждать, что если, по-вашему, вопрос о Рейне сейчас не может быть решен, то в отношении Одера может». Сталин хранил молчание, рисуя черточки и кружочки. Но вскоре, подняв голову, он сделал мне предложение: «Изучим вместе франко-русский договор, чтобы наши обе стороны оградили себя от новой немецкой агрессии».

«Мы готовы к этому, — отвечал я, — чтобы те же причины привели к заключению прежнего франко-русского союза и даже, — прибавил я не без злорадства, — пакта 1935 года». Сталин и Молотов, задетые за живое, воскликнули, что пакт 1935 года, подписанный ими и Лавалем, никогда не был таковым ни по духу, ни по содержанию. Тогда я указал, ссылаясь на договор 1935 года и союз 1892 года, что хотел подчеркнуть, перед лицом германской опасности совместные действия России и Франции были бы в порядке вещей. Что касается формы, которая, по существу, применима к новому пакту, то я считал, что мучительные опыты прошлого смогут послужить уроком для руководителей одной и другой страны. «Что касается меня, — добавил я, — я не Пьер Лаваль». Договорились, что Бидо и Молотов выработают текст договора.

В последующие дни оба министра встречались несколько раз. Они обменялись своими планами, которые, кстати, были очень похожими. В то же время прошла серия приемов, визитов и экскурсий. Так, например, на Спиридоновке состоялся завтрак, устроенный Молотовым вместе с Деканозовым, Литвиновым, Лозовским, заместителями министра иностранных дел. Присутствовал Сталин. Во время десерта, подняв свой бокал, он приветствовал союз, который мы должны заключить.

«Речь идет, — произнес он, — о союзе, который по-настоящему реален, не в пример союзу Лавалья!» Мы с ним долго беседовали. В ответ на комплименты, которые я ему выразил по поводу успехов русской армии под командованием Толбухина, основательно продвинувшейся в Венгрии, он возразил: «Подумаешь! Несколько городов! Берлин и Вена — вот города, которыми нужно овладеть». Временами он казался как бы с удовольствием отдыхающим после напряжения. «Это, должно быть, очень трудно, — сказал он мне, — управлять такой страной, как Франция, где все такие возбужденные». «Да», — отвечал я.

«И поэтому я не могу брать пример с

вас, так как вы неподражаемы». Он произнес фамилию Тореза, которому французское правительство разрешило возвратиться в Париж. Видя мое недовольное молчание, маршал сказал: «Не сердитесь за мою нескромность! Я позволю только вам заметить, что знал Тореза, и мне кажется, что он хороший француз. Будучи на вашем месте, я бы его не держал в тюрьме». Он прибавил с улыбкой: «И конечно, не сейчас».

— Французское правительство, — ответил я, — относится к французам в зависимости от содействия, которого оно ждет от них.

В другой раз наши хозяева предоставили нам возможность восхищаться прекрасным балетом в Большом театре. Они организовали в нашу честь большой прием на Спиридоновке, где собрались народные комиссары, высшие чиновники, генералы, их жены, иностранные дипломаты, находящиеся в Москве, а также союзные офицеры. Еще мы присутствовали в Доме Красной Армии на большом представлении народной песни и танца. В течение этих церемоний Молотов, всегда точный в словах и осматрительный, что касалось существа дела, не оставлял нас. Он, однако, предоставил нам возможность быть на мессе Святого Людовика в единственном католическом соборе, который был открыт в столице, побывать на Воробьевых горах, откуда Наполеону открылась Москва, посетить выставку военных трофеев, побывать в метро, ознакомиться с различными заводами, навестить военный госпиталь и школу связи. По снежным улицам двигались молчаливые и сосредоточенные прохожие. Те из русских, с которыми мы встречались, была ли это толпа или избранный круг, оставляли у нас впечатление симпатичных людей, сдержанных инструкциями, которые подавляли их непосредственность.

Мы, французы, постоянно выказывали дружеское восхищение этим великим народом, используя возможности собраний и протокольных ритуалов. У себя в посольстве я принял представителей интеллигенции, в том числе писателей, официально названных советскими властями друзьями Франции. В их числе были, в частности, Виктор Финк и Илья Эренбург. Оба талантливые, но старавшиеся, выдерживая предписанный тон, только поддерживать нужное мнение. Граф генерал Игнатьев, который был военным атташе в Париже во время царя, затем в течение долгого времени одним из руководителей эмиграции, также находился среди гостей. Годы не тронули его, он все еще имел восхитительную форму, блистал манерами, но казался стесненным своей ролью. Жан-Ришар Блок, «беженец» в Россию, представился мне, как и другие, с наигранной любезностью, проявляя нетерпение и досаду, подобно породистой лошади, потерявшей свои качества. Однажды вечером в посольстве собралась вся официальная Москва. Обстановка сложилась сердечная, но чувствовалось беспокойство. Системой личностей каждого затуманивалась, как живопись в серых тонах.

Однако подписание пакта усложнялось.

Надо сказать, что незначительные разногласия в текстах Бидо и Молотова могли быть быстро улажены, но русские выразили намерение поторговаться. Сначала они пытались получить перевес, поднимая вопрос о ратификации. «Известно, что ваше правительство временное, имеет ли оно право ратифицировать?» — спросил Молотов у Дежана, и затем у Бидо. В конечном счете советский министр иностранных дел обратился ко мне. Я положил конец его сомнениям. «Вы имеете, — сказал я ему, — подписанный пакт с Бенешем. Однако его правительство временное. Причем оно находится в Лондоне». С тех пор о ратификации больше не упоминалось.

Вслед за этим пришел день настоящих ставок в споре. Как мы и ожидали, речь шла о Польше. Желая определенно знать, что русские предполагают делать в Варшаве, когда их войска вступят туда, я во время совещания в Кремле 6 декабря задал прямой вопрос Сталину. Молотов, Богомолов и презосходный переводчик Подчерб находились возле Сталина.

Я напомнил, что во все времена Франция поддерживала польскую независимость. После первой мировой войны мы способствовали возрождению Польши. Без сомнения, политика, проводимая Варшавой, в частности Беком, вызывала у нас недовольство и в конце концов стала опасной, поскольку толкала Советский Союз отойти от нас. Однако мы хотели, чтобы Польша вновь стала хозяйкой своей судьбы и дружественной по отношению к Франции и России. Что касается влияния, которое мы имеем на поляков, — я уточнил: на всех поляков — мы полны решимости его и дальше осуществлять. К этому я добавил, что разрешение проблемы границ, как сказал нам Сталин (линия Керзона — на востоке и Одер — Нейсе — на западе), является для нас приемлемой. Но я повторил, что, по нашему мнению, нужно, чтобы Польша была бы по-настоящему независимым государством. И только польскому народу принадлежит право избрать свое будущее правительство. Это можно лишь осуществить после освобождения и на основе свободных выборов.

В настоящее время французское правительство имеет связь с польским в Лондоне, которое продолжало руководить борьбой с немцами. Если однажды Франции потребуются изменить подобное положение, она это сделает только с согласия своих трех союзников. В свою очередь, взяв слово, маршал Сталин пришел в крайнее возбуждение. По его ворчанию, язвительности, красноречию чувствовалось, что польский вопрос был главной целью его намерений и узловым пунктом его политики. Он заявил, что Россия сделала «большой поворот» к нации, которая была ее противником на протяжении ряда веков и в которой отныне она хочет видеть друга. Но имеется ряд условий. «Польша, — сказал он, — всегда служила коридором для немцев при их наступлении на Россию. Надо, чтобы этот коридор был закрыт, и закрыт самой Польшей. Для этого необходимо определить ее границу

по Одру и Нейсе, чтобы польское государство было сильным и «демократическим». «Так как, — провозгласил маршал, — государство не будет сильным, если оно не демократическое».

Сталин приступил к рассмотрению вопроса об учреждении правительства в Варшаве. При этом грубо, с ненавистью и презрением говорил о «людях из Лондона», открыто хвалил «люблинский комитет», созданный под эгидой Советов, утверждая, что для Польши он является единственно ожидаемым, желаемым. Если верить ему в этом, то выбор сделал польский народ, как результат собственного решения. «В сражении, которое освобождает их страну, — заявил он, — поляки не видят, кому служат реакционное лондонское правительство и армия Андерса. Напротив, они устанавливают присутствие комитета национального освобождения и действия войск генерала Берлинга. Они понимают, кроме того, что агенты лондонского правительства стали причиной поразительного восстания в Варшаве, потому что они легкомысленно его начали, не советуясь с советским командованием и в момент, когда русские войска не были в состоянии принять участие в событиях. Помимо того, польский комитет национального освобождения приступил к осуществлению на освобожденной территории аграрной реформы, которая с энтузиазмом встречена населением. Земли, принадлежащие реакционным эмигрантам, распределены крестьянам. Это значит, что будущая Польша наберется силы, как Франция после своей революции».

Сталин обратился ко мне:

— Вы сказали, что Франция имеет влияние на польский народ. Это так! Но почему вы не используете его, чтобы рекомендовать нужное решение? Почему вы занимаете ту же бесплодную позицию, на которой Америка и Англия держатся до настоящего времени? Мы ждем от вас, что вы будете действовать с реализмом и с теми же чувствами, как мы, — и тихо добавил:

— Тем более что Лондон и Вашингтон не сказали своего последнего слова.

— Я принимаю к сведению вашу позицию, — сказал я, — и вижу в этом ее большие последствия. Но я должен вам повторить, что будущее правительство Польши — это дело польского народа, и оно должно выражаться всеобщим избирательным правом.

Я сейчас ожидал живую реакцию маршала. Но, напротив, он улыбнулся и еле слышно прошептал: «Вот что! Мы договоримся все-таки!»

Желая завершить рассмотрение этого вопроса, я спросил Сталина об участии Балканских государств. Он ответил, что Болгария, приняв условия перемирия союзников, сохранила свою независимость, но что она получила «заслуженное наказание» и также должна стать «демократической». То же сказал и о Румынии. Венгрия была готова уступить союзникам, но немцы, узнав об этом («Я не знаю, каким образом», — сказал Сталин), арестовали регента Хорти. «Если в Венгрии, — прибавил маршал, — сформируется демократи-

Шарль де Голль и Н. Н. Воронов
во время возложения венков
к мемориальной доске
погибшим французским летчикам
эскадрильи «Нормандия — Неман»

ческое правительство, мы ему поможем устремиться против Германии». Большая задача стоит перед Югославией, потому что она сплотилась и поднялась против фашизма. Сталин с яростью говорил о Михайловиче, которого, по-видимому, англичане спрятали в Каире. Что касается Греции, то русские туда не дошли, уступив дорогу английским войскам и кораблям. Чтобы узнать, что происходит в Греции, нужно спросить у англичан.

Это заседание показало, что русские были решительно настроены действовать, следуя своей прихоти и манере обращения, когда государства и территории заняты их войсками или там будут. Можно было ожидать с их стороны ужасный политический нажим в Центральной Европе и на Балканах. Становилось ясным, что в этом отношении Москва не очень думала о намеченном противодействии Вашингтона и Лондона. Наконец, угадывалось, что Сталин старался «продать» нам пакт в обмен на наше одобрение его польской операции. Как в хорошо поставленной драме, где интрига завуалирована, в то время как перипетии запутываются и нарастают до момента развязки, проблема пакта приняла вдруг неожиданный оборот. Проявил себя Черчилль. «Я допускаю, — телеграфировал он маршалу Сталину, — что в результате визита генерала де Голля Вы подпишете с ним пакт о безопасности, аналогичный тому, который оба наши правительства заключили в 1942 году. В таком случае, почему не подписать нам трем один и тотчас договор для России, Англии и Франции? Со своей стороны, я к этому расположен». Русские сообщили нам об английском предложении как о приемлемом. Но, по-моему, это было не так.

Прежде всего форма, в какой обратился Черчилль, не могла быть нами принята. Почему он только обращался к Сталину в деле, которое касалось не только Москвы, но и Франции, а также Лондона? Я полагал, что перед лицом немецкой опасности Россия и Франция должны прежде всего договориться между собой, потому что они были непосредственно под угрозой. События это доказали, и какой ценой! В случае германской угрозы английское вмешательство могло быть сорвано как по срокам, так и по масштабам воздействия, тем более что Англия не могла, по существу, ничего сделать без согласия, зависящего от случая, других стран Британского содружества. Могли ли Париж и Москва ждать, пока Лондон вознамерится что-то предпринять? Наконец, если я желал укрепить союз, который связывал французов и англичан, то только после согласования с Лондоном основных вопросов: судьбы Германии, Рейна, Востока и т. д., по которым не имелось единого мнения. Короче говоря, мы не соглашались на проект трехстороннего пакта. С другой стороны, мы утверждали, что пришел конец начатым, положительным или отрицательным переговорам с русскими. Вместе с Бидо, Гарро и Дежаном я отправился 8 декабря в Кремль, чтобы там встретиться со Сталиным, Молотовым и Богомоловым, на последнее рабочее заседание.

(Окончание следует)

Был ли И. М. Майский английским агентом?

19 февраля 1953 года по подозрению в шпионаже в пользу Англии был арестован Майский Иван Михайлович. Кем был этот человек?

Майский И. М. (настоящая фамилия Ляховецкий, 1884—1975 гг.) — советский дипломат и историк, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. На дипломатической работе находился с 1922 года. В 1922 — 1923 гг. работал заведующим отделом печати Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) РСФСР. В 1923 — 1925 гг. — редактор журнала «Звезда». Одновременно находился на педагогической работе в Коммунистическом университете в Ленинграде. С 1925 по 1932 год занимал различные дипломатические должности в Великобритании, Японии, Финляндии. С 1932 по 1943 год — полномочный представитель (с 1941 г. — посол) СССР в Великобритании, в 1943 — 1946 гг. — заместитель народного комиссара (с 1946 г. — министра) иностранных дел СССР, член коллегии МИД СССР (1946 г.); с 1947 по 1963 гг. — на научной работе в Институте истории АН СССР, а с 1968 по 1975 год — в Институте всеобщей истории АН СССР. Академик АН СССР (1946 г.).

И. М. Майский участвовал в работе ряда международных конференций и совещаний, в том числе Крымской (Ялтинской, 1945 г.) и Берлинской (Потсдамской, 1945 г.) конференций.

Редакция располагает документами, и в частности протоколом судебного заседания по обвинению И. М. Майского, часть которого мы публикуем. Полностью документы редакция планирует напечатать в ближайших номерах журнала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ* — Вы сообщили Черчиллю о том, что Литвинов принимал в Москве французского поверенного в делах Пайара, которому сообщил, что в случае вооруженного нападения Германии на Чехословакию Советский Союз выполнит свои обязательства по пакту о взаимопомощи?

МАЙСКИЙ — Да, я это сообщил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ — А какие указания вы получили от Литвинова по этому поводу?

МАЙСКИЙ — Я должен пояснить это несколько шире. В это время Гитлер готовился к нападению на Чехословакию, Франция не хотела выполнять свои обязательства по пакту о взаимопомощи с Чехословакией, и, чтобы оправдать свои действия, французское правительство зая-

вило, что, мол, Советское правительство также не хочет выполнять своего обязательства. Чтобы опровергнуть эту клевету, Литвинов вызвал к себе Пайара и официально сообщил ему для передачи своему правительству, что Советский Союз свои обязательства выполнит, и, более того, он предложил практическое мероприятие — совещание начальников генеральных штабов трех государств: СССР, Франции, Чехословакии. Пайар телеграммой уведомил Бонне о сообщении, сделанном ему Литвиновым, но Пинэ скрыл этот факт от французского правительства. Литвинов мне телеграммой сообщил о сделанном им заявлении, но на телеграмме не было указания о ее публикации, т. е. телеграмма была прислана на мое усмотрение. Я решил, что поскольку публиковать эту телеграмму в печати нельзя, а противодействовать политике Франции в этом вопросе как-то надо, сообщить содержание телеграммы Черчиллю, Эттли и Ллойд Джорджу. Что я и сделал. На заседании ЛН** 21/IX-39 г. Литвинов открыто рассказал о своей беседе в Пайаром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ — А почему вы не посоветовались по этому вопросу с НКИД?

МАЙСКИЙ — Литвинов не любил, когда его запрашивали о чем-либо, к тому же и времени на это не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ — А что было достигнуто тем, что вы сообщили этим трем лицам содержание телеграммы, что они ее опубликовали?

МАЙСКИЙ — Нет, они не опубликовали ее, но так как они являлись руководителями партий, то само собой понятно, что антисоветская кампания, поднятая в связи с этим в Англии, стала затихать.

ЧЛЕН СУДА*** — Почему вы, считая необходимым опубликовать текст этой телеграммы Литвинова, не обратились к правительству СССР с таким предложением, ведь то, что вы сообщили этим лицам, не принесло пользы для Советского Союза?

МАЙСКИЙ — Нет, польза для Советского Союза была, так как через них о содержании этой телеграммы, т. е. об отношении Советского правительства к выполнению своего союзнического долга, узнали члены английских партий и благодаря этому антисоветская кампания быстро стихла, и вина за то, что Гитлер захватил Чехословакию, целиком пала на французское правительство.

** Лига Наций.

*** Полковник юстиции Г. Е. Коваленко.

* Полковник юстиции В. В. Борисоглебский.

30 ИЮЛЯ 1941 года в Лондоне в здании британского министерства иностранных дел посол СССР в Англии И. М. Майский и премьер-министр польского эмигрантского правительства генерал Вл. Сикорский подписали Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики. В пункте 4 этого Соглашения говорилось о согласии правительства СССР создать на своей территории польскую армию «под командованием, назначенным польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР,— говорится в Соглашении,— будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии»¹.

Оценивая советско-польское Соглашение, газета «Правда» отмечала 4 августа 1941 года, что оно является примером «государственной мудрости и доброй воли народов СССР и Польши, представляет собой убедительное доказательство того, что все вопросы советско-польских отношений смогут быть в будущем так же успешно разрешены, как успешно разрешен вопрос о совместной борьбе братских народов СССР и Польши против общего врага».

Международная общественность с глубоким удовлетворением встретила известие о заключении советско-польского Соглашения. «Возможно, это удобный случай,— писала газета «Пэлистин пост»,— прийти к соглашению двум нациям, антагонизм между которыми так искусно и с таким постоянством использовался Германией на протяжении последних 150 лет»². С одобрением советско-польское Соглашение было встречено подавляющим большинством в оккупированной Польше и значительной частью польской эмиграции. «Мы, поляки,— говорилось в комментариях подпольной польской радиостанции,— ни на один день не отказывались от борьбы, не гнули шеи перед ненавистными завоевателями. Теперь наши усилия сольются с усилиями великого советского народа, его могучей Красной Армии, всех вооруженных сил великой коалиции держав, вставших на борьбу с гитлеризмом»³.

Однако этого не произошло. К сентябрю 1942 года созданная на территории СССР

ПОЧЕМУ УШЛА АРМИЯ АНДЕРСА

В. И. ПРИБЫЛОВ,
кандидат исторических наук

в соответствии с указанным Соглашением польская армия, так и не приняв участия в борьбе на советско-германском фронте, была выведена за пределы Советского Союза. В чем причины такого исхода обещавшего столь много и с таким трудом установившегося сотрудничества? Попробуем разобраться в этом и вернемся в июньские дни 1941 года.

Лондон. Сюда после капитуляции Франции переехало польское эмигрантское правительство. 23 июня 1941 года, на следующий день после нападения Германии на СССР, генерал Сикорский выступил по радио Би-би-си с обращением к народу оккупированной Польши. Повторив известные притязания своего правительства на земли Западной Белоруссии и Западной Украины, польский премьер тем не менее провозгласил тезисы, которые можно было расценить как предложения о сотрудничестве с СССР. Это было новым моментом в позиции эмигрантского правительства, которое до тех пор полностью придерживалось тезиса о состоянии войны с СССР⁴.

Советская сторона откликнулась на прозвучавшее предложение. 3 июля Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) направил послу СССР в Лондоне И. М. Майскому телеграмму, в которой Советское правительство выражало свое согласие начать переговоры о заключении с польским эмигрантским правительством соглашения о взаимопомощи. В телеграмме отмечалось, что СССР выступает за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — Т. 7. — М.: Наука, 1973. — С. 208 (далее — Документы. — Т. 7).

² Научный архив Института истории СССР АН СССР, ф. 22, 1941, п. 1 (далее — Научный архив).

³ Там же.

⁴ См.: Documents of Polish-Soviet Relations. 1939—1945. — V. 1 (1939—1943). — London, 1961. — P. 55, 64, 93, 95 (далее — D.P.S.R. — V. 1).

города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши Советское правительство считает внутренним делом самих поляков.

В начале июля в Лондоне начались переговоры. Польская сторона прежде всего выдвинула проблему границ, претендуя на украинские и белорусские земли. Однако Советское правительство не могло пойти на нарушение жизненно важных интересов украинского и белорусского народов и принять территориальные требования. Желая как можно скорее решить практические вопросы советско-польского сотрудничества в борьбе против фашистской Германии, прежде всего вопрос о создании польских национальных частей в СССР, советская сторона предложила отложить на время рассмотрение вопроса о советско-польской границе. В свою очередь английское правительство оказало давление на кабинет Сикорского. Пришедшее к власти 10 мая 1940 года правительство Черчилля реалистически оценивало германскую угрозу и не скрывало намерений наладить, по крайней мере в тот период, сотрудничество с СССР. 15 июля во время встречи в Форин-Оффис министр иностранных дел Англии А. Иден прямо заявил Сикорскому и сопровождавшему его А. Залескому⁵: «Хотите, господа, или не хотите, а договор с Советским Союзом должен быть подписан»⁶. Между тем в составе эмигрантского правительства выявились противники подписания договора без принятия Советским Союзом территориальных требований в отношении Западной Белоруссии и Западной Украины. Разногласия привели к отставке в знак протеста против подписания договора с СССР трех министров и к серьезному конфликту Сикорского с президентом Польши Рачкевичем. Наконец 21 июля Сикорский информировал Идена, что после очень продолжительной и чрезвычайно трудной дискуссии (на заседании кабинета министров) его политика относительно договора с Советами получила поддержку. Тем не менее президент пригрозил отказом ратифицировать договор, если он будет подписан. Ввиду этого Сикорский, поставив Рачкевича в известность, что на основании соглашения от 30 января 1939 года он обладает полномочиями для подписания договора без согласия президента, от имени эмигрантского правительства подписал соглашение с СССР.

Как видим, путь к договору, получившему в историографии название «Соглашение Майский — Сикорский», был отнюдь не легким. Говоря о его значении, следует отметить и тот факт, что, заключив союзническое соглашение с польским эмигрант-

ским правительством, Советское правительство фактически перечеркнуло тезис о несуществовании польского государства, который вопреки нормам международного права был выдвинут в ноте, врученной заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. Потемкиным польскому послу в Москве В. Гжибовскому. Этот же тезис в сочетании с оскорбительным по отношению к Польше замечанием был повторен Молотовым на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года. Как отмечено в Тезисах, подготовленных Комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, «это было противоправное и оскорбительное по отношению к Польше заявление, от которого нынешнее Советское руководство и научная общественность решительно отмежевались»⁷.

Несомненно, подписание советско-польского межправительственного соглашения было в интересах польского народа, шло в русле складывания антигитлеровской коалиции, способствовало объединению усилий свободолюбивых народов по скорейшему избавлению мира от коричневой чумы. Зная итог — вывод сформированной с помощью СССР польской армии за пределы Советского Союза, можно задать законный вопрос, насколько серьезные в то время были намерения польского эмигрантского правительства и самого генерала Сикорского установить сотрудничество с Советским Союзом. Пожалуй, трудно согласиться с выдвинутым некоторыми авторами тезисом, что заключение соглашения с СССР являлось попыткой Сикорского переориентировать польскую политику. Скорее всего речь идет о политической тактике. Сам генерал, выступая в августе перед польскими солдатами, расквартированными в Шотландии (это выступление изложило затем Лондонское радио), так говорил по поводу подписанного соглашения: «Политика — это не философия, не книжная мудрость, а действия, внушаемые каждым данным моментом. Такая постановка вопроса и привела к упомянутому результату»⁸.

Весь дальнейший ход событий, развитие советско-польских отношений подтверждает конъюнктурный со стороны эмигрантского правительства характер соглашения и колеблющуюся позицию самого Сикорского. Доказательством этого могут служить, в частности, разрабатывавшиеся в то время польским генеральным штабом стратегические концепции и планы действий в соответствии с развитием событий на советско-германском фронте. В одном из них, приказе под № 3853/tjn, где рассматривались возможность контрнаступления Советской Армии и ее вступление в Западные области УССР и БССР, говорится: «Главкомандующий (т. е. Сикорский. — В. П.) придерживается той точки зрения, что в этом случае вступление Красной Армии должно, как акт враждебный, встретить вооруженное сопротивление с нашей стороны...

⁵ Министр иностранных дел в правительстве Сикорского в тот период.

⁶ См.: Воспоминания В. Бабиньского, бывшего офицера для особых поручений при генерале Соснковском. W. Babinski W. Przyczynki historyczne od okresu 1939—1945. — Londyn, 1967. — S. 78.

⁷ Правда. — 1989. — 25 мая.

⁸ Научный архив, ф. 22, 1941, п. 4а.

1. Наиболее ожесточенное сопротивление следует оказать на линии советско-польской границы 1939 года.

2. Важно, чтобы в районах Вильнюса и Львова сопротивление оказывалось как можно дольше, даже в условиях окружения»⁹.

Как видим, факт подписания советско-польского договора здесь практически неощутим. Любопытен и другой документ — приказ от 25 августа 1941 года, направленный Сикорским генералу Ровецкому — руководителю вооруженных формирований в оккупированной Польше. Рассуждая о военном сотрудничестве с СССР ввиду подписанного соглашения и отвергая возможность действий польских вооруженных групп в тылу немецких войск, Сикорский в то же время рассматривает возможность проведения отдельных диверсионных акций на территории оккупированных немцами Западной Украины и Западной Белоруссии, указывая при этом в несколько пренебрежительной форме: «Советские массы чрезвычайно чувствительны к любым действиям, имеющим позитивный для Советов характер в их войне с Германией. За диверсии такого рода можно было бы получить серьезные уступки со стороны СССР»¹⁰. Таким образом, как видим, речь идет не о сотрудничестве, а о вымогании уступок.

Теперь обратимся к фактам, связанным с непосредственной реализацией указанного соглашения. В этой связи представляют интерес два документа. По условиям договора в СССР отправлялись польский посол и военные представители. 28 августа 1941 года генерал Сикорский направляет послу в Москве Ст. Коту инструкцию, в которой читаем: «Целью польской политики в отношении СССР должно быть, в первую очередь, обеспечение прав Польской Республики на территории, признанных за ней Римским договором (т. е. территории Западной Украины и Западной Белоруссии. — В. П.)». Уже тогда в инструкции говорилось о необходимости подготовить план вывода будущей польской армии из СССР в районы Ближнего Востока либо в Индию или Афганистан.

В инструкции от 1 сентября 1941 года назначенному главнокомандующим формирующейся в СССР польской армией генералу Вл. Андерсу Сикорский прямо указывает на нежелательность использования польских войск на советско-германском фронте.

Как отнестся к выполнению соглашения Советский Союз? Сразу же после подписания соглашения советской стороной были приняты меры по претворению его в жизнь.

К советско-польскому соглашению был приложен протокол, согласно которому объявлялась амнистия всем польским гражданам, содержащимся в заключении на советской территории в качестве военнопленных, или на других достоящих основаниях со времени восстановления дипломатических отношений. 12 августа 1941 года

был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии всех польских граждан. Следует отметить, что деформации, присущие эпохе культа личности, безусловно сказывались на всех сторонах жизни. Что касается конкретного выполнения закона об амнистии польских граждан, то имели место перегибы. Так, например, 24 февраля 1942 года соответствующим советским учреждениям была направлена справка, в которой констатировалось, что некоторое количество польских граждан, подпадающих под действие амнистии, были неправильно задержаны в лагерях и тюрьмах как не имевшие документов, подтверждавших их польское подданство. Имелись случаи необоснованной задержки подлежащих амнистии и по другим причинам, в частности из-за самовольного расширения администрацией перечня уголовных преступлений и задержки подпадавших под амнистию осужденных, из-за стремления ведомств подольше удержать даровую рабочую силу. Возникали серьезные трудности также в связи с правом на службу в польской армии лиц, призванных в Красную Армию с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из числа эвакуировавшихся¹¹. Однако набор в польскую армию проходил успешно. Через два дня после подписания военного соглашения уже начала действовать специально созданная комиссия содействия формированию польской армии. Были определены места формирования: районы вблизи Саратова и Оренбурга, предоставлен кредит в сумме 65 млн. рублей, выделено существование офицерскому корпусу в сумме 15 млн. рублей. Важным шагом Советского правительства, направленным на обеспечение набора, было изъятие из Указа Президиума Верховного Совета СССР о гражданстве жителей Западных областей Украины и Белоруссии от 29 ноября 1939 года, постановившее считать гражданами Польши всех проживавших там лиц польского происхождения. Сложное обстоятельство в вооружении. Необходимо помнить, что в это время Советская Армия вела упорные, кровопролитные бои с фашистскими агрессорами. На счету была каждая винтовка, каждая граната. Несмотря на это, советская сторона искала возможности и в соответствии с условиями договора предоставила вооружение для одной польской дивизии. 3 октября 1941 года лондонская «Таймс» констатировала: «Польские дипломаты, находившиеся в Москве... по возвращении... говорят о двух чудах, имеющих место в Советском Союзе: горячем энтузиазме всех находящихся там поляков по поводу братства по оружию с Красной Армией и об исключительной решимости русских властей лояльно и безусловно обеспечить выполнение своей части недавно заключенного между двумя странами соглашения». Это были вынуждены признать и представители польского эмигрантского правитель-

⁹ Anna Krajowa w dokumentach. — Т. 2. — Londyn, 1973. — S. 200—201 (далее — A. K. w dokumentach. — Т. 2).

¹⁰ Ibid. — S. 45—46.

¹¹ Подробнее см.: Парсаданова В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. — 1989. — № 2.

ства в СССР. Посол Ст. Кот в своих донесениях отмечал, что советские военные власти «на практике целиком идут по линии удовлетворения польских требований»¹². Посол Польши в Соединенных Штатах Я. Цехановский в письме госсекретарю США от 29 сентября 1941 года также подтверждал, что Советское правительство лояльно выполняет все взятые на себя обязательства. Это признавал и сам Сикорский.

30 ноября 1941 года премьер-министр эмигрантского правительства прибыл с официальным визитом в Советский Союз. Приезд Сикорского имел большое политическое значение как для взаимоотношений между двумя правительствами, так и для антигитлеровской коалиции в целом. Обращает, однако, на себя внимание ряд фактов, проливающих свет на позицию польской стороны в отношении сотрудничества с СССР.

Перед приездом в СССР Сикорский телеграфировал послу в Москве об условиях, которые тот должен выставить перед Советским правительством. В пункте 3 этой телеграммы указывалось, что ввиду невозможности советской стороны вооружить большое количество людей вся «польская армия должна быть передислоцирована до достижения ее боевой готовности в пункты, где она могла бы легко получать британское снабжение. В первую очередь должно быть принято во внимание направление Ирана и как альтернатива — Кавказ»¹³. Как видим, здесь речь идет всего лишь о передислокации до достижения боевой готовности. Однако ранее, 26 сентября, Сикорский телеграфировал британскому генералу Эйсмэю о своем согласии на переброску польских войск в районы, примыкающие к британским владениям, и указывал: «Мне бы не хотелось обращаться к правительству СССР с предложением о передислокации польских вооруженных сил... т. к. в моих интересах не дать появиться каким бы то ни было подозрениям (подчеркнуто мной. — В. П.)»¹⁴.

В свою очередь 30 ноября 1941 года польский посол в Москве Ст. Кот сообщал министру эмигрантского правительства о своей беседе в Кремле: «Добиваясь согласия Сталина на передачу всех (имеются в виду поляки, находившиеся в СССР. — В. П.) в армию и его признания об отсутствии возможности всех вооружить и прокормить, я подготовил почву для предложения о выводе»¹⁵. Далее, рассуждая о возможностях вывода, Ст. Кот указывал: «Необходима большая осторожность. Я предлагаю, чтобы до беседы премьера (имеется в виду предстоящий визит Сикорского в СССР. — В. П.) Гарриман¹⁶ воздержался от вмешательства»¹⁷.

Таким образом, речь идет об имевшихся

у польской стороны планах вывода формирующейся в СССР польской армии. А ведь по условиям соглашения она должна была принять участие в боях на советско-германском фронте. Более того, в курсе этих планов было не только английское правительство, об этом речь пойдет ниже, но и американское. 10 ноября 1941 года правительству СССР была вручена памятная записка правительства США, где прямо говорилось о желательности вывода польской армии из СССР в Иран.

В подобном духе действовал и главнокомандующий формировавшейся армией генерал Вл. Андерс. 20 сентября 1941 года в Бузулуке под его председательством состоялось совещание, на котором были сделаны следующие выводы:

1. Москва может быть занята немцами со дня на день.

2. Польская армия может быть доведена до численности 100 тыс. человек. Следует обратиться к правительству СССР за разрешением на ее увеличение, а к союзным правительствам — с просьбой о ее вооружении.

3. В случае поражения СССР польскую армию следует перевести в Персию, Афганистан или Индию, что позволит англичанам лучше и быстрее ее вооружить.

4. Следует уже сейчас направлять людей в Ташкент и далее на юг¹⁸.

Как видим, здесь даже не обсуждался вопрос об участии польских войск в боях на советско-германском фронте. Более того, генерал Андерс приказал предоставленной советской стороной вооружение для 5-й польской дивизии разделить между всеми польскими частями, не допуская таким образом высылки дивизии на фронт под предлогом неполного ее вооружения¹⁹.

Визит Сикорского начался 30 ноября 1941 года, несмотря на то, что Советское правительство заявило в ответ на поставленные предварительные условия, что не видит необходимости связывать вопрос об окончательной дате визита с дополнительными заявлениями со стороны СССР по вопросам советско-польских отношений. В ходе визита Сикорский поставил вопрос об эвакуации польской армии, однако ввиду негативного впечатления, произведенного этим предложением на советскую сторону, вынужден был снять его. В письме Черчиллю от 17 декабря 1941 года он так объяснил свой поступок: «Если бы я настаивал на эвакуации польской армии, то уже никогда больше не мог бы набирать здесь солдат...»²⁰.

4 декабря 1941 года была подписана Декларация правительства Советского Союза и правительства Польской Республики о дружбе и взаимной помощи. Пункт 2 декларации гласил: «Осуществляя договор, заключенный 30 июля 1941 г., оба

¹² Kot St. Listy z Rosji do gen Sikorskiego. — Londyn, 1956. — S. 246.

¹³ D.P.S.R. — V. 1. — S. 185.

¹⁴ Ibid. — S. 171.

¹⁵ Документы. — Т. 7. — С. 255.

¹⁶ Американский дипломат. С марта 1941 г. — специальный представитель Рузвельта в Великобритании; 1943—1946 гг. — посол США в СССР.

¹⁷ Документы. — Т. 7. — С. 255.

¹⁸ Zagoń P. Kierunek wschodni w strategii polityki ożnowoiskowej gen Wł. Sikorskiego. 1940—1943. — Warszawa, 1988. — S. 69 (далее — Zagoń P. Kierunek wschodni).

¹⁹ См., напр.: Zagoń P. Armia polska w ZRSR, na Bliskim i Środkowym wschodzie. — Warszawa, 1981. — S. 63 (далее — Zagoń P. Armia polska).

²⁰ D.P.S.R. — V. 1. — P. 254.

правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». В Москве также была достигнута договоренность об увеличении польской армии до 96 тыс. человек.

10 января 1942 года газета «Манчестер Гардиан» поместила высказывания только что вернувшегося из СССР польского премьер-министра: «...русские всемерно способствуют польским представителям в выполнении их миссии. Волна польского патриотизма и общеславянской дружбы,— отмечал Сикорский,— охватила всех поляков, находящихся в СССР».

Изменилась ли позиция польского эмигрантского правительства по отношению к СССР после визита генерала в Москву? Наиболее полное представление о политической линии Сикорского и руководимого им кабинета в этот период дает инструкция, направленная генералом руководству Армии Крайовой 8 марта 1942 года. «Русско-немецкая война,— говорится в ней,— вызвала значительные изменения в нашем отношении к Советам. Заключенные с ними политические и военные соглашения привели, формально, к дружественным, союзническим отношениям между двумя государствами». Сикорский отменил инструкцию от 20 ноября 1941 года, в которой говорилось о необходимости вооруженного сопротивления советским войскам в случае, если они, преследуя немцев, пересекли бы старую советско-польскую границу, так как «следует считать с тем, что любые действия против русских не найдут понимания на Западе». «Я приложу все усилия,— говорило далее,— чтобы в случае победоносного движения Советской Армии на Запад польская армия, сформированная в России, вступила бы в Польшу вместе с ней». В инструкции предлагалось, чтобы по мере отхода немецких войск отряды Армии Крайовой выступили с оружием в руках и «обеспечили выполнение функций службы безопасности в целях предоставления возможности приступить к выполнению обязанностей администрации, назначенной представителем правительства... В Вильносе и Львове в этот период будут необходимы крупные военные силы»²¹. Таким образом, в инструкции говорится только о формальном, с точки зрения эмигрантского правительства, установлении союзнических отношений с СССР. Полностью отсутствует какое бы то ни было упоминание о пункте 2 Советско-польской декларации, предусматривавшей совместные боевые действия польской и советской армий, при этом главной функцией Армии Крайовой определяется захват власти, в том числе и на части советской территории. Инструкция Сикорского предусматривала также возможность поражения СССР. В этом случае Армия Крайова должна была действовать согласно старым планам и начать вооруженную борьбу против немцев только в момент их поражения на Запад-

ном фронте. Таким образом, эмигрантское правительство считало свои договоры с СССР пустой формальностью, вынужденной мерой приспособления к складывающейся обстановке.

Совершенно иначе расценивали установление сотрудничества с СССР левые силы польского народа. Орган действовавшей в подполье Польской Рабочей партии—газета «Трибуна вольносоци» писала в статье, посвященной годовщине советско-польского соглашения: «Этот договор, дополненный декларацией двух правительств о дружбе и сотрудничестве, заложили крепкие основы не только военного союза, но и будущего мирного сотрудничества двух стран»²².

К весне 1942 года в лондонском штабе генерала Сикорского рассматривались три плана использования польских вооруженных сил для освобождения страны: с территории СССР, со стороны Западной Европы и с юга через Балканы. Но уже 1 мая 1942 года в «Плане организации и использования войск» Сикорский рассматривает возможность вывода всех дивизий с территории СССР «в экстремальной ситуации». Главным направлением наступления западных союзников в Европе указываются Балканы. Здесь несомненно влияние британского стратегического плана, основной целью которого было овладеть Южной и Центральной Европой до вступления туда советских войск.

Немаловажную, хотя, по-видимому, отнюдь не решающую роль в вопросе вывода польской армии из СССР играл ее главнокомандующий генерал Вл. Андерс. Следует отметить, что его целью с самого начала было не допустить подлинного сотрудничества с СССР. Весной 1942 года по пути в Лондон он остановился в Каире, где пообещал командующему британскими войсками на Ближнем Востоке отдать в распоряжение англичан все дивизии, сформированные в СССР²³. Как свидетельствуют бывший адъютант Андерса С. Климовский и посол Ст. Кот, в ходе выполнения достигнутого во время визита в СССР генерала Сикорского соглашения о передислокации уже сформированных дивизий «в районы с более умеренным климатом» Андерс настоял на их базировании в южном Узбекистане и Таджикистане, несмотря на то, что представители Генштаба Советской Армии не советовали этого делать и предлагали районы Алма-Аты, Ташкента и Закавказья²⁴.

Главной причиной, ввиду которой Андерс выбрал малоприспособленные для дислокации войск районы, было то, что «они находились как можно южнее, как можно ближе к иранской границе». В результате польская армия оказалась в областях с неблагоприятными климатическими условиями, где полностью отсутствовали военные лагеря и не было условий для раскварти-

²² См.: Publicystyka konspiracyjna PPR 1942—1945. Wybór artykułów.—Т. 1 (1942).—Warszawa, 1962.—С. 64.

²³ См.: Zaroń P. Armia polska.—С. 132.

²⁴ Кот Ст. Оп. cit.—С. 192; 196—197; Климовский Е. Я. был адъютантом у генерала Андерса: Пер. с польск.—М., 1964.—С. 176—177.

²¹ См.: А. К. w dokumentach.—Т. 2.—С. 202—207.

рования. Следствием этого были массовые заболевания брюшным тифом, желтухой, дизентерией, малярией, охватившие 38,9 проц. всего личного состава²⁵. Следует отметить, что ряд западных авторов склонен обвинять во всем этом советскую сторону, утверждая, что неблагоприятные климатические условия были дополнительным фактором, заставившим генерала Андерса предпринять немедленные усилия по эвакуации. Сам же Андерс в качестве главной причины вывода армии из СССР выдвигал отсутствие у советской стороны возможности вооружить сразу всю польскую армию. Здесь прежде всего следует отметить, что по условиям соглашения предоставления вооружения должен был не только СССР, но и западные союзники. СССР, выполняя обязательства, предоставил вооружение для одной дивизии, был согласен вооружить и вторую. И это несмотря на то, что сам испытывал огромные трудности. Что же касается Англии и Соединенных Штатов, то они своих обязательств, по сути дела, не выполняли. Даже тогда, когда СССР ввиду тяжелого продовольственного положения вынужден был уменьшить пайки, выделяемые польской армии, англичане пообещали доставить продовольствие, а сами складировали его в Северном Иране и Ираке. Что касается вооружения, то заявления Андерса о том, что выведенная из СССР польская армия будет тотчас же полностью вооружена англичанами, были не совсем обоснованны. Американский посол при польском эмигрантском правительстве в телеграмме от 30 марта 1942 года указывал на серьезные трудности с вооружением в ближневосточном регионе, которые испытывали англичане²⁶.

Между тем в своей внешнеполитической деятельности эмигрантское правительство проводило курс, который никак нельзя было назвать дружественным по отношению к СССР. 11 января министр иностранных дел Э. Рачиньский дал интервью английской газете «Санди таймс», в котором развивал концепцию создания в центре Европы федерации государств во главе с Польшей как противовеса Германии и СССР с включением в это образование Советской Литвы. Он высказался также за отрыв Латвийской и Эстонской союзных республик от СССР. В ответ на ноту советского представителя при эмигрантском правительстве А. Е. Богомолова о недопустимости подобного рода высказываний, которые вредят интересам дружественных отношений между Советским Союзом и Польской республикой, генерал Сикорский ответил, что «столь желательное польско-советское сближение не может быть достигнуто путем отречения от территории»²⁷. Здесь же

генерал обосновывал польские притязания на Западную Белоруссию, Западную Украину и Литву. Трудно было ожидать иной реакции со стороны Сикорского. Как отмечал в своих воспоминаниях один из членов эмигрантского правительства, Э. Рачиньский в интервью «Санди таймс» лишь развил концепцию генерала²⁸.

В полном соответствии с этими постулатами действовало и польское посольство в СССР. Дело дошло до того, что в ответ на одну из многочисленных нот посольства, содержащих территориальные претензии, НКВД СССР вынужден был заявить следующее: «Не находя возможным вступить в дискуссию по вопросу об историческом и правовом обосновании государственной принадлежности города Львова или какого-либо другого города на территории Украинской ССР и Белорусской ССР, Народный Комиссариат считает своим долгом уведомить посольство, что в дальнейшем он не сможет принимать к рассмотрению ноты посольства с такого рода неприемлемыми заявлениями»²⁹.

В этих условиях идея советско-польского боевого содружества против общего врага, которая являлась одним из основных постулатов заключенных между СССР и польским эмигрантским правительством соглашений, оказалась под угрозой. 2 февраля 1942 года на совещании советских и польских представителей командования перед польской стороной был поставлен конкретный вопрос: когда польская армия будет готова выступить на фронт? Советские представители обратили внимание на то, что отправка на фронт, например, 5-й дивизии, которая была уже укомплектована и обучена, имела бы принципиальное политическое и военное значение. Андерс категорически возражал против этого, мотивируя свою позицию тем, что отправка 5-й дивизии на фронт подорвет дух всей армии. Извещенный об этом Сикорский высказал полное одобрение позиции Андерса³⁰.

Представляет интерес подробнее остановиться на позиции премьер-министра польского эмигрантского правительства и главнокомандующего польскими вооруженными силами, тем более что в ряде появившихся за рубежом публикаций генерал Сикорский порой предстает как принципиальный сторонник развития всесторонних советско-польских отношений в тот период, в том числе тесного военного сотрудничества. Безусловно, среди эмигрантских политиков он выделялся как человек наиболее здравомыслящий. Однако готов ли был генерал Сикорский к действительному сотрудничеству? При ответе на этот вопрос следует, разумеется, учитывать условия, в которых проходила его деятельность (пребывание правительства Польши на территории другого государства, т. е. Англии, должно было наложить определенный отпечаток). Как отмечает в своих воспоминаниях уже цитировавшийся нами бывший член правительства Сикорского К. Попель,

²⁵ Такую цифру приводит П. Жаронь: *Zagón P. Kierunek wschodni.* — S. 114.

²⁶ См.: *The Ambassador to the Polish Government-in-exile, Antony Biddle to Cordell Hull. Telegramm.* — London. — 30 March. — 1942 // *The Great Powers and the Polish Question 1941—1945. A documentary study in Cold war origins* edited by A. Polonsky. — London, 1976. — P. 104 (далее — *The Great Powers and the Polish Question*).

²⁷ D.P.S.R. — V. 1. — P. 273.

²⁸ *Popiel K. General Sikorski w mojej pamieci.* — Warszawa, 1986. — S. 143.

²⁹ Документы. — Т. 7. — С. 278.

³⁰ Там же. — С. 287—288.

резкое отличие линии польского эмигрантского правительства от линии правительства страны пребывания поставило бы его в безвыходную ситуацию. К этому надо добавить наличие широкой оппозиции, противодействовавшей сотрудничеству с СССР и охватывавшей значительную часть политиков лондонского лагеря. С этими факторами Сикорский не мог не считаться. И все же какова была собственная его концепция развития отношений с СССР? Был ли искренен генерал, когда во время пребывания в СССР, инспектируя 6-ю и 7-ю польские дивизии в Тоцких военных лагерях, писал в изданном им приказе, что в совместной борьбе польского и советского солдата родится счастливое будущее двух наших государств и народов.

Как отмечал на симпозиуме, посвященном 100-летней годовщине со дня рождения генерала Вл. Сикорского, польский историк П. Ставецкий, в бытность свою главой военного министерства Польши (1921—1925 гг.) в области внешней политики Сикорский считал одинаково нереальным достижение соглашения с обоими основными соседями (т. е. СССР и Германией), равно как и союз с одним из них. Единственно возможным он считал заключение союзов с третьими государствами, особенно выделяя союз с Францией³¹. Не случайно, опираясь на союз именно с Францией, и строил генерал вплоть до поражения последней все планы восстановления польской государственности после сентября 1939 года. После переезда эмигрантского правительства в Лондон основой его деятельности был союз с Великобританией. Более того, как пишет в своем уже цитировавшемся выше документальном исследовании взаимоотношений между польским эмигрантским правительством и великими державами в годы второй мировой войны английский исследователь Э. Полонски, Сикорский был твердо убежден, что если Советский Союз и не потерпит поражения в войне с Германией, то будет сильно ослаблен. Доминирующими державами в послевоенном мире, по мнению Сикорского, должны были стать Соединенное Королевство и прежде всего Соединенные Штаты. Таким образом, с его точки зрения, в тесном союзе с СССР не было необходимости. Как пишет один из бывших руководителей работников польского генштаба в Лондоне М. Утник, «даже после побед Советской Армии в первой половине 1943 г. эмигрантское правительство упрямо придерживалось тезиса о том, что на конечном этапе войны только Соединенные Штаты и Великобритания будут иметь решающий голос в определении судеб Европы»³². Как мы могли убедиться выше, действия правительства, возглавлявшегося генералом, не дают оснований утверждать, что оно стремилось к лояльному сотрудничеству с СССР. Что касается вопроса об эвакуации, то распространенная точка зрения, что в

самой постановке этого вопроса решающая роль принадлежала дипломатии западных союзников, на наш взгляд, верна лишь отчасти. Первое документальное свидетельство того, что У. Черчилль выдвинул перед Сикорским идею дислоцировать формирующуюся в СССР армию поблизости от британских владений, называя Кавказский регион, датировано 23 августа 1941 года. 24 октября британский премьер прямо сказал Сикорскому, что в интересах Лондона было бы вывести советские войска из Ирана и ввести на их место польские³³. Однако гораздо раньше, еще 11 июня 1941 года, когда только шли переговоры о заключении соглашения с СССР, Сикорский, докладывая об этом кабинету, предложил, чтобы польские офицеры и другие военнослужащие были бы эвакуированы из России на территории, примыкающие к владениям британской империи³⁴. Таким образом, согласно имеющимся документам мысль об эвакуации польской армии из СССР впервые высказал сам генерал Сикорский. Является бесспорным, что такой вариант отвечал интересам британского правительства.

Чем объясняется подобная позиция генерала? На наш взгляд, дело тут не только в его убеждениях, о которых говорилось выше. Это был достаточно гибкий политик. По всей видимости, немаловажную роль тут сыграло, по крайней мере что касается периода до его визита в СССР, опасение поражения СССР и потери в таком случае армии, как это произошло с польской армией, сформированной во Франции. А армия генералу была нужна. Бывший офицер штаба Сикорского в Лондоне так пишет об этом: «Основной политической целью Сикорского было освобождение страны и обеспечение в ней власти (эмигрантского правительства. — В. П.). Этого, по мнению генерала Сикорского, еще с периода его пребывания во Франции можно было достичь только при помощи вооруженных сил. Вступление в страну во главе армии гарантировало правительству генерала не только политическую власть, но и предоставляло людей, из которых можно было создать администрацию. После эвакуации в Англию основная цель — продолжение войны с Германией — осталась прежней, но ее достижение, имея крохотную армию, становилось проблематичным»³⁵. Именно стремление Сикорского получить в свое распоряжение армию и послужило одной из основных причин заключения договора с СССР. Попытки его создать армию из представителей польской эмиграции в Канаде, США и британских доминионах серьезного успеха не имели. Создавая армию в СССР, Сикорский не намерен был рисковать ею. Она нужна была ему целиком и притом в «нужный момент». Не случайно сразу же

³¹ *Simpozjum Poswiecone 100 rocznicy urodzin gen. Wl. Sikorskiego//Wojskowy przeglad historyczny.* — 1981. — № 3. — S. 241.

³² *Utnik M. Obrona utofijnych planow «Burza» czy powstanie // Wojskowy przeglad historyczny.* — 1984. — № 2. — S. 102.

³³ *D.P.S.R.* — V. 1. — P. 183.

³⁴ *Ibid.* — P. 575.

³⁵ *Utnik M. Sztab polskiego Naczelnego wodza w II wojnie swiatowej cz. 15 // Wojskowy przeglad historyczny.* — 1973. — № 4. — S. 177.

после подписания военного соглашения (14 августа 1941 г.) в своей инструкции от 23 августа военному представителю в Москве Шишко-Богущу он поставил под сомнение, в частности, пункт о целесообразности отправки на советско-германский фронт будущих польских дивизий по мере достижения ими боевой готовности. Генерал соглашался отправить на фронт только всю армию одновременно. Не изменилась его позиция и позднее. Как уже отмечалось, зимой 1942 года Сикорский полностью поддержал Андерса, отказавшегося отправить на фронт 5-ю дивизию, заключив свое послание утверждением, что ни в коем случае нельзя пренебрегать таким козырем в отношениях с союзниками, каким в руках эмигрантского правительства является армия³⁶.

Между тем и сам Сикорский, и Андерс сознавали нереальность своих требований. Советская сторона информировала их о своих возможностях в отношении предоставления вооружения для всей армии, знал генерал и о позиции англичан в этом вопросе. Таким образом, обыгрывание проблемы использования только всей армии целиком лишь способствовало оттягиванию ее переброски на советско-германский фронт, что, по сути дела, являлось уклонением от принятых польской стороной обязательств.

Ввиду подобной позиции эмигрантского правительства, руководствуясь объективными причинами, советская сторона решила сократить численность сформированной польской армии. В трудных условиях, когда советский народ отдавал все для своих воюющих армий, содержание семидесятитысячной польской армии, неизвестно для чего готовящейся, было, мягко говоря, неоправданно. В ответ с польской стороны вновь последовало предложение об эвакуации. 18 марта 1942 года Советское правительство выразило согласие на эвакуацию в Иран личного состава польской армии свыше 44 тыс. человек. Первый эвакуационный транспорт был отправлен 24 марта из специально для этого созданной базы в Красноводске.

После вывода первой части Андерс был полон решимости вывести всю армию. «Это только начало... — говорил он, — однако оно положено, форточка открыта, значит, и остаток тоже выйдет»³⁷. Посол в Москве Ст. Кот также высказывался за скорейший и полный вывод армии, однако при определенных условиях. В своей телеграмме от 3 июля 1942 года, направленной министру иностранных дел эмигрантского правительства, он писал: «Основывая свою точку зрения на опыте со-

ветско-польских отношений, приобретенном в течение года, я считаю совершенно необходимым, во имя политических интересов Польши, чтобы до или во время эвакуации Советское правительство приняло... перед нами... следующие обязательства: 1) продолжение набора в польскую армию польских граждан на всей территории СССР». Далее следовали пункты об эвакуации детей, гражданских лиц³⁸.

Что касается Сикорского, то он противился полному выводу армии, опасаясь, по-видимому, как он сам писал в уже упоминавшемся письме Черчиллю, что не сможет больше набирать на советской территории солдат. Не случайно 30 апреля 1942 года после первого этапа эвакуации эмигрантское правительство сделало заявление, в котором акцентировало тот момент, что Советское правительство не будет создавать трудности при дальнейшем призыве в армию и эвакуации солдат польских вооруженных сил. К тому же после разгрома немцев под Москвой, который произошел во время визита Сикорского в СССР, генерал не верил в возможность поражения Советского Союза. Именно поэтому он не настаивал в то время на полной эвакуации, противился этому и теперь, считая, что остаток армии численностью 44 тыс. человек должен остаться на советской территории. Для чего? Это было в соответствии с его точкой зрения о нежелательности концентрации всех польских вооруженных сил на одном направлении. В инструкция генералу Андерсу от 1 мая 1942 года он писал: «Откуда лежит ближайшая дорога в Польшу? Из России, с Ближнего Востока, из Великобритании? Никто не в состоянии ответить на это сейчас... Польские вооруженные силы на существующих и будущих фронтах военных действий должны располагаться так, чтобы в любой момент можно быстрее достичь Польши. К тому же я не имею ни права, ни желания рисковать, концентрируя всю армию или ее большую часть на одном театре военных действий, т. к. это может привести к неприятным последствиям, если не полному уничтожению армии»³⁹. Здесь же Сикорский соглашался на полный вывод армии с территории СССР в случае «крушения России».

У британского правительства были другие планы относительно использования польской армии. У Черчилля оказывал сильный нажим на Советское правительство, добиваясь его согласия на эвакуацию, нажимали также на генерала Сикорского и польский генштаб в Лондоне. Бурную деятельность развил Андерс, установивший за спиной премьер-министра и главнокомандующего связь с англичанами. В конце концов Сикорский дал согласие на полную эвакуацию.

Любопытно, что в ряде зарубежных публикаций вопрос об эвакуации польской армии представляется таким образом, как если бы она была предпринята под давле-

³⁶ Zagóń P. Kierunek wschodni. — S. 121. В документе № 195 (Документы. — Т. 7. — С. 288) при переводе с польского в этом месте, по-видимому, была допущена ошибка, совершенно меняющая смысл. Здесь читаем: «...но я не могу согласиться с крайним пренебрежением к такого рода козырю в руках союзников, каковым было бы использование армии как целого».

³⁷ Цит. по: Zagóń P. Kierunek wschodni. — S. 139.

³⁸ D.P.S.R. — V. I. — P. 600.

³⁹ Ibid. — P. 346—347.

нием советской стороны. Уже цитировавшийся нами бывший офицер польского генштаба в Лондоне М. Утник пишет об этом так: «Относительно факта вывода армии Андерса из СССР, противники Сикорского объясняли это уступками Сталину, но лучше информированные лояльные сотрудники стали сомневаться, что оказывает большее влияние на решения, принимаемые главнокомандующим, — польские интересы или английские»⁴⁰.

В создавшихся условиях Советское правительство решило удовлетворить просьбу об эвакуации всей сформированной на территории СССР польской армии, о чем 31 июля 1942 года было подписано соглашение, в котором, в частности, зафиксировано: «Правительство Польши, вопреки договору между СССР и Польшей, не считает возможным использование на советско-германском фронте польских частей, сформированных в СССР».

Началась эвакуация 9 августа. За 22 дня из СССР выехали 75 491 польский военнослужащий и 37 756 членов их семей⁴¹.

Выступая 4 декабря 1941 года по московскому радио, генерал Сикорский говорил: «В дни, когда оба народа очутились перед лицом смерти, грозящей им со стороны одного и того же врага, польские солдаты будут героически сражаться вместе с вами за освобождение своей родины... братство оружия, возникающее впервые в истории, будет иметь переломное значение для будущего обоих государств и народов, как основа не похожих на прошлое дружественных отношений». Девять месяцев спустя, когда разворачивалась тяжелейшая Сталинградская битва, польская армия отплывала через Каспийское море в Иран. Американский историк С. М. Тиррз таким образом определила причины этого: «Самым важным является то, и это нередко упускается из виду, что Сикорский рассматривал армию прежде всего как политический фактор и уже потом как военный инструмент»⁴². Кстати, точно таким же образом рассматривал Сикорский и вооруженные отряды в оккупированной Польше — Армию Крайову. В телеграмме от 22 августа 1941 года, направленной им генералам Андерсу и Ровецкому, он прямо указывает: «Я не могу допустить того, чтобы в результате преждевременных диверсионных или партизанских действий против немцев поставить под угрозу организацию, предназна-

чение которой состоит прежде всего в том, чтобы поднять восстание в соответствующий момент»⁴³. Как отмечает в своей вышедшей в Париже в 1986 году на польском языке книге «Рождение системы власти. Польша 1943—1944» К. Керстен, этот соответствующий момент должен был наступить тогда, когда Германия будет почти разбита.

Обеспечение посредством вооруженной силы реставрации буржуазной политической системы в послевоенной Польше, а также оптимального, с точки зрения Сикорского, решения вопроса о границах⁴⁴ — такова, по-видимому, была главная стратегическая цель генерала. И рисковать вооруженными силами, отправляя их на советско-германский фронт, он был не намерен.

В ноте от 31 октября 1942 года, направленной эмигрантскому правительству, правительство СССР констатировало, что сделало все от него зависящее, чтобы выполнить заключенные соглашения, «объединить усилия советского и польского народов в совместной борьбе против гитлеровских разбойников и оккупантов... Польское правительство пошло по другому пути. Польское правительство не захотело ввести свои дивизии — и не только дивизии первого формирования, но и последующие формирования на советско-германский фронт, отказалось использовать против немцев на этом фронте польские войска рука об руку с советскими дивизиями и тем самым уклонилось от выполнения принятых на себя обязательств».

Однако идея советско-польского братства по оружию, идея совместной борьбы «за Нашу и Вашу свободу» не была похоронена. В полный голос заявили об этом демократические силы польского народа, польские коммунисты, польские солдаты и офицеры, отказавшиеся эвакуироваться с армией Андерса, видевшие свой долг в освобождении родины. В истории советско-польского братства по оружию началась новая глава.

⁴³ A. K. w dokumentach. — Т. 2. — С. 43.

⁴⁴ По поводу советско-польской границы 28 ноября 1942 г. Сикорский писал руководителю АК в оккупированной Польше генералу Ровецкому: все будет зависеть от соотношения сил в решающий момент. Я предполагаю, что это соотношение будет в решающей фазе войны в пользу Польши. Я не согласился обсуждать вопрос о границах в декабре 1941 г., когда Сталин предлагал мне обсудить небольшое изменение границ и тесные союзнические отношения. Возможно, польское правительство вместе с британским и американским смогут склонить Советское правительство к признанию наших прав на Востоке и поддержке требований на Западе. — D.P.S.R. — V. 1. — P. 457.

⁴⁰ Utnik M. Sztab polskiego Naczelnego wodza w II wojnie światowej. V // Wojskowy Przegląd historyczny. — 1974. — № 1. — S. 253.

⁴¹ Документы. — Т. 7. — С. 245.

⁴² Terry S. M. Polands place in Europe. General Sikorski and origin of the Oder-Neisse Line, 1939—1943. — Princeton, 1983. — P. 199.

Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных

Майор С. Н. ОСИПОВ,
адъюнкт Института военной истории
Министерства обороны СССР

БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА отделяет нас от трагических событий осени 1939 года, положивших начало самой кровопролитной в истории человечества войне. За это время тысячи историков, журналистов и писателей посвятили свои труды анализу военно-политической обстановки, предшествующей войне. Скрупулезно изучен и описан, наверное, не только каждый день, но и каждый час первых месяцев войны, оценены результаты боевых действий, военные и политические последствия разгрома Польши. Раскрывают свои тайны архивы, расширяется обмен информацией между странами и народами. В результате углубляется анализ, более объемным становится понимание причин, целей, характера и результатов войны. Вместе с тем время не сняло завесы секретности со многих вопросов, многие события прошлого стали аргументами в современной идеологической борьбе, одни и те же факты получили различную оценку и толкование в зависимости от политической конъюнктуры. В полной мере это касается ввода советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины и связанных с ним событий. Так, доктор исторических наук В. М. Бережков, работавший в течение ряда лет переводчиком Сталина, говорит: «Ведь сколько обвинений мы уже предъявили Сталину, а есть вещи, где мы его оберегаем. Почему? В конце концов, наше теперешнее руководство не несет ответственности за это, так же, как и за миллионы

жертв сталинских репрессий»¹. В число репрессированных вошли и тысячи польских солдат и офицеров, оказавшихся к 29 сентября 1939 года военнопленными. Все они прошли через лагеря, многие погибли, судьба других до сих пор неизвестна.

Вопрос о количестве и судьбе польских военнослужащих, оказавшихся в 1939 году в СССР, имеет длинную историю. Впервые он возник осенью 1941 года при формировании так называемой армии Андерса². В тот период, как утверждают «Московские новости», ссылаясь на западные источники, речь шла о 250 тыс. военнопленных³. На вопрос Андерса о судьбе 10 тыс. польских офицеров, говорится в публикации, Сталин якобы ответил, что они сбежали, возможно, в Маньчжурию.

Вторично интерес к судьбе польских военнопленных ставился в связи с сообщением из Берлина от 13 марта 1943 года о могилах в Катыни, в котором утверждалось, что расстрелы проведены органами НКВД весной 1940 года. Польское эмигрантское правительство 20 марта 1943 года обратилось к правительству СССР и в Международный комитет Красного Креста с просьбой о расследовании данного факта. В ответ правительство СССР обви-

¹ Комсомольская правда. — 1989. — 8 августа.

² Польская армия, сформированная в 1941—1942 гг. по соглашению между СССР и польским эмигрантским правительством. В августе 1942 г. выведена на Ближний Восток. Участвовала в боях на Западном фронте.

³ Московские новости. — 1989. — 21 мая.

нило польское эмигрантское правительство в сотрудничестве с Гитлером и 25 марта 1943 года разорвало с ним дипломатические отношения. Немцы в течение 1943 года создали свою комиссию, эксгумировали около 4000 трупов. По их версии, нашли 3184 документа, позволявших наряду с результатами патолого-анатомической экспертизы датировать убийство весной 1940 года. Выводы комиссии широко использовались в геббельсовской пропаганде.

Последний раз к этой проблеме официально вернулись в феврале 1946 года на Нюрнбергском процессе. После освобождения района Катыни советскими войсками там работала комиссия под руководством академика Н. Н. Бурденко, на основании выводов которой советская сторона включила в обвинительное заключение пункт, обвиняющий немецкое руководство в убийстве 11 тыс. польских офицеров в августе—сентябре 1941 года. В результате судебного разбирательства этот пункт обвинения не был признан доказанным и поэтому в приговоре не упоминался.

В дальнейшем интерес к вопросу о судьбе польских военнопленных оживлялся или затихал в прямо пропорциональной зависимости от напряженности идеологической борьбы, и одно это уже говорит о недостаточной объективности его освещения обеими сторонами. Сегодня проблема польских военнопленных обсуждается не обособленно, а в контексте очищения наших исторических представлений от стереотипов сталинизма, с позиций нового политического мышления, что дает возможность максимально приблизиться к истине. Однако, освобождаясь от одних стереотипов, очень важно не попасть под влияние других. Публикации последнего времени главным образом основываются на воспоминаниях участников тех событий, часто крайне противоречивых. Например, В. Абаринов в статье «Вокруг Катыни» основывается на изданном в Польше отчете ротмистра Ю. Чапского — уполномоченного генерала Андерса по розыску пропавших на территории СССР пленных польских офицеров — и беседе с Л. Ф. Райхманом — бывшим

офицером НКВД, имевшим косвенное отношение к этому вопросу. В публикации приводятся сведения о 6—12 тыс. офицеров и сержантов, которые были, возможно, отправлены через Находку на Колыму, о более 5 тыс. офицеров, якобы сконцентрированных на Земле Франца-Иосифа, и множестве высланных на Новую Землю, Камчатку и Чукотку. Кроме этого, излагается версия о затоплении огромных барж (по 1700—2000 военнопленных на каждой) у северных островов. Всего речь идет о 15 тыс. узников, в том числе о 8000 офицеров. Все цифры взяты из рапорта Чапского, а Райхман практически их отрицает⁴. Многочисленные публикации на Западе также в основном построены на воспоминаниях, логических построениях или сомнительных документах. Так, в западногерманском журнале «7 Tage» приводится рапорт Тартакова на имя генералов Зарубина и Райхмана о ликвидации лагерей в Козельске, Осташкове и Старобельске⁵, который сам Л. Ф. Райхман, бывший в 1940 году всего лишь майором*, доказательно называет фальшивкой⁶. Серьезные исследователи, как у нас в стране, так и за рубежом, не спешат с выводами. Например, И. Фляйшхауэр, западногерманский ученый, оперирующая только проверенными фактами и документами, намного более осторожна в оценках, чем многие наши публицисты⁷. Вместе с тем необходимо признать, что этому способствует затянувшееся молчание официальных органов и некоторых ведущих ученых. Многие из них считают, что, сохраняя «фигуру умолчания» в отношении всех перипетий, касающихся советско-германского пакта 1939 года, мы подрываем доверие к нашей политике и к нашей науке, заставляя думать, что они зигждутся на неправде⁸. Одновременно эта «фигура умолчания», отнюдь не защищая от не всегда справедливой

⁴ Литературная газета. — 1989. — 6 сентября.

⁵ Московские новости. — 1989. — 21 мая.

⁶ Хотя майор госбезопасности приравнялся к генерал-майору РККА, в документах такого обращения не допускалось.

⁷ Литературная газета. — 1989. — 6 сентября.

⁸ Там же. — 1989. — 16 августа.

⁹ Комсомольская правда. — 1989. — 8 августа.

критики друзей, не позволяет раз-
облачать явные фальшивки и ин-
синуации врагов.

Попытаемся рассмотреть вопрос о
судьбе польских военнопленных,
опираясь только на проверенные
факты и архивные документы.

Через неделю после вторжения
немецких войск в Польшу в СССР
под видом «больших учебных сбор-
ов» началась скрытая мобилиза-
ция. Были созданы два фронта: Ук-
раинский (командующий коман-
дарм 1 ранга С. К. Тимошенко) и
Белорусский (командующий коман-
дарм 2 ранга М. П. Ковалев) общей
численностью 600 тыс. человек⁹.
14 сентября директивой наркома
обороны войскам была поставлена
задача 16 сентября к исходу дня

скрытно сосредоточиться и быть го-
товыми к переходу границы. Одно-
временно с этим 15 сентября Генера-
льный штаб РККА отдает распо-
ряжение, устанавливающее места
расположения пунктов военноплен-
ных¹⁰. Для Белорусского фронта
это станции Друть, Хлюстино, Жло-
бин; для Украинского — станции
Ирша, Погребищи, Хировка и Хоро-
бичи. Согласно распоряжению лаге-
ря-распределители организовыва-
лись в Путивле (Киевский особый
военный округ) и в Козельске (Бе-
лорусский особый военный округ).

Для приема и распределения во-
еннопленных НКВД СССР развора-
чивает собственную сеть из десяти
лагерей-распределителей¹¹, которые
располагались¹²:

1. Оптина Пустынь (ст. Козельск)	— на 10 000 человек
2. Путивль	»
3. Нилова Пустынь (ст. Осташков)	»
4. Козельщина (Полтавская обл.)	»
5. Старобельск (Донецкая обл.)	— на 8000 человек
6. Павлушев Бор (ст. Бабышево)	— на 10 000 человек
7. Южский лагерь (Вязники Горь- ковской обл.)	— на 4000 человек
8. Оранский лагерь (Горьковская обл.)	— на 6000 человек
9. Вологодский лагерь	— неизвестно
10. Грязовецкий лагерь	— неизвестно

О том, что с польскими военно-
пленными предполагалось обра-
щаться в соответствии с нормами
международного права, говорят ут-
вержденные 20 сентября 1939 года
Экономическим советом при СНК
СССР нормы довольствия для во-
еннопленных: 800 г хлеба, 75 г мя-
са, 50 г рыбы, 30 г растительного
масла и так далее вплоть до перца
на человека в сутки¹². Такие нормы
довольствия говорят как минимум о
лояльном отношении к польским во-
еннопленным в тот период. Как из-
вестно, своих «врагов народа» кор-
мили неизмеримо хуже.

Подготовленным лагерям не при-
шлось долго ждать наполнения.
17 сентября в 5 часов советские вой-
ска перешли польскую границу. Мо-

тивировка выступления была самая
различная, от такой, как «содейство-
вать восставшим рабочим и крестья-
нам Белоруссии и Польши в свер-
жении ига помещиков и капитали-
стов» до «не допустить захвата тер-
ритории Белоруссии Германией». Войскам приказывалось «молни-
еносным, сокрушительным ударом
разгромить панско-буржуазные вой-
ска», но в то же время отмечалось,
что «мы идем не как завоеватели, а
как освободители наших братьев бе-
лорусов, украинцев и трудящихся
Польши». Отсюда противоречивость
и непоследовательность в действиях
войск. Впрочем, противоречивыми
были и действия польской армии.
17 сентября маршал Рыдз-Смиглы
отдал приказ, предписывающий: «С
Советами в бой не вступать, оказы-
вать сопротивление только в слу-
чае... попыток разоружения наших
частей... Части, к которым подошли

⁹ Красная звезда. — 1989. — 17 сентября.

¹⁰ ЦГАСА, ф. 40443, оп. 1, д. 175, л. 1.

¹¹ Там же, л. 2.

¹² Там же, л. 5.

Советы, должны начать с ними переговоры с целью вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию»¹³.

Разумеется, в условиях почти полного развала управления не все части этот приказ получили, не все получившие его выполнили, а наши войска не могли выполнить условия, изложенные в приказе. Поэтому были стычки, бои, иногда довольно ожесточенные. В результате к 29 сентября наши потери составили 737 человек убитыми и 1826 ранеными, примерно столько же потеряли поляки¹⁴. Уже 22 сентября 1939 года в оперативной сводке Генерального штаба РККА говорилось, что, по неполным данным, с 17 по 21 сентября взято пленных солдат и офицеров польской армии 120 тыс. человек¹⁵. Все польские части были разоружены, а военнослужащие интернированы.

На 27 сентября 1939 года приемными пунктами УССР было принято 44 216 человек военнопленных, а приемными пунктами БССР — 19 909 человек. Всего — 64 125 человек, в том числе, по неполным данным, офицеров и жандармов — 6443. Из общего количества принятых 46 304 были отправлены в лагерь-распределители, в том числе в Путивльский — 9064, Козельский — 6270, Старобельский — 7235, Южский — 7005, Козельский (так в документе. Вероятно, Козельщина. — С. О.) — 8955, Осташковский — 7775 военнопленных¹⁶.

Установить точное количество военнопленных в конкретном лагере на какой-либо момент сложно, так как последние постоянно находились в движении. Например, на 19 октября 1939 года в Старобельском лагере освобождено солдат и младших командиров — 1783, отправлено в другие лагеря — 2329, осталось в лагере — 4824 человека. В Юхновском лагере освобождено — 3948, отправлено на рудники — 960, осталось в лагере — 3183 человека. На этот момент всего было освобождено 40 729 человек, имелось в лагерях и приемных пунктах — 85 074

человека, в том числе в Ровенском лагере (уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, подлежащих освобождению) — 23 163; на объектах Наркомчермета — 5267; беженцев — 1157; офицерского состава — 8472; полицейских и жандармов — 4678; рядовых, подлежащих обмену с Германией, — 41 819; рядовых — уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, подлежащих освобождению в лагерях, кроме Ровенского, — 518 человек¹⁷.

Пункт «подлежат обмену с Германией», вероятно, требует пояснения. 14 октября 1939 года СНК СССР принял постановление об обмене польскими военнопленными с Германией. Обмену подлежали военнослужащие, родившиеся на территории, отошедшей соответственно к Германии или СССР. Обмен был осуществлен, и в результате на 15 ноября 1939 года было передано Германии 37 133 человека и принято от нее 13 544 человека¹⁸. Как ни горька такая правда, отступать от нее мы не имеем права, так как это исторический факт и без этих цифр наш подсчет будет неполным.

Таким образом, абсолютно достоверно можно говорить о том, что на 15 ноября 1939 года в СССР было не более 61 485 польских военнопленных, в том числе 8472 офицера. С меньшей достоверностью можно говорить о том, что до конца 1939 года был освобожден еще 23 681 человек — уроженец Западной Украины и Западной Белоруссии. В таком случае остается 37 804 человека, в том числе 8472 офицера, 4678 жандармов и полицейских, 1157 беженцев. Если допустить, что все обмененные с Германией 13 544 уроженца западных районов Украины и Белоруссии также были освобождены, то в лагерях должны были остаться только 24 260 польских военнопленных и беженцев. Как мы видим, уже на этом этапе мало что остается от 250 тыс. военнопленных, упоминавшихся в «Московских новостях», значительно сужается поле поиска и конкретизируется число возможных жертв Катыни, Колымы и северных островов.

¹³ Красная звезда. — 1989. — 17 сентября.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1226, л. 124.

¹⁶ Там же, ф. 40443, оп. 1, д. 173, лл. 1—6.

¹⁷ Там же, л. 29.

¹⁸ Там же, л. 50.

Имеющиеся в настоящий момент документы не позволяют достоверно определить местонахождение польских военнопленных в 1940 — начале 1941 года. После столь длительного перерыва первые документальные сведения о них относятся к августу 1941 года — началу формирования армии Андерса, которое осуществлялось с августа 1941 года после заключения соглашения с польским эмигрантским правительством. Штаб армии находился в городе Бузулуке, а учебные центры в Тозком и Татищеве. Общая численность объединения первоначально была определена в тридцать тысяч человек, но затем Советское правительство согласилось с предложением генерала Сикорского увеличить армию до 96 тыс., чтобы развернуть шесть стрелковых дивизий¹⁹. Польские части формировались за счет различных контингентов: поляков, живших на территории СССР; беженцев, спасавшихся от гитлеровского ига; бывших польских военнопленных. Последние в армии Андерса составляли значительную часть рядового и младшего начальствующего состава и практически весь офицерский состав. Это подтверждается фразой из уже упоминавшегося рапорта Ю. Чапского о «тысячах возвращающихся из лагерей и тюрем коллег». Кроме того, постановлением ГКО от 16 августа 1941 года предписывалось НКВД СССР при освобождении из лагерей и тюрем бывших польских военнопленных и интернированных выдавать единовременную денежную помощь в следующих размерах: генералам — по 10 тыс., полковникам — 5, подполковникам и майорам — 3, остальным офицерам — по 2000, младшему командному и рядовому составу — по 500 рублей. Всего на эти цели было отпущено 15 млн. рублей.

Уже 7 сентября 1941 года генерал Андерс докладывал в Москву, что формирование 5-й и 6-й дивизий идет успешно, прибыло и находится в пути более 27 тыс. человек, из них 1800 офицеров. Кроме этого, с-сог-

ласия Советского правительства в Англию было отправлено 200 польских летчиков для комплектования польских авиационных частей. К февралю 1942 года польская армия насчитывала уже 73 145 человек. В марте — сентябре 1942 года по предложению Андерса Советское правительство согласилось на эвакуацию польской армии в Иран, что закреплено протоколом от 31 июля 1942 года. Всего было эвакуировано 75 491 польский военнопленный и 37 756 членов их семей²⁰.

Мы пока не можем сказать точно, сколько среди этих эвакуированных было бывших польских военнопленных, но, вероятно, никак не меньше 50 проц. всех военнопленных, в том числе четыре-пять тысяч офицеров. Впоследствии, в 1943—1944 гг., некоторое количество бывших польских военнопленных вошло в состав 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко и 1-го польского корпуса.

Таким образом, рассмотренный материал оставляет невыясненной судьбу приблизительно десяти тысяч польских военнопленных, в том числе трех-четырёх тысяч офицеров. Эти цифры в несколько раз отличаются от всех приводимых в упоминаемых и других публикациях советских и зарубежных авторов. В основе расчета лежат архивные документы.

Настоящее исследование не ставит целью оправдать, хотя бы косвенно, преступления сталинизма. Любая человеческая жизнь бесценна, а тут речь идет о судьбах и жизнях тысяч людей. Справедливость требует честно и правдиво ответить на вопрос о судьбе каждого польского военнопленного, матери имеют право знать, где находятся могилы их сыновей, а жены и дети — кто виновен в гибели их мужей и отцов. Но безнравственно видеть в этой трагедии только сенсационный факт. На подобные вопросы возможен только взвешенный и честный ответ, свободный от субъективных наслоений и налета сенсационности.

¹⁹ Военно-исторический журнал. — 1959. — № 9. — С. 58.

²⁰ Там же. — С. 58—59.

ПРЕДЪЯВЛЯЛСЯ ЛИ ФИНЛЯНДИИ УЛЬТИМАТУМ?

РОЛЬ такого рода документов хорошо известна в истории дипломатии и в военной истории. Говоря в общем плане, она состоит в том, чтобы без применения вооруженной силы (а значит, без людских и материальных потерь), лишь угрожая ею, добиться от противной стороны уступок, на которые та не шла за столом переговоров.

Казалось бы, что в конце ноября 1939 года для Советского правительства как раз пришло время предъявить Финляндии ультиматум. Напомним о событиях тех дней.

13 ноября финляндская делегация прервала длившиеся в общей сложности полтора года переговоры с правительством СССР по вопросам безопасности в районе советско-финляндской границы и восточной части Балтийского моря и отбыла в Хельсинки. Такое положение никак не устраивало Сталина, Молотова и Жданова, считавших, что в условиях европейской войны незащищенность второго по величине и значению города страны — Ленинграда является нетерпимой. Ключ к обороне Ленинграда держала в своих руках Финляндия, ведь ее граница проходила всего в 32 км от города, а территориальные воды достигали чуть ли не внешнего рейда ленинградского порта. Отъезд делегации означал, что все советские попытки уговорить Финляндию расстаться с этим «ключом» кончились неудачей. На раз-

ных этапах переговоров и в разных комбинациях Финляндии предлагались: пакт о взаимопомощи; аренда, покупка или обмен на советскую территорию островов в восточной части Финского залива; обмен финляндской территории на Карельском перешейке на советскую территорию в Восточной Карелии; устройство советской военно-морской и военно-воздушной базы на полуострове Ханко.

Тогда в середине ноября 1939 года на военном совете Сталин безысходно заявил: «Нам придется воевать с Финляндией». Следует сказать, что мероприятия по укреплению советско-финляндской границы начались немного раньше, а именно летом того же года. Но тогда речь шла о прокладке дорог, строительстве военных объектов и пр. Теперь же в страшной спешке к границе стягивались войска для нанесения удара по Финляндии.

Авральный характер этих передислокаций говорит о том, что в Москве были уверены: Финляндия не устоит перед советским давлением на переговорах и пойдет на требуемые уступки. Для такого предположения были все основания: многократное превосходство Советского Союза над Финляндией по всем параметрам, а также договоренность СССР и Германии относительно разграничения сфер влияния по секретному протоколу к пакту о ненападении от 23 августа.

Вышло иначе: на переговорах финны стояли на своем. И вот тут-то, повторимся, казалось бы, настало время предъявить ультиматум. Однако из истории внешней политики СССР нам неизвестно, чтобы нарком иностранных дел Молотов вызывал финляндского посланника в Москве Ирие-Коскинена и вручал ему текст ультиматума или чтобы советскому полпреду в Хельсинки В. К. Деревянскому было поручено передать ультиматум финляндской стороне. Неизвестно, поскольку ничего этого сделано не было. События приняли совершенно другой оборот.

26 ноября в районе границы у деревни Майнила произошел инцидент с артиллерийским обстрелом красноармейских позиций, в результате чего, по официальному сообщению, несколько советских бойцов было убито и ранено. В тот же день Советское правительство направило финляндской стороне ноту протеста в этой связи и потребовало в целях предотвращения в дальнейшем подобных инцидентов отвести свои войска от линии границы на 20—25 км¹. Одновременно в стране организуется мощная кампания митингов трудящихся под лозунгами: «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Ответить тройным ударом!», «Уничтожить гнусную банду!» и т. д.

В ответной ноте правительство Финляндии отрицало причастность финских войск к обстрелу Майнилы. При этом оно ссылалось на результаты расследования, проведенного финскими пограничниками. Ими было высказано предположение о том, что «дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне...» В соответствии с советско-финляндской Конвенцией о пограничных комиссарах 1928 года правительство Финляндии предложило создать совместную комиссию по расследованию этого инцидента. Что касалось советского требования об отводе войск от линии границы, то в ноте предлагалось «приступить к пере-

говорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы»².

В новой ноте Советского правительства от 28 ноября ответ финской стороны квалифицировался как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами». В советской ноте указывалось, что предложение Финляндии о соблюдении принципа взаимности при отводе войск неприемлемо для СССР, так как в этом случае части Красной Армии должны были быть оттянуты к пригородам Ленинграда, тогда как советские войска не угрожали ни одному жизненно важному центру Финляндии. Предложение о совместном расследовании майнильского инцидента осталось фактически без ответа. При его оценке Советское правительство продолжало исходить из того, что он был организован финляндской стороной и являлся, по существу, нарушением пакта о ненападении. В данной связи — и это стало кульминацией ноты от 28 ноября — Советское правительство заявило, что оно «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении...»³.

Вечером 29 ноября финляндский посланник в Москве Ирие-Коскинен был вызван в НКВД, где заместитель наркома В. П. Потемкин вручил ему новую ноту. В ней говорилось, что ввиду сложившегося положения, ответственность за которое полностью ложится на правительство Финляндии, «правительство (СССР. — А. Д.) пришло к выводу, что больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии и потому признало необходимым немедленно отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»⁴. Это означало разрыв дипломатических отношений между СССР и Финляндией. Таким образом, был сделан предпо-

¹ Правда. — 1939. — 27 ноября.

² Там же. — 29 ноября.

³ Там же.

⁴ Известия. — 1939. — 30 ноября.

следний шаг, отделяющий состояние мира от состояния войны.

Ранним утром следующего дня был сделан и последний шаг. Как говорилось в официальном сообщении, «по приказу Главного Командования Красной Армии, ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины, войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов»⁵. Началась война.

Итак, ультиматума не было? Казалось бы, на этот вопрос, зная хронологию событий, можно дать только один ответ: нет, не было. И все же это было бы ошибочно, и вот почему.

Вспомним о майнильском инциденте. С учетом установки Сталина на войну, данной на военном совете, и советским отказом совместно расследовать этот инцидент все выглядит логичным и ясным: пограничные войска НКВД создали предлог для обострения отношений между двумя странами и в конечном итоге для начала военных действий против Финляндии. Никаких документальных данных, свидетельствующих о том, что выстрелы прозвучали по советскую сторону границы, у историков пока нет. Однако в таких случаях древние советовали задаваться вопросом: «Кому выгодно?» Ясно, что не Финляндии.

С другой стороны, с момента инцидента до времени перехода советскими войсками финляндской границы прошло три с половиной дня. Был потерян фактор внезапности, столь важный при переходе в наступление. Ради чего?

Ответ на этот вопрос содержится в докладной записке Деревянского Молотову от 17 ноября 1939 г. В ней полпред рекомендует принять ряд мер для оказания дополнительного давления на финнов с целью все же склонить их на уступки. Полпред предложил создать обостренно-напряженную обстановку на границе, начать антифинляндскую кампанию в совет-

ской печати, организовать митинги и демонстрации трудящихся под соответствующими лозунгами, а в качестве последнего шага пойти на демонстрацию пакта о ненападении»⁶.

Не правда ли, последующие события были разыграны в точном соответствии с «партитурой» Деревянского? Они и сыграли роль советского ультиматума Финляндии. Это московское послание с артиллерийско-дипломатического языка на русский перевели газеты «Правда» и «Известия», которые писали в те дни, что «мы ответим тройным ударом на удар поджигателей войны»⁷.

Разглядел ли Хельсинки ультиматум в оболочке мероприятий, принятых советским руководством 26—29 ноября? Представляется, что сначала майнильский «намек» остался непонятым (в ноте финляндского правительства нет и слова о готовности к односторонним уступкам). И только 28 ноября после денонсации пакта о ненападении в Хельсинки стали понимать, что события заходят слишком далеко.

Поскольку мы знаем, что военные действия начались утром 30 ноября, можно предположить, что срок ответа на своеобразный советский ультиматум заканчивался вечером предыдущего дня. Действительно, как уже говорилось, вечером 29 ноября Ирие-Коскинен был вызван в НКВД для вручения ему ноты о разрыве дипломатических отношений с Финляндией. Это означало, что срок ответа на ультиматум истек. Надо заметить, что к этому времени ответ финляндского правительства был уже готов, его только не успели передать советскому руководству.

Драматический характер событий того вечера позволяет прочувствовать запись в дневнике заместителя наркома иностранных дел Потемкина, который пишет, что, прочитав советскую ноту о разрыве дипломатических отношений,

⁶ Архив внешней политики СССР. Ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 194, лл. 18—19.

⁷ Правда. — 1939. — 26—30 ноября; Известия. — 1939. — 1 декабря.

⁵ Правда. — 1939. — 1 декабря.

финляндский посланник заявил, что сегодня, 29 ноября, около четырех часов дня он получил ноту финляндского правительства, содержащую «уведомление о согласии на предложение СССР относительно отвода финских войск от линии границы». На вопрос Потемкина, почему нота не была передана, Ирие-Коскинен объяснил, что «одновременно с нотой им было получено из Хельсинки указание — подождать дополнительных инструкций, которые должны сегодня же быть присланы ему в виде шифрованной телеграммы». В. П. Потемкин далее записал в своем дневнике: «В этот момент был звонок из финляндской миссии, после разговора финляндский посланник сообщил, что обещанная шифртелеграмма уже прибыла и он дал указание немедленно ее расшифровать. Посланник спросил меня, не сочтем ли мы возможным сегодня же получить от него прибывшую ноту финляндского правительства? Я ответил, что, по моему мнению, врученная посланнику нота В. М. Молотова (о разрыве дипломатических отношений. — А. Д.) исчерпывает все вопросы, которые стояли между Советским правительством и нынешним правительством Финляндии»⁸.

В ноте, которую Ирие-Коскинен все же переслал в НКВД, указывалось, что правительство Финляндии не имеет враждебных намерений в отношении СССР и предлагает совместное расследование майнильского инцидента. Денонсацию пакта оно считает неправильной, противоречащей статье V пакта о мирном решении вопросов и протоколу 1934 года, согласно которому пакт не мог быть денонсирован до конца 1945 года. Вместе

с тем, учитывая озабоченность советской стороны безопасностью Ленинграда, финляндское правительство выражало готовность договориться об отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города»⁹.

Итак, если вернуться к вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи, следует ответить: да, был и ультиматум, и ответ на него (совершенно положительный, если иметь в виду, что единственным советским требованием в ноте от 26 ноября был отвод финляндских войск от границы). Почему же тогда на следующий день части Красной Армии перешли границу? Другими словами, почему не был принят ответ финляндского правительства? Формально — потому, что он был вручен после разрыва дипломатических отношений. Фактически — потому, что упорство финляндского правительства даже в одном этом относительно частном вопросе, далеко не главном во всем комплексе проблем, касавшихся безопасности советского северо-запада, решать которые все-таки пришлось бы, предвещало трудные и, возможно, вновь безрезультатные поиски мирного урегулирования противоречий. Этой перспективе противостояла другая, куда более близкая и понятная Сталину и Молотову, — быстрое военное решение проблемы. Тем более что, по их представлениям, военная операция в Финляндии обещала быть несложной и закончиться в две-три недели. Это был просчет.

А. Г. ДОНГАРОВ,
второй секретарь
Историко-дипломатического
управления МИД СССР

⁸ Архив внешней политики СССР, ф. 0135, оп. 22, п. 145, д. 4, лл. 18—19.

⁹ Там же, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 188, лл. 22—23.

ОБНАЖЕННЫЙ ФАШИЗМ

ВОТ УЖЕ несколько десятков лет минуло с той далекой поры, когда огрели последние залпы самой разрушительной в истории человечества войны. Все меньше остается в живых очевидцев былого, участников кровопролитных боев, других свидетелей «кромешного ада». Время сглаживает остроту трагических событий прошлого. И все громче раздаются легковесные суждения о войне, больше похожей, по представлению иных «обозревателей» на развлекательные приключения в кинобоевике, чем на трагедию человечества. Более того, кое-где молодежь примеряет коричневые рубашки с нарукавной свастикой. Другие на полном серьезе обсуждают вопрос: что лучше — сдаться в плен на милость цивилизованного победителя или стоять насмерть, защищая каждую пядь родной земли?

История никогда не прощает легковесности, угроза развязывания империализмом новой вооруженной агрессии вовсе не миновала. А всякий агрессор, пусть даже самый цивилизованный, во все времена стремится любым путем ослабить военную мощь противостоящей стороны, и прежде всего те ее силы, которые наи-

более способны к активному противодействию, причем не только на полях сражений. К примеру, с целью сломить и не дать возможность подняться всему, что способно на сопротивление, правящая верхушка гитлеровской Германии создавала разветвленную сеть концентрационных лагерей.

Почти по всей оккупированной Европе расплодился черный дым из труб фабрик смерти — предприятий по истреблению не разделявших политику фашизма людей, военнопленных и других лиц, представлявших хотя бы малейшую опасность гитлеровскому режиму, невзирая на их национальную принадлежность. В архивах сохранились материалы расследований зверств и злодеяний фашистских захватчиков, проводившихся военными прокуратурами 1-го Белорусского фронта и 1-й Польской армии в городе Люблине (Польша). Следственные документы без каких-либо комментариев позволяют представить всю «технологию» чудовищных преступлений против человечности, совершавшихся на одном из самых зловещих комбинатов смерти — в Майданеке. В протоколах беспристрастно зафиксирована обстановка в лагере, царившие там «порядки», масштабы зверского истребления людей, провинившихся лишь тем, что оказались в полной зависимости от «цивилизованного» агрессора. Этому прошлому никогда не будет забвения.

Итак, обратимся к документам.

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСОВ СВИДЕТЕЛЕЙ:

— **17 ИЮНЯ** 1943 года в числе шестисот инвалидов-военнопленных я прибыл в концлагерь г. Люблина. Лагерь был обнесен колючей проволокой, — это первая преграда. Затем зона, в которой были расположены бараки для заключенных, была огорожена в два ряда колючей проволокой, между которыми в наклонной плоскости колючая проволока была натянута на изоляторах. По этим проволокам и днем и ночью был пропущен электроток. Сторожевые вышки и будки были вокруг лагеря строго расположены на расстоянии 300 метров, на которых всегда находились солдаты войск СС с пулеметами.

Вся зона была разделена на пять полей. На поле № 2 были помещены пленные. Каждое поле составляли 22 барака вместимостью до 200 человек каждый. Посреди поля возвышался столб с красным фонарем, к которому была прикреплена перекладина с блоком, на котором я увидел уже в первый день моего пребывания повешенных за малейшую провинность, как-то: за не вовремя снятую шапку перед немецким солдатом, за проход не по указанной дорожке внутри лагеря.

АРОХОВ Михаил Петрович, белорус, уроженец Гомельской области

— **В** ПЛЕН я попал, получив ранение. В апреле 1943 г. я был отправлен из Смоленска в лагерь Люблин с первой партией военнопленных. Нас разместили во втором поле во 2-м и 3-м бараках. Вся власть в лагере была в руках эсэсовцев... 3 ноября рано утром мы проснулись от того, что по радио играли танго... Мы увидели, что по всем дорогам мимо наших барачных колонн, примерно по 500 человек в каждой, огромное количество евреев. Всех их вели по направлению к крематорию. Вскоре, несмотря на шум заглушающей музыки, стали слышны автоматные очереди и крики всей этой расстреливаемой массы людей. По общим сведениям, в лагере тогда было расстреляно не меньше 80 тысяч евреев.

АЛЕКСЕЕВ Виктор Моисеевич, русский, уроженец города Хабаровска

— **З** АКЛЮЧЕННЫХ поднимали в 4 часа утра. До 6, а иногда и до 7 часов независимо от времени года и погоды они должны были стоять на дворе в ожидании поверки, так называемого «апелья», при этом их все время муштровали, как снимать и надевать шапки, когда подойдет немец. На поверке должны быть все находившиеся в бараках, в том числе и больные и умершие, — здоровые стояли, больные и мертвые лежали рядом.

В ночь на 3 ноября 1943 г. лагерь был оцеплен усиленным караулом. Начиная с рассвета в лагерь из города стали пригонять толпы людей — мужчин, женщин, детей, которые направлялись в сторону крематория. Непосредственно за крематорием за два дня до этого были вырыты рвы. В бараке шестого поля люди раздевались донага, затем их голыми гнали к рвам, укладывали вниз лицом на дне рва, а стоявшие на насыпи эсэсовцы расстреливали их из автоматов. Поверх первого слоя трупов укладывали вторую партию живых людей, и их тоже расстреливали. И так укладывали и стреляли до тех пор, пока рвы не были заполнены трупами. Трупы затем были присыпаны землей. Через несколько дней эти трупы стали вынимать из рвов и постепенно сжигать в печах. В этот день, 3 ноября 1943 г., было расстреляно 18 000 человек — мужчин, женщин и детей, преимущественно евреев, были среди расстрелянных также и русские, поляки и лица других национальностей.

БАРТУЧЕВ Сурен Константинович, армянин, уроженец г. Шуши

— **К** АРТИНА поверки-«апелья» представлялась... так: перед барачным рядом 800 человек, возле них лежали 35 больных и около них 15 мертвых. Так было перед каждым барачным рядом. Когда сбор на поверку был уже готов, подходили немцы. Старший по блоку подавал команду «Смирно», «Шапки снять», подходил к немцу и рапортовал о состоянии своего барака. Дегенерат немец, в большинстве случаев пьяный, считал людей, причем бил кого попало ногой и ругался площадной бранью. Затем подходил к левому флангу и нередко палкой добивал больных, увеличивая таким образом количество мертвых. Бывали случаи, когда добитый немцем... больной после поверки приходил в себя, но тогда он не имел права на жизнь, потому что количество заключенных при проверке мертвых должно сходиться. Тогда таких добивал палкой старший по барачному ряду.

БУДЗИНЬ Тадеуш Владиславович, поляк, уроженец Познаньского воеводства

— **Я** НЕОДНОКРАТНО видел, как убивали людей за самые незначительные нарушения. Неоднократно я наблюдал и экзекуции: человека заставляли лечь, оголившись, на стул или скамью и били плетью, кожаной, переплетенной проволокой, или просто палкой, начиная от 25 ударов и больше. Я сам был подвергнут таким экзекуциям более 10 раз.

БЕНЕН Антон Генрихович, уроженец Голландии

— **П** ОСЛЕ прихода немцев в Люблин я дальше учиться не мог, т. к. немцы всю учащуюся молодежь ловили на улицах и вывозили на принудительные работы в Германию. Чтобы избежать этого, я скрывался в деревьях.

Проживая в деревне, я стал работать на лошадях хозяйки, у которой проживал, чтобы заработать себе и хозяйке на проживание, т. к. немцы забрали у нее землю под лагерь Майданек.

Первое, что я видел зимой 1941 г., — это привезенных русских военнопленных. Их не кормили, принуждали копать ямы, а по окончании этого привозили в

закрытых автомашинах к этим ямам. Автомашины ставились над самой ямой, а военнопленные выскикивали из машин прямо в ямы, и в этот момент немцы расстреливали их из пулемета прямо в яме. Того военнопленного, который не хотел прыгать в яму и хватался за автомобиль, немцы расстреливали на месте и труп сбрасывали в яму.

Спустя несколько дней опять привозили военнопленных и таким же способом уничтожали — пока яма не заполнялась до краев.

К протоколу добавлю, что я видел лично, как от матерей брали маленьких детей и на их глазах хватали за одну ножку рукой, а на другую ножку становились ногой и таким образом разрывали на две половины ребенка.

**БАРАН Эдвард Казимирович, поляк,
уроженец г. Люблина**

— **М**НЕ ПОМНИТСЯ еще один метод умерщвления людей, применяемый в лагере. Убиваемых сажали рядами по несколько сот человек на землю и заставляли наклонять головы к коленям. У Мусфельда (обершарфюрер СС) была специальная толстая деревянная палка, которой, проходя сзади ряда, он бил по затылку каждого сидящего, убивая его. Тут же убитые сжигались в печах. Среди убиваемых оставались лица, только оглушенные, — их сжигали вместе с мертвыми. Эту картину через проволоку наблюдали все заключенные, в том числе и я.

На моих глазах в пожарных бассейнах было утоплено много десятков людей. После их утопления им набрасывалась веревка на шею, и этой веревкой их тащили в последний барак, где складывали, а затем на подводах отвозили к печам для сжигания.

В июле и августе 1943 г. в лагере на глазах у всех военнопленных и заключенных вешали на виселицах очень часто людей группами по 20—30 человек, а затем на подводах отвозили сжигать.

ВОЛЬСКИЙ Ян Владиславович, поляк

— **Я** КАК ДЕЗИНФЕКТОР всего лагеря имел право все посещать и отвечал за санитарное состояние лагеря. Таким образом, я был свидетелем всех чинимых зверств в лагере.

Осенью 1943 г. построен и начал функционировать новый крематорий, который именовался заключенными как «завод смерти». До существования вообще крематориев функционировала «душегубка», размещенная в маленьком бараке. В этой душегубке уничтожали путем повешения больных и не годных к работе и евреев — в том случае, если число не превышало трех человек, в противном случае увозили в лес и расстреливали.

В крематориях, как в первом, так и втором, уничтожали заключенных путем сжигания и удушения газами. В первом крематории уничтожали путем нанесения удара палкой по затылку неожиданно сзади и путем расстрела, а во втором крематории расстреливали сначала во рву, а потом сжигали в печах.

БАРГЕЛЬСКИЙ Георгий Фабьянович, поляк

— **Ж**ЕНЩИНЫ терпели не меньше мужчин. Я был свидетелем, когда оберлагерзеркер, или комендант женского отдела, во время поверки кричала «раис» и, выбрав девушку здоровую, молодую и красивую, со всей силой ударила ее «пайчем» — так называлась плеть (кусок электрического провода с изоляцией) — прямо по грудям, в самые соски, зная все чуткие места, так, что та, бедная, перевернулась. Затем сразу же она ударила еще раз лежавшую без чувств девушку между ногами. Когда девушку поднялась на четвереньки, то еще раз ударила ее носком сапога в заднюю часть. Через полчаса я подошел к этому месту и увидел лужу крови, а девушка пошла со всеми, еле дыша. Через два или три месяца я увидел эту оберлагерзеркерку, награжденную орденом железного креста. Говорили, что она получила его за ревностную службу.

**ДЕНИСОВ Петр Михайлович, русский,
житель г. Люблина**

— **П**РИМЕРНО 10 января 1944 г. мне было поручено составить списки заключенных моего барака. В это время крематорий обслуживали заключенные этого барака. Придя в крематорий, я начал составлять список obsługi. В это время туда привезли группу в 9—10 человек, и среди них была одна женщина. Всех этих людей заставили раздеться донага. При виде этой сцены мне велели спрятаться, и я скрыл-

ся между дровами и углем, продолжая наблюдать, что будет дальше. Женщина сопротивлялась, не давала себя раздеть. Тогда ей связали руки и ноги, и Мусфельд погложил ее на железные носилки, а затем вдвинули их в печь. Я только услышал сдавленный крик, и дверь печи захлопнулась. Мужчины тут же были застрелены собственноручно Мусфельдом и тут же сожжены.

В июле месяце 1943 г. в газовых камерах было удушено 157 детей. Я лично видел, как к газокамере подъехал трактор с большим прицепом, и обслуга из заключенных вытаскивала из газокамеры детские трупы и бросала их в кузов. Весь процесс уничтожения и вывозки трупов продолжался с 9 до 10 утра. Насколько я мог определить по виду трупов, дети были в возрасте до 10 лет. Тогда же вместе с детьми в газовых камерах были задушены русские военнопленные, составлявшие обслугу бани в количестве 32 человек.

**ШТАЛЬП ГАЙНЦ Карл, немец,
старший барака заключенных**

— **Я** БЫЛ заместителем начальника вещевого склада лагеря. Одежда и обувь истребленных заключенных здесь сортировалась и все, что было лучшего, отправлялось в Германию. Я лично только в этом, 1944 году отправил в Германию свыше 18 вагонов одежды и обуви. То, что я отправил, — это только часть отправленного. Все отправлялось по адресу: «Плетцензее — Берлин, Штраф-анштальт»,

ФОГЕЛЬ Герман, немец, роттенфюрер СС

— **М**НЕ ЛИЧНО известно, что деньги и ценности, которые отбирались у заключенных, отправлялись в Берлин. Золото, изъятое у заключенных, отправлялось в Берлин по весу. Все это, по существу, награбленное добро составляло статью дохода немецкого государства. Денег, золота и ценностей было отправлено в Берлин очень много. Мне все это известно потому, что я работал в лагере по линии финансово-ревизионной.

ТЕРНЕС Антон Николаус, оберштурмбанфюрер СС

— **Н**ЕМЦЫ всякими мерами добивались того, чтобы их преступная деятельность по уничтожению многих десятков и сотен тысяч людей была сохранена в тайне. С этой целью как заключенные, так и военнопленные по фамилиям в лагере не значились, а значились по присвоенным им номерам. В частности, мой номер был 3584. ...В связи с тем, что убийства в лагере производились не единицами, а десятками и сотнями тысяч, знать и помнить фамилии умерщвленных было очень трудно.

СТАНИСЛАВСКИЙ Андрей Леонидович, поляк

— **П**ЕПЕЛ от пережженных трупов просеивался через сито, причем выбирали неперегоревшие пуговицы, пряжки металлические и т. п. и кости. Пепел после этого сыпался обратно в очищенную яму вперемешку с землей, песком и известью. Оставшиеся неперегоревшими кости перемалывались в мелкую муку на специальной мельнице.

За время нашей работы к нам неоднократно приезжала машина-душегубка и привозила свежие трупы. По внешнему устройству это была грузовая автомашинa со сплошным металлическим кузовом и металлическим же полом с герметически закрывающейся дверью. От мотора под кузовом шел шланг, соединяющий мотор с полом кузова. Отверстия в полу были в большом количестве и мелкие, как решето. Я обратил внимание на то, что всегда умерщвленные в этой душегубке люди были, сбившись в моторной части кузова.

СТЕРДИНЕР Иосиф Литманович, еврей

ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ КРЕМАТОРИЯ:

«НА ЮЖНОЙ стороне лагеря, в 30 метрах от общелагерных проволочных заграждений, на пустыре среди старых каменоломен и частично полей лагеря расположен крематорий с его подсобными агрегатами. Центральной частью указанных сооружений являются печи для сжигания трупов с высоко возвышающейся четырехугольной кирпичной трубой из красного кирпича. Всех печей пять.

Все печи имеют одинаковый размер, а именно: кубатура печи равна 1 метру. Все печи объединены системой дымоходов. С лицевой стороны каждая печь закрывается двойной двустворчатой чугунной дверью.

На передней площадке перед печами лежат 12 обгоревших трупов, расположенных в один ряд головами к печам. На многих трупах хорошо сохранились остатки отдельных мышц, как на туловище, так и на конечностях. Нижние конечности у всех трупов на уровне средней трети бедер отрублены. Череп у всех трупов раздроблены и обожжены. По форме таза, в некоторых случаях по хорошо сохранившимся половым органам можно судить, что среди 12 вышеописанных трупов 7 мужчин и 5 женщин.

Во всех печах и в подколенных пространствах обнаружено всего 4,5 куб. метра золы и пережженных человеческих костей».

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ОГОРОДОВ ЛАГЕРЯ. 23 АВГУСТА 1944 ГОДА:

«ВОКРУГ строений лагеря расположены огороды на площади до 120 гектаров. Имеются большие поля гороха, кормовых трав, фасоли, много отдельных полей капусты разных сортов и сроков посадки.

Участки огородных культур в несколько запущенном состоянии. На полях капусты, расположенных на юго-западе и западе от крематория и охватывающих до 50—60 гектаров, обнаружено огромное количество мелких пережженных костей человека, причем некоторые участки земли пестрят костными обломками, содержащимися здесь в большом количестве. Среди пережженных костей обнаружены части позвонков, бедренных костей, нижних челюстей, затылочных костей».

ИЗ ПРОТОКОЛА № 2 ОТ 19 АВГУСТА 1944 г. СОВЕЩАНИЯ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ (ПРИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗЛОДЕЯНИЙ):

«ПРИ КРЕМАТОРИИ найдено большое количество урн, предназначенных для продажи семьям, члены которых были убиты. После ареста и убийства семья осужденного получала извещение, что может купить урну с прахом своего близкого. Цена урны была разная — от 500 до 3000 злотых в зависимости от соглашения. Эти урны продавали немцы не только для наживы, а хотели каким-то способом легализовать существование крематория для сжигания трупов».

ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССЛЕДОВАНИЯ:

«ТЕХНИЧЕСКАЯ экспертиза установила, что на территории лагеря были построены две печи для сжигания трупов и крематорий из пяти сжигательных печей. Только печи одного крематория могли сжигать в сутки 1920 трупов, а всего было сожжено в нем до 600 тысяч трупов. Кроме того, трупы сжигались на кострах, которые горели непрерывно...

Немцы утилизировали не только пепел от сжигаемых трупов для удобрения полей, не только урны с пеплом для наживы, не только обувь и одежду с замученных ими жертв — они обязательно вырывали у трупов золотые и металлические зубы. В лагере существовало такое правило, что ни один труп не отправлялся в сжигательную печь, если на груди его не было специального штампа о том, что он проверен зубным врачом, т. е. что у него вырваны золотые и металлические зубы...

С учетом данных, обнаруженных в результате раскопок человеческих костей и пепла, с учетом работы сжигательных печей и всей организации умерщвления людей в лагере, с учетом одежды и обуви убитых, частично оставленных немцами на территории лагеря, следует прийти к выводу о том, что в люблинском концентрационном лагере Майданек было истреблено до двух миллионов людей, среди которых значительное количество советских военнопленных, граждан оккупированных стран Европы — мужчин, женщин и детей.

Основным виновником этих чудовищных зверств является гитлеровское правительство и его ставленники из СС и СД на территории Люблинского воеводства.

Уголовное дело представлено в Чрезвычайную Государственную комиссию по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Собранные материалы признаны доказательствами вины главных военных преступников гитлеровской Германии на Нюрнбергском процессе».

*Публикацию подготовил полковник юстиции В. А. БОБРЕНЕВ,
кандидат юридических наук*

Как Троцкий и К⁰

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ Т. ТРОЦКОМУ ЗАПИСКА О ФЛОТЕ*

С момента первого политического переворота — Февральской революции — и до настоящих дней, как бы доблестны и значительны ни были отдельные эпизоды на водных и морских фронтах в период гражданской войны, флот неизменно продолжал катиться вниз.

Синтез чрезвычайных бедствий и упадка, постигших морскую силу России, заключается главным образом в том положении, что поток идей и чувств, увлекший лучшую часть пролетариата с начала революции, естественно, захватил собой моряков, причем дальнейшее движение этого потока ни короткими и слабыми деяниями правительства, ни наиболее сознательной частью моряков не было направлено в русло, безопасное для здоровой жизни флота и обеспечивающее сохранение морской мощи Республики в полной мере. Идеи порядка и дисциплины тонули в революционной фразеологии, а дух неповиновения, возникший и подогретый по вполне понятным причинам в начале революции, не был окончательно потушен на протяжении всей гражданской войны решительными и твердыми мероприятиями, к коим надлежало отнести:

- а) издание Морских уставов;
- б) фильтрацию командного состава и оставление на службе только тех кадров, преданность коих новому порядку не была подозрительна;
- в) фильтрацию комиссаров;
- г) беспощадное искоренение демагогии в отношении оставшегося комсостава и создание ему незыблемого положения;
- д) подготовку новых кадров личного состава, долженствовавших сменить непосредственных участников государственного переворота.

1. Ссылкой на эту общую причину не следует ограничиваться при рассмотрении сложного процесса разложения флота. В период до окончания гражданской войны с начала революции исключительную роль, кроме того, сыграли:

1) Отсутствие единого и согласованного для всех флотов плана политической работы благодаря недостаточному вниманию к флоту со стороны центральных политических органов.

2) Отсутствие твердой и определенной

морской политики, хотя бы в отношении колыбели флота — Балтийского моря, на основах политической и стратегической оценки Балтийского театра; Балтийский флот надлежало рассматривать как базис для последующего устройства флотов Республики.

3) Отсутствие стройной и однообразной системы управления флотами и флотилиями, носившего случайный и эпизодический характер как в отношении расходования материальных средств, судостроительно-ремонтных программ, так и в отношении службы.

4) Указания на то, что центральное внимание было сосредоточено на фронтовой работе и общегосударственном строительстве в исключительно суровых условиях борьбы, могут быть признаны смягчающими, ибо, во-первых, флот являлся немаловажной государственной военной артерией, а [во-вторых]... для этого необходимо было лишь своевременно создать мощный, высокоавторитетный морской политический центр, долженствовавший возглавить и объединить морское ведомство, дать ему устойчивые формы существования во всех отношениях.

II. В период после гражданской войны поименованные причины усугубились нижеследующими:

1) Отсутствием закона о флоте как стимула определенной морской политики Республики на морях.

2) Продолжавшейся инертностью в отношении флота центральных политических органов.

3) Переложением виновности в той или иной форме с подлинных возбудителей Кронштадтских событий и активных участников на весь личный состав флотов, допущением взрыва дешевой демагогии в отношении всех моряков, в результате коего — подавленное моральное состояние личного состава в целом.

4) Уложением сроков фильтрации военных моряков в несоразмерно краткие промежутки, отсюда — недостаточная тщательность в выполнении ее.

5) Расформированием Морского комиссариата и подчинением флота армии во всех отношениях, глубоко противоречащим военно-морскому историческому опыту и абсолютно не оправдываемым экономическими соображениями.

6) Определением судебного состава флотов не на основах той или иной морской политики Республики на морях, а исходя из расчета пайков. Это решение задачи

* Стиль документа сохраняется.

разваливали флот

от обратного при постоянных колебаниях в сторону сокращения количества отпускаемых флоту пайков в то же время при сокращении оперативных задач, с одной стороны, явно обрекало эти последние на преднамеренную невыполнимость, а с другой — заставляло военный флот отказываться от целого ряда вспомогательных органов, неразрывно связанных с его боевой подготовкой.

7) Перенесением Морского штаба Республики из центра на периферию, оторвавшим его от государственного центра, усложнившим разрешение вопросов, находящихся в зависимости от главков и центров, и, наконец, сделавшим чрезвычайно затруднительным управление отдельными флотами.

8) Невключением портовых мастерских и заводов, занятых ремонтом судов, морской артиллерии, изготовлением артиллерийского снаряжения и боеприпасов, мин заграждения, мин Уайтхеда, в сеть государственных предприятий. Этим... наносился удар... главнейшим подсобникам боевой подготовки флота, ибо вследствие исключительно тяжелого материального положения ценнейшие по своей специальной квалификации мастерские расходились в учреждения, более обеспечивающие их положение.

9) Переложением виновности в государственных преступлениях отдельных лиц командного состава на всю корпорацию остатков бывшего кадрового офицерства, в большинстве своем 4-летней службой доказавшего полную лояльность Советской власти и в меньшинстве — глубокую верность пролетарской идеологии и Республике; в результате — очередное падение авторитета командного состава, уничтожение веры в возможность в подобных условиях созидательной работы и глубочайший упадок энергии как среди лиц, подвергшихся незаслуженным репрессиям, так и тех, кому в силу случайных обстоятельств удалось избежать их.

10) До мифической абсурдности полной материальной необеспеченностью командного состава и старых моряков (сверхсрочнослужащих).

11) Несогласованностью демобилизации военных моряков с необходимостью сохранения определенной морской силы на морях.

ВЫВОДЫ: таким образом, путем краткого исследования этих общих причин, приведших флот к теперешнему его состоянию, на основании личных наблюдений деятельности современного Морского цен-

тра и знакомства с положением дел в Балтийском, Черноморском и Каспийском флотах [я] пришел к заключению, что флот Республики находится под несомненной угрозой окончательной гибели, ибо:

1) Все решения, принятые в отношении флота после окончания гражданской войны, главным образом исходили из рассмотрения ненормальности его состояния, **А НЕ ИЗ ПРИЧИН, ВЫЗВАВШИХ ЭТУ НЕНОРМАЛЬНОСТЬ.**

2) Полное подчинение флота армии являлось величайшей государственной ошибкой с точки зрения научно-академической [жесткие исторические примеры Франции, Германии, России] и с точки зрения практической, принимая во внимание, что при настоящем положении флот получает не тот минимум, без коего он не может существовать, а то, что остается от армии, — в части личного состава, материального, денежного и другого снабжения.

3) Крупнейшие перебои или, просто говоря, «мертвый промежуток» в снабжении флота и, как следствие, разрушение ряда жизненных артерий флота [расформирование мастерских, заводов с прилегающей отсюда безвозвратной потерей для флота ценнейших квалификаций мастеровых] в самом недалеком будущем приведут к передаче на хранение в порты ныне действующих жалких остатков судов флота, к умиранию его вспомогательных органов... а оборону лишат ее средств.

Совершенно отчетливо сознавая, во-первых, что в современных условиях экономического положения страны **НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКОГО ОБОЛЩЕНИЯ НАСЧЕТ ВОЗМОЖНОГО РАСШИРЕНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ФЛОТА**, во-вторых, что флот пока должен стоять перед **ОСНОВНОЙ ЗАДАЧЕЙ СОХРАНЕНИЯ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОГО, НО КРЕПКОГО ДУХОМ И ЗНАНИЯМИ ЯДРА**, утверждаю, что единственным средством для спасения этого ядра и для создания условий, при коих не исключается возможность создания в более благоприятных обстоятельствах нового во всех отношениях флота, является:

первое: немедленное и полное изъятие из подчинения армии флота [оставляя оперативное подчинение на местах];

второе: создание мощного высокоавторитетного военно-морского [политического] центра, облеченного величайшим доверием правительства, с перенесением его в общегосударственный центр;

третье: сосредоточение внимания этого центра на создании новых кадров личного состава, на коем исключительно имеет ре-

альный смысл строить расчеты на грядущее возрождение флота, и кардинальное искоренение всех ошибок, допущенных в отношении флота до последних дней, вложенных в основу краткого анализа современного положения на страницах настоящей записки.

Начальник Морских сил Черного моря и помощник командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма
военный моряк Э. С. ПАНЦЕРЖАНСКИЙ
18 ноября 1921 г.»

РЕЗОЛЮЦИЯ: «Прошу всех членов РВСР ознакомиться с запиской и вернуть мне ее с краткими замечаниями.

Л. ТРОЦКИЙ 21.XI.1921»¹

В РЕАКЦИИ Троцкого на этот обстоятельный и обличительный документ, конечно, не просто уловить гнев и угрозу. Но они были. Ведь обличили в первую очередь его, разваливавшего совместно с «компанией» флот Республики. А критику в свой адрес Троцкий не терпел, не говоря об обличениях. Волей непонятого случая взлетев на вершину военного руководства,

¹ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 150, лл. 16—19. Подлинник. Автограф.

² Вопрос о необходимости принятия высшими государственными органами конкретных решений о судьбе и перспективах развития флота рассматривался на состоявшемся 1 января 1921 г. совещании руководящего состава и представителей партийных организаций РККФ. В принятом постановлении признавалось «необходимым теперь же определить политику по морскому вопросу и реально приступить к воссозданию Красног флота на морях Республики».

Попыткой создания подобного закона явилась разработка проекта «Декрета о воссоздании морской силы РСФСР», представленного командующим Морскими силами Республики А. В. Немитцем 15 февраля 1921 г. на рассмотрение РВСР. Проект представлял собой программу капитально-восстановительного ремонта, достройки кораблей и нового военного судостроения до 1926 г., а также объяснительную записку с обоснованием направлений возрождения и дальнейшего строительства флота. В качестве основной силы флота рассматривались линкоры и крейсера, но одновременно большое внимание уделялось постройке легких надводных кораблей, подводных лодок и боевых катеров. В итоге на Балтийском, Черноморском, Северном и Каспийском театрах предполагалось иметь 6 линкоров, 9 переоборудованных из старых линкоров плавбатарей, 4 легких и 3 учебных крейсера, 65 эсминцев, 56 подводных лодок, 16 канонерских лодок, 32 сторожевых судна, 6 минных заградителей, 140 тральщиков, 20 вооруженных десантных судов типа «Эллипсифор», 90 торпедных катеров, 45 сторожевых катеров-истребителей, 8 бронекатеров, 30 вооруженных дозорных катеров, до 190 вспомогательных судов различного назначения, а в составе морской авиации — 40 авиаотрядов из 250 самолетов различного

он своей неукротимой амбицией и воинствующей некомпетентностью, по сути дела, лишал флот его самостоятельности и боеспособности. Политический фразер и интриган, он никогда никого не слушал, кроме самого себя. В каждом замечании в свой адрес видел подрыв не просто его собственного авторитета, но покушение на Советскую власть. Вот и этот документ вначале вызвал в нем бурю негодования. Вместо того чтобы внимательно ознакомиться со справедливыми критическими замечаниями, дельными предложениями, Троцкий призывает свое окружение, совместно с которым разваливал флот, к «революционной мести». «Иудушкина натура», репрессивный зуд и политическая фраза и на этот раз заменили необходимость принятия неотложных конкретных мер. А ведь флот нуждался именно в практических неотложных мерах, причем задолго до предъявленной Троцкому «Записки»².

типа. Состав сил флота на Дальнем Востоке ставился в зависимость от военно-политической обстановки в этом регионе. Отмечалось, что с учетом исторического опыта всемерное укрепление флота является одним из важнейших направлений обеспечения обороноспособности Советского государства, вновь указывалось на необходимость определения «морской политики Республики» и перспективы военно-морского строительства. На ближайшее время перед РККФ ставились задачи обороны морских границ, обеспечения внешнеэкономических связей, содействия войскам на приморских направлениях. В документе содержались военно-политическая, экономическая, географическая характеристика морских театров и конкретные задачи флота на каждом из них, выделялось значение для страны северного и дальневосточного регионов (ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 314, лл. 19—52).

В целом проект был ориентирован на создание сильного флота, гармонично сочетающего различные рода сил, классы и типы кораблей. В то же время разработчики документа придерживались убеждения, что завоевание господства на море является обязательным условием при решении стратегических задач, а тяжелые артиллерийские корабли — главная сила флота. Троцкий и К^о «законсервировали» этот проект. Ради объективности следует признать, что он не был согласован с реальными экономическими возможностями страны. И все же не это послужило главной причиной для его неприятия. При всех недостатках проект мог стать основой для выработки перспективных планов строительства флота. Но рассмотрение Троцким представленного ему документа — проекта «Декрета о воссоздании морской силы РСФСР» — совпало по времени с кронштадтскими событиями, негативные морально-политические последствия которых послужили поводом для принятия мер другого порядка. Возникшее недоверие к флоту, нежелание многих руководителей Рев-

Опыт гражданской войны убедительно подтвердил значение морских театров и существенную роль флота в обеспечении интересов государства. Вместе с тем силы флота большей частью использовались ввиду континентального характера войны для поддержки сухопутных войск, обеспечения их боевых действий. Иные руководители и военачальники, в первую очередь Троцкий, злоупотребляли этой односторонней «нацеленностью» на возможности флота, растаскивали, что называется, его по частям. Так, личный состав многих кораблей не всегда оправданно списывался на берег для пополнения сухопутных подразделений, а сами корабли разоружались и демонтировались. Это тоже ослабляло флот и являлось своеобразной корректировкой потерь, которые он понес в ходе гражданской войны и иностранной интервенции. РККФ лишился свыше 700 кораблей и судов³, утратил ряд военно-морских баз и судостроительно-ремонтных предприятий, а число орудий береговой обороны сократилось почти вдвое. Троцкому и К⁰ состояние флота, в котором он оказался не без их помощи, было на руку. Они еще с большей активностью стали формировать в военных кругах извращенное мнение о морской силе, как о второстепенном элементе системы обороны Советского государства. Кронштадтский мятеж в марте 1921 года вызвал и необоснованное политическое недоверие к морякам.

Негативное отношение к флоту, нежелание считаться с боевым историческим опытом, исходившие в первую очередь от эксцентричного и взбалмошного «главного советского военспеца», а точнее руководителя военного ведомства Л. Д. Троцкого, поддерживаемое его подпевалами, сыграло роковую роль в торможении, а то и провале выполнения поставленной X съездом РКП(б) задачи «принять меры к возрождению и укреплению Красного военного Флота»⁴. Межведомственная ко-

военсовета (прежде всего Л. Д. Троцкого) и ряда других заинтересованных ведомств за проблемами текущего времени видеть перспективу послужили причиной отклонения проекта и отказа от его последующей переработки с учетом экономических возможностей государства.

³ Подсчитано по книге: Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-Морского Флота (1917—1927): Справочник. — М.: Воениздат, 1981.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд. — Т. 2. — М.: Политиздат, 1983. — С. 378.

миссия по реорганизации флота во главе с начальником политуправления (ПУР) РВСР С. И. Гусевым, работу которой курировал непосредственно председатель РВСР Л. Д. Троцкий, в основу деятельности положила поиски путей сокращения боевого и личного состава, ограничения функций и прав военно-морского командования. Большинство членов комиссии и взаимодействовавших с ней представителей ряда ведомств, ссылаясь на примеры решения основных задач вооруженной борьбы в гражданской войне на сухопутных направлениях, тяжелое экономическое положение и «политическую неблагонадежность» моряков в связи с кронштадтскими событиями⁵, явно недооценивали значение флота, С подачи Троцкого или при его поддержке выдвигались нелепые, безответственные предложения о полном упразднении самостоятельных военно-морских органов, создании управления береговой обороны в центре и морских отделов в штабах приморских военных округов. 4 мая 1921 года приказом РВСР № 965/166 береговая оборона была передана в состав Красной Армии, что повлекло за собой разъединение взаимосвязанных элементов защиты морских рубежей — флота и береговой артиллерии, усложнение решения задач вооруженной борьбы на море. Осуществленный в это же время перевод центральных учреждений РККФ из Москвы в Петроград нарушил тесные связи с другими государственными органами и затруднил организацию управления морскими силами.

20 августа заседание РВСР под председательством Троцкого утвердило основные предложения межведомственной комиссии. Перед флотом ставились ограниченные задачи обороны прибрежной зоны и

⁵ Филтрация (политическая и профессиональная проверка всего личного состава РККФ) осуществлялась на основании приказа комиссара при Командующем Морскими силами Республики И. Д. Сладкова от 27 апреля 1921 г. и завершилась к концу июня. Нельзя отрицать того, что эта крайняя мера позволила очистить флот от случайных, профессионально неподготовленных и прямо враждебных Советской власти элементов, качественно укрепить личный состав. В частности, к 1 августа коммунисты на Балтике составляли 12,3 проц., на Севере — 6,9 проц., на Каспии — 27,3 проц. (ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, д. 32, лл. 161—165; ф. 10, оп. 3, д. 246, л. 9; д. 250, лл. 13—14 и др.). Вместе с тем патологическая подозрительность и страсть Троцкого и его приспешников к крайним мерам лишили флот многих высокопрофессиональных моряков, честных, бескорыстных, преданных Красному Флоту и народу.

побережья, а также обеспечения безопасности мореплавания. Значительно сократились корабельный и личный состав, тыловые учреждения, лимиты топлива, материальных средств и продовольственных пайков. Полной реорганизации подверглась система управления. Взамен упраздненных органов оперативного руководства и материально-технического обеспечения создавался единый Морской штаб Республики со строго ограниченными функциями и полным подчинением Главнокомандующему Вооруженными Силами Республики через помощника по морским делам (Помглавкомора), ликвидировалась должность Командующего Морскими силами Республики. В ведение Главного управления военно-учебных заведений Красной Армии передавались все морские училища, курсы и школы. Принятая сокращенная судостроительная программа предусматривала в течение пяти лет достройку и ремонт ограниченного числа легких кораблей и подводных лодок, а также переоборудование линкоров в плавбатарей⁶. Таким образом, Троцкий и К⁴ предрекали полуразваленному флоту окончательную гибель.

Многое в постановлении, принятом вопреки доводам флотских специалистов, вызвало отрицательную реакцию у последних. Фактическая ликвидация самостоятельного командования нарушала всю систему жизнеобеспечения флота, ставила его в полную зависимость от армейского руководства, исторически обусловленное континентальным характером мировой и гражданской войн оперативное подчинение сменилось мелочной опекой и остаточным принципом в снабжении и кадровом пополнении.

Именно об этом и говорилось в приведенной выше «Записке о флоте», обнаруженной в фондах Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА). Ее автор Э. С. Панцержанский — высокообразованный офицер российского флота, активный участник 1-й мировой войны на Балтийском море, безоговорочно принявший резолюцию и на всех порученных постах доказавший преданность Советской власти. Под его командованием Онежская озерно-речная флотилия внесла значительный вклад в защиту Петрограда с северного направления, успешно провела ряд операций в тесном взаимодействии с войсками. Назначенный в ноябре 1920

года начальником морских сил Черного моря (МСЧМ), он за короткий срок создал достаточно эффективную систему защиты прибрежной зоны, используя немногочисленные малые корабли, катерные силы, средства минной обороны и береговой артиллерии.

В середине ноября 1921 года Панцержанский с группой ближайших помощников прибыл в Москву для разрешения вопросов, возникших в ходе реализации постановления РВСР. В спорах со сторонниками создания плавбатарей в ущерб достройке достаточного числа легких кораблей и подводных лодок он предупреждал, что этот путь якобы быстрого укрепления флота не имеет глубокого тактического и технического обоснования, а при нехватке средств и слабости производственной базы ведет к срыву всей судостроительной программы⁷. «Записка о флоте» явилась результатом серьезного осмысления сложности создавшегося положения, базировалась на глубоких теоретических разработках и богатом военном опыте, отразила мнение многих военно-морских специалистов и политработников. Резолюция Троцкого на столь серьезном документе без каких-либо иных пометок и замечаний свидетельствовала о нежелании руководителя военного ведомства глубоко вникать в вопросы строительства флота и отсутствия у него твердых взглядов на их решение. Такая его позиция подтолкнула к бойкоту предложений, высказанных в «Записке», и других членов РВСР⁸, некоторые из них продолжали упорно отстаивать линию на сокращение флота и ограничение его самостоятельности.

Есть все основания предполагать, что о «Записке» знал и В. И. Ленин. Ведь содержание этого документа составило основу доклада «О морском ведомстве», представленного в ЦК РКП(б) 20 ноября назначенным накануне комиссаром при Помглавкоморе В. И. Зофом, членом РВС МСЧМ А. В. Барановым и главным командиром военных портов Черного и Азовского морей Н. Ф. Измайловым. На следующий день состоялась их беседа с Владимиром Ильичем, проявившим глубокий интерес к флотским вопросам. Эта встреча, несомненно, повлияла на назначение

⁷ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 2035, лл. 50, 52—53, 68—70, 97.

⁸ «Записка о флоте» 22 ноября 1921 г. была направлена для ознакомления заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому и членам РВСР: главнокомандующему С. С. Каменеву, начальнику ПУР С. И. Гусеву, комиссару Штаба РККА С. С. Данилову.

⁶ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 140, лл. 37, 39—53; ЦГА ВМФ, ф. р-5, оп. 3, д. 29, лл. 13—15.

Э. С. Панцержанского (приказ РВСР № 317 от 22 ноября 1921 г.) на должность Помглавкомора⁹. Доклад «О морском ведомстве» 24 ноября был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б), подтвердившем неизменность линии партии на возрождение флота и принявшем конкретные решения по реализации целого ряда высказанных в «Записке» предложений¹⁰.

Но как отреагировали на «Записку о флоте» сторонники «главного военспеца» Троцкого? Об этом сообщают следующие документы:

«Тов. Троцкому.

Первое предложение сводится к отделению Моркома от РВСР и изъятию его из подчинения Главкому. Считаю [это] неправильным. Дело не в зависимости Моркома от РВСР, а в незначительности ресурсов, которые даются флоту, в первую очередь в топливе. Второе предложение выполнено, если автор не имеет в виду назначение нового Наркома. В Морской центр назначены т. Панцержанский и т. Зоф. Авторитет они должны заслужить делами. РВСР им, конечно, поможет. Перевести центр в Москву поручено т. Пимблеру.

⁹ В последующем Эдуард Самуилович Панцержанский занимал должность начальника Морских сил СССР, начальника морских сил Черного моря, плодотворно трудился в Центральном аппарате ВМФ. Флагман 1 ранга. В июне 1937 г. арестован по ложному обвинению и в сентябре расстрелян в возрасте пятидесяти лет. Реабилитирован посмертно в июле 1956 г.

¹⁰ ЦГА ВМФ СССР, ф. р-1, оп. 4, д. 38, лл. 5, 21; ф. р-5, оп. 3, д. 89, лл. 62—63.

С первой частью третьего предложения вполне согласен. т. Панцержанский должен сократить морские тылы, чтобы флот улеся в пайковые нормы и мог бы получить немедленно после этого новобранцев. По второй части т. Панцержанскому представить конкретные предложения.

Э. СКЛЯНСКИЙ¹¹ 28 ноября 1921 г.»¹²

«Коренным образом расхожусь с настоящим проектом. Являюсь сторонником создания Главного управления береговой обороны [ГУБО. — Авт.]. Крупные суда ликвидировать, миноносцы и подлодки с присоединением к ним сильно гидроавиации непрерывно развивать. Гл[авное] управление берег[овой] обороны подчинить РВСР и командованию на тех же основаниях, что и Гл[авное] управл[ение] Возд[ушного] флота. Во главе ГУБО поставить видного коммуниста.

С. ГУСЕВ¹³»¹⁴.

СОДЕРЖАНИЕ этих документов красноречиво говорит о том, какими «мерами» Троцкий и К^о, разваливая флот, пытались «укрепить» его: первый — революционными фразами и репрессиями, остальные — урезанием пайков и ликвидацией кораблей.

Публикацию подготовил старший мичман Н. Ю. БЕРЕЗОВСКИЙ, кандидат исторических наук

¹¹ Эфраим Маркович Склянский — заместитель Л. Д. Троцкого.

¹² ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 150, л. 14.

¹³ С. И. Гусев (Яков Давидович Драбкин) — начальник политуправления и член РВСР.

¹⁴ ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 150, л. 30.

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Прочитал ответ редакции «Огонек» (№ 50, 1989 г.) на открытое письмо С. Ф. Ахромеева и пришел в ужас! Сдержанное, убедительное, патристическое письмо нашего маршала и — гнусный, фарисейский ответ на него редакции «Огонька».

Не буду голословным. Приведу фрагмент из ответа редакции, который особенно поразил меня и выдал редакцию, как говорится, с ног до головы. Казалось бы, мелочь, этот фрагмент можно пропустить, но проговариваются на мело-

чах (в крупном легко притвориться).

Итак, цитирую фрагмент из ответа редакции: «...не скажете ли Вы, какие страны выкашивают план завоевания Советского Союза? Кто спешит вторгнуться в страну с очень неупорядоченной инфраструктурой, с чрезвычайно озлобленным населением, готовым начать партизанскую войну еще до вторжения противника (против кого? — В. Д.) на территорию СССР?»

Сколько же здесь зла, наигранного лукавства и ветхозаветной вонь! Такое чувство, будто над маршалом Ахромеевым ведется следствие и над ним поизуитски издевается враг.

Какой ненавистью прониклась редакция «Огонька» к нашей армии! И зачем это еще существует

парламентская группа Советской Армии? И не произойдет ли военный переворот, чтобы свергнуть социализм? И вот ведь неправду говорит С. Ф. Ахромеев: не пятнадцать, а четырнадцать авианосными соединениями располагают США, а до середины 90-х годов их останется всего 12 — по заявлению газеты «Вашингтон пост» со ссылкой на представителя Пентагона.

Какие упреки и какое разоблачительство! Подумать только, представитель Пентагона! Да это сама правда и совесть (что там Ахромеев!) — вот ведь какими зачарованными глазами смотрит В. Коротич на заморского дядю Сэма!

В. Н. ДЮЖИКОВ
(г. Москва)

ПОЛЯКОВА Мария Иосифовна родилась 27 марта 1908 г. в Ленинграде в семье рабочего. В 1921—1924 гг. проживала с родителями в Германии и Англии. После переезда на Родину была принята в ряды ВЛКСМ (1927 г.) Бауманским РК ВЛКСМ Москвы. Окончила 9 классов и школу подготовки командиров штаба в Москве. С 1932 года проходила службу в Разведывательном управлении РККА. В 1939 году приняла военную присягу. В настоящее время подполковник в отставке.

По заданию Я. К. Берзина

ЭТО БЫЛО летом 1932 года. После пяти лет работы в Коминтерне я получила разрешение пойти учиться, мне было тогда 24 года. Неожиданно меня вызвали в ЦК ВКП(б) к одному из секретарей. Поздоровавшись, он сразу попросил меня подробно рассказать биографию. Внимательно выслушав, предложил пойти добровольно служить в Красную Армию и работать в военной разведке. Необходимость этого секретарь ЦК мотивировал возрастающей опасностью на Западе и важностью притока молодых кадров в нашу разведку. На вопрос, почему выбор остановился на мне, он ответил, что меня рекомендовал секретарь ЦК комсомола А. В. Косарев. Он считает, что я справлюсь с этой работой и буду для нее полезна.

— А как же учеба в мединституте, куда я подала документы? — растерянно спросила я.

На это секретарь ответил:

— Человек вы еще молодой, учиться успеете, сейчас вы нужнее в разведке и, как комсомолка, дол-

жны думать прежде всего о долге. Однако, я еще раз повторяю, дело это добровольное. Если решите дать согласие, явитесь к товарищу Косареву, он даст вам соответствующее направление. Даю два дня на размышление. Если вы не сможете принять это предложение, не переживайте и забудьте наш разговор, советоваться ни с кем нельзя.

Я шла домой как в тумане. Думала долго, две ночи, а потом пошла в ЦК комсомола к Саше Косареву.

— Ну что, решилась? — спросил он, протягивая руку.

Я кивнула и спросила:

— Ты действительно думаешь, что я справлюсь с этой новой работой?

— Справишься, конечно, иначе я бы не рекомендовал тебя. Язык ты знаешь хорошо, в стране была, обстановку помнишь. Все это придаст тебе уверенность. Ну, а кроме того, начальник этой службы — Павел Иванович Берзин*, я его лично

* Ян Карлович БЕРЗИН (Петер Янович Кюзис) родился в ноябре 1889 г. на хуторе

знаю. Он большой знаток дела и кого хочешь научит понимать и любить эту службу. Чудо-человек, сама увидишь и поймешь. Только не дрейфь, слушайся там опытных товарищей, думай над каждым шагом, над каждым словом, а главное — помни, все это нужно нашей Родине, ее безопасности. И не сердись, что не пустили учиться, докторов у нас хватает, а ты сегодня более полезна здесь. Иначе не взяли бы тебя накануне вуза и от ребенка.

Он вышел из кабинета, вскоре вернулся и вручил мне направление в 4-е Управление РККА к товарищу Берзину Я. К.

— По этому адресу ты явишься завтра в 22 часа, пропуск будет.

Пропуск был заказан. Прошла мимо дежурного в приемную и вручила свое направление секретарю, милой девушке в военной форме с большими красивыми глазами. Вскоре меня пригласили в кабинет товарища Берзина. Сердце стучало так громко, что мне казалось, его можно услышать на расстоянии. За большим письменным столом сидел седоватый, но не старый человек в военной форме. В руках он держал мое направление.

— Ну, садитесь и давайте знакомиться. Меня зовут Павел Иванович. Кое-что я о вас уже знаю, но хотел бы узнать кое-что и от вас лично. Итак, вы дали согласие ра-

ботать у нас. Понимаете ли вы четко, что вас ждет? Готовы ли вы вступить в ряды РККА? Нам нужен не сотрудник за письменным столом, нам нужен боец Красной Армии, добровольно вступивший в ее ряды, безоговорочно выполняющий приказы командования, строго соблюдающий воинскую дисциплину. А главное — чтобы этот боец был думающий товарищ и умел каждую минуту использовать для учебы, для поисков новых путей в своей работе и, конечно, крепко усвоить нашу науку со всей ее спецификой. Это, дорогой товарищ, краткая преамбула того, что мы от вас хотим. Ну как, не испугались?

— Нет, — тихо ответила я.

И правда, я не испугалась ни его строгого тона, ни строгого, серьезного выражения его глаз, у меня даже стало как-то легче на душе, я поверила ему, почувствовала силу и уверенность. С таким начальником не пропадешь. Правильно сказал Саша Косарев, подумала я и взглянула прямо ему в глаза, которые после моего ответа как-то подобрели. Он очень хорошо улыбнулся.

— Я вижу, вы не из пугливых, это уже хорошо. Ну, расскажите о себе. Когда были в Германии, сколько, где были, кроме Берлина. Говорите по-немецки, я послушаю ваше произношение. Так, хорошо. Все, что вы мне рассказали, интересно и

Клигене Аупиллской волости Рижского уезда. По национальности латыш. Член КПСС с 1905 г.

Участник революции 1905—1907 гг., был приговорен военно-полевым судом к смертной казни, которая позже была заменена тюремным заключением ввиду несовершеннолетия подсудимого. В 1911—1914 гг. находился в ссылке, бежал.

В решающие дни Великой Октябрьской социалистической революции он был активным членом Петроградской партийной организации. В начале 1918 г. партия направила Берзина на работу в органы ВЧК, он участвовал в подавлении контрреволюционного заговора эсеров, в разгроме мятежа в Ярославле.

В годы гражданской войны Я. К. Берзин работал в аппарате рабоче-крестьянского Советского правительства.

В 1919 г. Ян Карлович вступил в ряды РККА, был начальником политотдела дивизии, начальником особого отдела армии. В декабре 1920 г. был направлен в Разведывательное управление РККА и назначен начальником отдела. С декабря 1921 г. работал помощником и заместителем на-

чальника Разведывательного управления, а с марта 1924 г. — начальником управления. В 1928 г. Ян Карлович за успехи на порученном участке работы был награжден орденом Красного Знамени.

В 1935 г. в условиях нарастания угрозы военного нападения на СССР со стороны Японии Берзин был назначен заместителем командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Через год началась национально-революционная война в Испании и Я. К. Берзин был направлен туда в качестве Главного военного советника республиканской армии. В июне 1937 г. он возвратился на Родину. За успешное выполнение заданий командования награжден орденом Ленина.

9 июня 1937 г. Берзин вновь был назначен начальником Разведывательного управления Красной Армии. Он успешно решал возложенные на него задачи, однако арест по ложному обвинению не позволил ему осуществить новые замыслы по упрочению советской военной разведки. 29 июля 1938 г. Яна Карловича не стало.

важно для наших планов. А сейчас поговорим конкретно, что вас ожидает по работе. Я скажу главное, а товарищ, который будет готовить вас в командировку, даст вам и конкретные знания и задания.

И Павел Иванович объяснил, что благодаря ряду моих данных и хорошему знанию немецкого языка я выбрана для нелегальной работы за рубежом, в Германии. Он просто и доходчиво изложил суть этой работы, кратко рассказал об обстановке в стране, перечислив основные трудности, обратил мое внимание на особенности жизни и деятельности под чужим именем. Более подробно он остановился на контактах с людьми, объяснил, с какими их категориями придется работать, кому из них отдавать предпочтение для сотрудничества, сказал, что нужно стремиться находить симпатизирующих нашей стране немцев и друзей среди них.

Я описываю предельно кратко нашу первую беседу, но она произвела на меня тогда большое впечатление. Я запомнила ее на всю жизнь, хотя прошло с тех пор более полувека! И я помню, что тогда ощутила главное: я сделаю все, чтобы оправдать доверие этого человека. Я как-то поверила в свои возможности принести пользу этому важному делу. Павел Иванович излагал свои мысли так просто и доходчиво, что я все сразу понимала и чувствовала в себе растущий интерес к этой работе. Не раз, будучи за рубежом в трудное время (а это был год прихода к власти Гитлера), я вспоминала советы Павла Ивановича, его указания и никогда не позволяла себе отступать от них. Мне кажется, именно поэтому моя первая нелегальная командировка прошла благополучно и многому меня научила.

Наша вторая встреча произошла через полтора года после моего возвращения из командировки. Я шла на нее спокойно, зная, что выполнила все, что от меня требовалось, но с твердым решением просить отпустить меня на учебу в институт.

Павел Иванович встретил меня доброй улыбкой, сказал, что я не подвела командование, несмотря на молодость и неопытность. После ответа на ряд вопросов я набралась

храбрости и ~~она~~ попросила отпустить меня на учебу. Выражение глаз Павла Ивановича сразу сменилось на серьезное и, пожалуй, даже сердитое. Я робко добавила:

— Вы ведь сами обещали, когда я уезжала...

— Да, это точно, я обещал, — ответил Павел Иванович, — но разве ты сама не понимаешь после того, что там видела, пережила и узнала. Обстановка резко ухудшилась, войны не избежать, она в планах Гитлера, и наш долг неотступно следовать за его намерениями и знать их! А учиться можешь пойти по нашей линии, у нас новая хорошая школа, а через год поедешь опять, мы не можем отказаться от полученного тобой опыта работы в сложных условиях. Короче, я не вижу возможности выполнить свое обещание. Ну, а что ты сама думаешь, если по-серьезному, скажи. Только думай не так долго, у меня сегодня мало времени.

До сих пор хорошо помню свое состояние после этих простых и убедительных слов. Мне стало стыдно. Как я после всего пережитого в гитлеровской Германии, пожара в рейхстаге, процесса над Георгием Димитровым, после будивших меня ежедневно ревущих машин чернорубашечников, мчавшихся громить рабочие кварталы Берлина, и после выявленных нашими людьми пока еще скрытых планов производства вооружения заводами Круппа и Тиссена, тайного перевооружения рейхсвера, как я могла отказаться от продолжения своей работы? Я поняла, что это чудовищно, и не знала, как мне сформулировать свой ответ. Мы оба некоторое время молчали, он ждал, но не хотел торопить меня.

Наконец у меня вырвалось:

— Простите, Павел Иванович, я не должна была так поступать.

И сразу потеплели его глаза, он протянул свою руку и похлопал меня по руке.

— Я вижу, ты сама все поняла и продолжать эту тему не нужно. Отдыхай дома, когда будет готово, тебя вызовут в школу, будешь учиться нашим премудростям, познакомишься с нашей военной техникой.

Это полезно. Особенно приложи усилия для овладения английским языком, чтобы знать его не хуже немецкого, это потребует на будущее.

На этом мы расстались. Должна сказать, что после этой беседы у меня никогда больше не возникало сомнений в правильности моего пути в жизни, и решение отдать всю свою жизнь разведке осталось со мной навсегда.

Ровно через год я готовилась к новой командировке — предстояла самостоятельная работа в сопредельной с Германией стране. Задача та же. Мой начальник Оскар Стигга сам готовил меня. Накануне отъезда мы пошли, опять ночью, на прощальную беседу с Павлом Ивановичем. Проверив мои документы, Павел Иванович дал мне несколько полезных советов по стране моего будущего пребывания, обратив внимание на особенности оперативной обстановки в ней.

— О ребенке не беспокойся. Наташа будет навещать твою семью. Мы простились, и я даже представить себе не могла, что навсегда!

Вернулась я из командировки осенью 1937 года. Не застала в управлении ни Павла Ивановича, ни моего начальника и учителя Оскара Стиггу. Не застала я и Н. В. Звонареву, которую успела хорошо узнать и полюбить. О ней мне сказали: уволилась, где-то работает, а где, не знаем.

В кабинете Стигги сидел командир с двумя шпалами. Это был А. А. Коновалов. Мы поздоровались. Он сказал, что надеется, что я выйду скоро на работу, так как некому разбирать и отправлять почту отдела. На мой вопрос, когда мне докладывать начальству, он ответил:

— Пока начальства нет наверху, а мне вы доложите по ходу дела. Завтра в Кремле вас ждет награждение орденом. Поздравляю вас, пропуск заказан, явиться в 12 часов.

Я обещала ему после обеда прийти на работу. Меня охватило чувство полного одиночества. Дело в том, что специфика моей работы до сих пор держала меня в полной изоляции, и я знала все эти пять лет только трех человек и фотографа. На душе было тяжело, я не могла понять,

что происходит, и не знала, кого можно спросить об этом. И награде своей как-то не могла радоваться. Было ясно, что представили меня к награде мои «исчезнувшие» начальники. Я даже догадывалась за что.

Получив на другой день награду, я пришла в управление. А. А. Коновалов, еще раз поздравив меня, сразу отвел в комнату напротив и, показав три больших сейфа, сказал:

— Принимай это хозяйство по описи, получи расписание почты и действуй. Мы уже многим задолжали с ответами. Эти простые слова как-то меня встряхнули, я вспомнила сразу, что в сейфах дела живых людей, что они ждать не могут, что ими нужно руководить, помогать им. Познакомилась с товарищами в отделе, в основном это были командиры, окончившие академии, языков и нашей работы не знали. Не знал ее и А. А. Коновалов. Я всеми силами старалась им помочь, и как-то само собой эти товарищи стали моими первыми учениками, а позднее некоторые из них и моими начальниками. Все, что я сама знала, все полезное и нужное из моего опыта я старалась передать им, старалась научить их любить нашу работу и гордиться ими все последующие годы. Многие из них стали генералами разведки и так же, как я, связали с ней свою судьбу навсегда. После этого небольшого отступления от темы хочу вернуться к моему рассказу о П. И. Берзине.

А получилось так. Работая в оперативном аппарате управления с 1937 по 1946 год (потом ушла на преподавательскую работу), я понастоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Все многочисленные дела, которые прошли через мои руки за эти годы, свидетельствуют, как он кирпичик к кирпичику создавал ее организации. Ведь хорошую агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются иногда годы. Изобретательность, настойчивость, умение работать с людьми, партийное чутье и неиссякаемая энергия помогали Берзину быть не просто начальником, а настоящим творцом и руководителем высокого класса. Берзин сам подбирал и готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Де-

ла резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряд других являются классическими в истории разведок, они до конца выполнили свой долг во время Великой Отечественной войны.

Изучая дела тех лет, я поняла, какие глубокие планы он разрабатывал, сколько интересных комбинаций придумывал и как строго следил за их осуществлением. Я поняла также, как трудно было ему работать, особенно в последние годы, как мало средств выделяли ему на наше дело и как мало интересовались нашей работой «наверху». И наконец, деятельность военной разведки во время войны показала, что стабильно работали ее фундаментальные организации, созданные под руководством П. И. Берзина. Некоторые из них продержались всю войну и добывали ценную информацию.

Наша разведка вступила в войну после трудных четырех лет. После ареста Берзина долго не было руководителя. Затем был Проскуров — человек еще молодой, прошедший Испанию, не имевший понятия о нашей работе, но умный, способный и серьезно относившийся к делу, старавшийся изучить и освоить его. Говорю так по своим личным впечатлениям. Мне пришлось работать с ним над одной сложной и ответственной операцией, которая удалась и работала успешно всю войну. Перед войной Проскурова неожиданно убрали, и пришел генерал Голиков. Хороший боевой генерал, который с первого дня войны рвался на фронт, особенностей нашей работы не знал и не понимал. Он никогда не отстаивал интересы раз-

ведки ни у Сталина, ни в Генштабе. Работать с ним было нелегко.

Отсутствие сильного, грамотного руководства в предвоенные годы, дефицит доверия к прекрасным, честным резидентам и источникам со стороны «верхов», попытки «отменить» явно грозящую войну — все это отразилось на подготовке нашей службы к войне. Самое необходимое: связь, дополнительные рации и запасы денежных средств на местах, запасная техника и шифры — все это было почти на всех направлениях упущено, затрудняло и часто даже сводило на нет хорошую работу.

Эту тему я собираюсь раскрыть в другой работе. Здесь хочу только подчеркнуть свою уверенность в том, что Павел Иванович Берзин не допустил бы этих промахов в предвоенный период.

И в заключение я хочу сказать кратко о том, как переживают ветераны-разведчики разговоры о том, что наша разведка плохо работала, не вскрыла, не предсказала начало войны и т. д. Разговоры эти начались давно и продолжаются в отдельных изданиях. И хотя сейчас много материалов о том, кто именно до последней минуты отказывался верить, что война начинается, нет-нет и указывают другой адрес: плохая разведслужба и плохой начальник ее — генерал Голиков. Нам, работавшим в те годы, это очень тяжело читать и слушать. Хочу надеяться, что будет в ближайшее время написана история нашей службы. Для одного автора это будет, пожалуй, непосильно и затянет ее выпуск. Можно составить план по разделам и поручить каждый отдельным авторам.

*Подполковник в отставке
М. И. ПОЛЯКОВА*

Убедительная просьба и редакции — рассказать об офицерском собрании, его прошлом, его традициях и делах — пишут генерал-майор А. Владимиров, полковник С. Посохов, А. Сухомлинов, подполковник А. Чинаев.

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ

ПОД ТЕРМИНОМ «офицерское собрание» подразумевается род клуба, объединяющего офицеров отдельной воинской части (гарнизона). В русской армии дореволюционного периода такие собрания были широко распространены. Их деятельность регламентировалась «высочайше» утвержденными (т. е. одобренными царем) уставами и положениями. Она состояла в том, чтобы во внеслужебное время держать офицеров под неослабным контролем соответствующих командиров (начальников), оказывать на них влияние и воспитывать их в духе преданности царскому режиму и защиты интересов монархической России. Председателями собраний являлись командиры воинских частей (начальники гарнизонов). Офицерское собрание содействовало также сближению офицеров, поддержанию между ними товарищеских отношений, развитию общего и военного кругозора, облегчению их материального положения и развлечению в свободное время.

Контроль за соблюдением установленных правил поведения был одной из главных задач офицерского собрания, так как среди части офицеров нередко допускались кастовые различия, нарушались требования воинских уставов, отдельные из них чрезмерно вольно вели себя на службе и в быту. Однако абсолютное большинство офицеров полагало, что офицер должен воздерживаться «от всяких увлечений и от всех действий, могущих набросить хотя бы малейшую тень на него лично, а тем более на корпус офицеров. Слово офицера всегда должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, бесчестят его звание и не могут быть терпимыми»¹. Офицер не имел права принимать участие в ссоре на улице, появляться на людях в нетрезвом виде, быть неряшливо, не по форме одетым, кланяться, распускать о ком-нибудь сплетни, непочтительно относиться к женщинам. Все это влекло за собой самое резкое осуждение, утрату уважения в офицерской среде. Поэтому кроме суда чести в полку существовало еще одно гроз-

ное наказание провинившемуся подобным образом офицеру: товарищи переставали подавать ему руку. И если дело доходило до этого, то он должен был либо перевестись в другой полк, либо в мирное время подавать в отставку.

В русской регулярной армии суворовских времен широко распространились доброжелательные взаимоотношения между младшими и старшими. Суворовский офицер уважал личность подчиненного, не стеснялся дружбы с ним, видел в молодом офицере своего товарища по призванию и профессии, а его обращение к нему на «ты» звучало сердечно. Иные взаимоотношения старших и младших офицеров начали внедряться с момента вступления на престол императора Павла I. Даже старший на один чин начальник смотрел на младшего офицера как на существо низшее. Смерть Павла I положила конец официальному владычеству «гатчинской системы», но не разрушила ее окончательно. Рецидивы «гатчинщины» вспыхивали в старой русской армии вплоть до последних дней ее существования. И надо твердо знать, что когда мы ведем речь об истинных традициях русского офицерства, то подразумеваем замечательное наследие офицеров — сподвижников Петра I, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, А. П. Ермолова, А. А. Брусилова.

В среде русских офицеров веками выработывались правила, даже так называемые «мелкие», по соблюдению которых можно было определить человека воспитанного не только в военном, но и в общепринятом смысле.

Умные начальники при каждом удобном случае стремились учить подчиненных четкому, ясному языку, необходимому и в служебных отношениях, и в обществе. Они придавали большое значение не только военному, но и общему образованию. Широкое знание литературы, истории, иностранных языков считалось обязательным. Умением поддержать в обществе разговор на серьезную тему отличался всякий офицер, заботившийся о своей репутации культурного человека. Обращение старшего, носящее оскорбительный характер, особенно в присутствии других лиц (товарищей, подчиненных или в обществе), рассматривалось как бестактность начальника, как подрыв авторитета офицера.

¹ Кривицкий А. Традиции русского офицерства. — М.: Военное изд-во НКО, 1945. — С. 71.

Абсолютное большинство старших начальников, сознавая тесную взаимосвязь интересов военной службы с высоким званием офицера, развивало в нем командирское самолюбие, побуждало его дорожить своим достоинством и честью. Такие начальники не заставляли делать подчиненного ничего не совместимого с офицерской честью. Абсолютное большинство офицеров научились отделять в разговорном тоне старшего служебные требования от частной беседы, нотку приказа от личной просьбы и даже во время ежедневных обедов вместе с начальником точно улавливать, когда он обращается запросто, а когда официально.

Между офицерами, особенно в офицерском собрании, практиковалось товарищеское общение независимо от воинского звания и служебного положения. Во внеслужебное время, на отдыхе и во многих случаях даже в служебное время офицеры обращались друг к другу, как правило, по имени-отчеству. Особенно это широко было распространено в военно-морском флоте.

Жизнь русского офицества довольно широко отображалась в отечественной литературе, и ни в одном классическом произведении не встречалось сочувственного отношения автора к уродливым явлениям офицерского быта, возводившимся «гачинцами» в законы поведения офицера. Наоборот, русские писатели-классики, хорошо знавшие офицерскую среду и часто сами носившие военный мундир, неизменно утверждали нравственный облик офицера суворовской школы. Много глубоко верных мыслей об отношениях между офицерами, о сути служебной и бытовой дисциплины можно найти у Л. Н. Толстого в «Севастопольских рассказах», А. С. Пушкина в «Капитанской дочке», М. Ю. Лермонтова в «Бэле» и других русских писателей.

Истинные традиции русского офицества состояли в святой преданности Отчизне, в бескорыстном исполнении воинского долга, знании своего дела, дисциплинированности, инициативе и твердости, в братской любви к подчиненным и заботе о них, в духе теснейшего товарищества между всеми, кто составляет офицерский корпус. Все эти требования, правила поведения в офицерской среде постоянно находились в поле зрения офицерских собраний и в большинстве своем оказывали положительное воздействие на жизнь и боевую службу офицеров.

В своей деятельности офицерские собрания уделяли большое внимание воспитанию офицеров на боевых традициях, на любви к своей части и к ее Боевому Знамени. Они высоко цтили названия своих полков и стремились поддержать их боевую репутацию, умножить боевую славу. Имя полка незримыми узами связывало воинов в одну семью. Оно красовалось на Боевом Знамени и являлось источником гордости солдат и офицеров. Воинское знамя считалось священной реликвией. Немало подвигов совершили офицеры, отстаивая честь знамен своих полков и тем самым подавая нижним чинам пример доблестной службы. Знамя части счита-

лось подлинной святыней, за которую каждый офицер готов был отдать свою жизнь, требуя того же от солдат.

Живыми носителями традиций армии в офицерском собрании являлись ветераны. Воспитанные на уважении к светлой памяти героев и боевым делам части, они не только хранили традиции, но и творили их, выступали перед офицерами с воспоминаниями. Для примера можно привести воспоминания одного из ветеранов лейб-гвардии Кексгольмского полка. На общем собрании офицеров полка он рассказал, что, двигаясь «в походной колонне по улицам местечка... батальонный [командир] заметил древнего старца, который при виде наших мундиров снял шапку и вытянулся.

— Ты что, дед? — спросил батальонный командир. — Почему стоишь смирно?

— А как же, — ответил старик, — ведь это же мой родной полк. В таком вот мундире я, батюшка мой, еще на туретчину ходил.

Батальонный повернул коня и помчался к полковому командиру. Генерал приказал развернуть все 16 знамен, и мы торжественным маршем, под музыку, с развернутыми знаменами прошли перед ветераном...

Трудно рассказать о чувствах, которые охватили в этот торжественный момент всех нас. Глаза молодых и старых воинов блестели, сердца охватил священный трепет. В журнал полка в тот же день было записано точное место и время встречи с ветераном. Так родилась в нашем полку новая традиция².

Что же собой представляли офицерские собрания, какова была их организационная структура? Прежде всего отметим, что они учреждались в каждой отдельной части, в каждом гарнизоне, состоявшем из нескольких частей, а также в городах, где дислоцировались штабы военных округов. В своей деятельности руководствовались Уставом (или его проектом) офицерского собрания армии и флота и Положением о них. Например, проект Устава офицерского собрания армии и флота от 12 декабря 1897 года был высочайше одобрен императором, главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, а подписан председателем собрания генерал-адъютантом герцогом Евгением Лейхтенбергским. В нем излагались цели собрания, состоявшие в том, чтобы: «а) содействовать сближению между собою офицеров; б) способствовать поддержанию между ними товарищеских отношений в духе военных требований и развитию в среде их военного и общего образования; в) удешевить жизнь их в столице; г) доставить удобное, приличное и дешевое помещение для временно приезжающих в Петербург»³.

В параграфе 3 проекта Устава указывалось, что «при собрании имеются: библиотека, общий зал, гостинные, столовые, биль-

² Кривцки й А. Указ. соч. — С. 69—70.

³ Проект Устава офицерского собрания армии и флота. — СПб., 1897. — С. 1.

● Сорок дней.

● 15 февраля 1989 года.

Капитан Владимир Черненко и старший прапорщик Виктор Рыбалов.

ТЕПЕРЬ их называют "афганцами". В Афганистане командировочные валютой им не платили, лишних денег не давали. Там они выполняли святой долг. Родина высоко оценила их ратный подвиг. Она приравняла "афганцев" к героям Великой Отечественной войны. Но думается, что полное осмысление того, что совершили воины славной 40-й армии на южном направлении, еще впереди. И оно обязательно будет сделано умами честными и глубокими, благородными и дерзновенными, патристическими, способными мыслить глобально. Мы публикуем сегодня работы талантливого художника Сергея Данилина. У него несомненный дар масштабного мышления, дар творческого осмысления и отражения в образной форме событий, значительных в судьбах страны и людей.

● Домой.

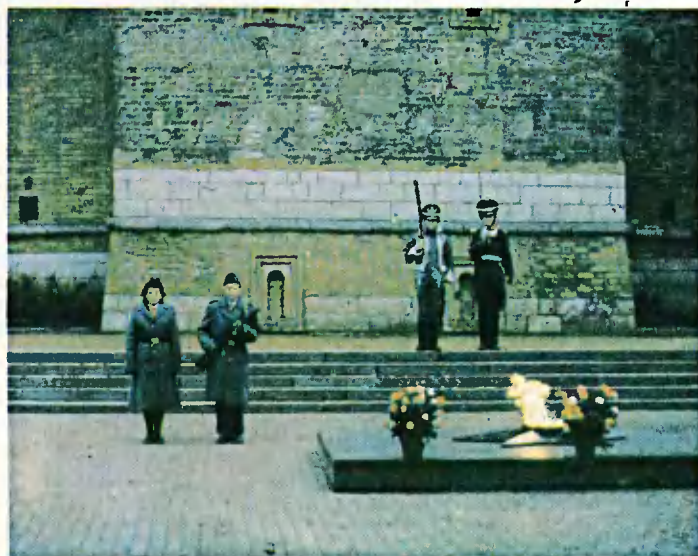
(Валерию Востротину посвящается).

У НАС В ГОСТЯХ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
КЛУБЫ

СКИФ

Фото А. ШАДРИНА

СЛУЧИЛОСЬ это несколько лет назад, когда мы встретились с ребятами, которых с детских лет волновал мир исторической героики. Нас было немного, всего пять человек, объединившихся в Смоленский клуб исторического фехтования (СКИФ). Начинали с постижения азов военной науки, хотелось самим испытать те трудности, которые азывали на свои плечи герои прошедших эпох. Изготавливали сами клинки, мечи, сабли... Изучали по старинным грааграм все мелочи и подробности владения холодным оружием. Работали в области униформологии — уникальной науки, изучающей историю военного мундира. Завязали связи со столичными коллегами, которые помогли нам и словом и делом. Это и участие в праздничных представлениях, в творческих встречах, в спектаклях самодеятельных театров, в межсоюзных исторических походах и слетах. Нааерное, немало смолян запомнило стройные ряды воинских подразделений в форме времен войны 1812 года, промаршировавших по улицам нашего славного города. Принимали участие в этом марше и мы. Приятно было встретиться с ребятами, чей мир увлечений совпадает с твоим. Разговорам и аопросам не было конца.

НАШИ ЗАНЯТИЯ интересны для всех. Каждый найдет у нас что-нибудь для себя: и пенсионер, и человек средних лет, и школьник... Увлекаясь своим делом, мы глубже познаем мир, природу человека, его отношение к другим. Если раньше мы смотрели с некоторой завистью на панков, металлистов и прочих неформалов, то теперь мы наблюдаем за ними с горькой усмешкой и с... сожалением. Сколько ребят занимаются бесполезным времяпрепровождением, проживая лучшие дни с пустыми сердцем и душой. Мы против бездуховности, против зазнайства и спекуляций на славных традициях нашей Родины.

Мы ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ в свои ряды всех желающих, а случаев для этого представляется немало. Создается расширенный состав клуба СКИФ, ждут пополнения сек-

ции творческих увлечений и историко-бытовых дисциплин, созданные на базе истфака педагогического института. Вскоре будет формироваться Смоленский "полк" (группа а 20–30 человек) для участия в общесоюзном военно-историческом походе. Экипировка, вооружение, обмундирование будут изготавливаться самими участниками этого небольшого отряда. Разумеется, мы будем консультировать новоявленных "мушкетеров". Учения, усвоение азов владения оружием, песни, сам дух той эпохи — все это будет присутствовать в "полку".

Ведь славу древнего города-воина Смоленска нужно беречь и умножать не словом, а делом.

Ю. КАШТАНОВ,
руководитель клуба СКИФ

ярд и комнаты для приезжающих. В собрании с разрешения председателя могут устраиваться: лекции, беседы, военные и другие игры, товарищеские обеды, балы, концерты и т. п., а также стрелковые, охотничьи, музыкальные, драматические, шахматные и другие кружки и товарищества из членов и посетителей, с научной или увеселительной целью.

Во главе собрания стоял попечитель, назначаемый по Высочайшему избранию. Распоряжения его исполнялись беспрекословно. Ему принадлежало право окончательного разрешения вопросов по делам собрания, не предусмотренных Уставом. Для непосредственного руководства делами собрания попечитель избирал в помощь себе на три года председателя собрания из старших генералов, который в свою очередь избирал из числа генералов тоже на три года хозяина собрания, а последний — себе помощника.

Собрание состояло из старшин (почетных и действительных), членов (почетных, пожизненных и временных), пожизненных посетителей, посетителей и гостей. Почетными членами собрания состояли особы императорской фамилии, генерал-фельдмаршалы, военный министр и управляющий морским министерством.

Далее в проекте Устава указывалось: кому присваивалось звание почетных старшин, кто назначался действительными старшинами, кто мог быть действительными или временными членами собрания, посетителями, гостями, рассказывалось о порядке их приема. При вступлении в собрание действительные и временные члены, а также посетители вносили определенную плату. Вход был по именным билетам или рекомендательным бланкам (для гостей).

Ввиду особого значения офицерского собрания всем его участникам надлежало обязательно быть в нем в военной форме. В дни проведения особых товарищеских обедов или других празднеств, а также при отдании зала в частный наем в виде исключения допускались и лица, не имеющие военного мундира.

Далее в проекте Устава подробно излагались вопросы управления собранием, осуществляемого под высшим наблюдением попечителя советом почетных старшин; права и обязанности председателя и хозяина собрания с его помощником; распорядительного комитета ревизионной комиссии.

К проекту Устава офицерского собрания армии и флота прилагались правила внутреннего порядка, ввода гостей, пользования помещениями для приезжающих, бильярдами, библиотекой; порядок приема членских взносов и инструкция дежурному старшине.

Для письменных удостоверений употреблялась печать с государственным гербом и надписью «Офицерское собрание армии и флота», хранившаяся у правителя дел.

В С.-Петербургском офицерском собрании на один год избиралась (в ноябре) ревизионная комиссия в составе двух генералов и адмиралов, шести штаб-офицеров и одного кандидата.

Доходы собрания составлялись из: «а) взносов членов, посетителей и гостей; б) игры в карты, на бильярдах и пр.; в) платы за пользование залом; г) от помещений для приезжающих; д) квартирной платы экономического общества и е) случайных поступлений»⁴.

Поступающие в кассу собранные деньги, если не предавались экстренной необходимости в их расходовании, вносились в один из банков С.-Петербургского общества взаимного кредита (собрание могло быть его членом) на текущий счет. Оставшиеся на текущие расходы суммы и документы хранились в денежном ящике, ключ и печать от которого были у казначея. Ответственность за сохранность сумм и целостность имущества лежала на хозяине собрания и распорядительном комитете. От лиц, служивших в собрании по найму, требовался залог по усмотрению председателя.

Несколько раньше, чем проект Устава, был разработан проект Положения об офицерских собраниях в отдельных частях войск, утвержденный командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Это Положение было введено в действие приказом № 38 от 26 августа 1881 года. В нем излагались: цель учреждения офицерского собрания; состав собрания; права и обязанности его членов; перечень допускаемых в собрание лиц; вопросы ведения хозяйства; обязанности распорядительного комитета; порядок проведения общих собраний и решаемых вопросов; говорилось о финансовых средствах, имуществе, библиотеке, столовой и других учреждениях собрания; о занятиях и развлечениях в собрании. В проекте Положения предусматривалось, что оно могло дополняться в каждой воинской части более подробными правилами, составленными в зависимости от средств, помещения и других условий, в которые поставлено офицерское собрание. Дополнительные правила не должны были противоречить духу Положения и утверждались начальником дивизии или лицом, пользующимся одинаковыми с ним правами. Предусматривалась также возможность утверждения офицерского собрания для нескольких частей. В этом случае Положение о собраниях представлялось по команде на окончательное утверждение командующему округом. Последнее Положение об офицерском собрании (дополненное и переработанное) было утверждено приказом военного министра генерал-адъютантом В. Сухомлиновым № 209 от 7 марта 1914 года, которым вводился и штат собрания (см. таблицу). Содержание его в основном раскрывало те же требования, что и проект Устава офицерского собрания от 12 декабря 1897 года. В Положении лишь конкретизировались и расширялись цель и состав собрания, права и обязанности членов, посетителей и гостей. Был включен раздел о дежурном по офицерскому собранию и его обязанностях. Положения об офицерских собраниях, аналогичные

⁴ Там же. — С. 25—26.

На подлинном написано: „ВЫСОЧАЙШЕ утверждено“
7-го Марта 1914 года.
Подписали: Генерал-Адъютантъ Сухоминовъ.
Вѣрно: Начальникъ Распорядительной Части Главнаго Штаба,
Генералъ-Маіоръ Бончъ-Осмоловскій.

Копія.

ШТАТЪ
офицерскаго собранія арміи и флота.

Наименованіе чиновъ.	Число чиновъ.	Годовой окладъ со- держанія за устано- вленными вычетами.			
		Жало- ванье.	Столо- вые.	Добавоч- ныя (и на раз- ряды и на на- емъ при- служія).	
Попечитель собранія	1	Содержанія по этимъ должностямъ не получаютъ.			1) Состоитъ по роду оружія. При увольненіи въ отставку имѣетъ право на получение пенсін изъ Государственнаго казначейства и смертельной кассы военнаго вѣдомства на основаніи, установленнаго для военнослужащихъ на стрѣльных должностей. Пенсія рассчитывается по должности командира нест- рѣльной бригады. По вольному найму.
Помощникъ попечителя	1				
Хозяинъ собранія (генералъ-маіоръ действительной службы ¹⁾	1	По чи- ну.	2.700	2.400	
Помощниковъ хозяина собранія:					
1) По административной части	1	1.200	—	—	
2) По хозяйственной части	1	1.200	—	—	
3) Библіотекарь	1	900	—	—	
(изъ отставныхъ или запасныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ).					
Бухгалтеръ	1	1.200	—	—	
На содержаніе зданія собранія, а именно: наемъ прислуги для зданія, отопленіе, освѣщеніе, водо- снабженіе, ремонтъ зданія и мебели, содержаніе зданія въ чистотѣ и на вознагражденіе инже- неру за работы по строительно-технической части (600 руб.) ежегодно отпускаются отъ каппы по сѣмѣ военнаго министерства 48.000 руб.					
П р и ж ѣ н і я:					
1) Содержаніе лицамъ, указаннымъ въ штатѣ, производится изъ суммъ собранія, а квартиры натурой въ зданіи собранія. 2) Установленные закономъ обязательные вычеты изъ содержанія военнослужащихъ, вносятся, по расчету содержанія хозяина собранія, изъ суммъ сего собранія. 3) Число низшихъ служащихъ, а равно и жалованіе имъ, опредѣляются хозяиномъ собранія. 4) На уплату врачу, приглашаемому для леченія служащихъ при собраніи и для наблюденія за санитарнымъ состояніемъ собранія, отпускается 300 рублей въ годъ изъ суммъ собранія.					
Подлинный подписали: В. Сухоминовъ, А. К. Водаръ, Баронъ А. В. Каульбарсъ, П. А. Солтановъ, Н. Д. Артамоновъ, Ф. Ростковскій, П. О. Щербовъ-Нефедовичъ, Н. Поволоцкій, А. И. Верандеръ, В. Иксовичъ, К. Н. Стаировскій, В. Глазовъ, Кн. Н. Тумановъ, П. А. Фроловъ, Н. Буляевскій, Ф. Гершельманъ, Баронъ Н. П. фонъ-Ашебергъ, Г. Гилке, Д. Сеичевскій, А. Сандекии, А. Гертиросъ, Ф. Мартенсъ, А. Брилевичъ, А. Маеринъ, А. Веденяпинъ, В. Т. Черняевскій, И. Савоичъ и Начальникъ Канцеляріи Военнаго Министерства, Генералъ-Лейтенантъ Даниловъ. Скрѣпиль: За Дѣлопроизводителя, Подполковникъ Вьшопольскій.					
Вѣрно: Начальникъ Отдѣленія, Полковникъ Барсовъ.					
Свѣрляхъ: И. д. Столоначальника, Капитанъ Поплавскій.					

рассмотренному выше, с незначительными
изменениями и дополнениями имелись во
всехъ отдельныхъ воинскихъ частях.
После Великой Октябрьской социалисти-
ческой революціи офицерские собрания,
какъ одинъ изъ институтовъ старой
русской арміи, были упразднены и начали возро-
ждаться лишь въ периодъ перестройки. Вве-
денное въ дѣйствіе в 1989 году приказомъ
министра обороны СССР Временное по-
ложение об Офицерскомъ собраніи Воору-
женныхъ Силъ СССР базируется на принци-
пиально новой социалистической основѣ,
значительно отличается по своимъ целямъ и
задачамъ отъ собраний в старой русской ар-
міи. Если офицерские собрания в рус-
ской арміи являлись подлиннымъ инстру-
ментомъ в решении задачъ прохожденія
службы, укрепленья и развитія положи-
тельныхъ традицій русскаго офицерства и

давали в этом отношении прекрасные результаты в воспитании офицеров, то надо полагать, что и в Советских Вооруженных Силах они послужат делу защиты интересов офицерского состава, подъема его авторитета и заинтересованности в ускорении процесса перестройки в армии и на флоте, демократизации воинских коллективов.

Офицерское собрание в Советских Вооруженных Силах является постоянно действующей общественной организацией, создается в строгом и точном соответствии с требованиями Конституции СССР и действующего законодательства в отношении общественных организаций. Оно призвано всемерно способствовать воспитанию у офицеров чувства чести и достоинства, сплочению офицерских коллективов, обеспечению взаимной требовательности, уважения во взаимоотношениях между офицерами в соответствии с воинскими традициями, нормами и правилами советского образа жизни, повышению их активности в выполнении воинского долга. Офицерское собрание армии и флота не допускает никакой замкнутости, а, наоборот, раскрывает широкие возможности для совершенствования форм работы с офицерами, членами их семей, эффективных способов связи с широкими массами военнослужащих. Его задачи и полномочия сводятся к формированию у офицерского состава высоких идейно-политических, профессиональных, деловых и нравственных качеств, активности и ответственности за выполнение служебных и общественных обязанностей, к поддержанию товарищеских отношений, основанных на неукоснительном соблюдении офицерской чести. В задачи собрания входят оказание помощи командованию и партийным организациям в обобщении положительного опыта работы офицеров по повышению боевой готовности, укреплению воинской дисциплины, успешному решению задач боевой и политической подготовки, пропаганде боевых традиций Советских Вооруженных Сил, своей воинской части и т. п., мобилизация офицеров и членов семей на образцовое содержание военных городков и жилых домов офицерского состава, воспитание у них культуры в организации своего быта, пропаганда передового образа жизни, организация досуга и проведение различных культурно-массовых мероприятий для офицеров и членов их семей.

Офицерское собрание правомочно рассматривать и негативные явления в офицерской среде. За совершенные проступки предусмотрено применять меры общественного воздействия, такие, как: товарищеская критика и предупреждение, общественное порицание, вынесение решения о принесении публичного извинения офицером, совершившим тот или иной проступок, перед офицерским собранием и лицом, которому нанесено оскорбление, исключение из членов офицерского собрания на срок, определяемый общим соб-

ранием офицерского состава, но не более шести месяцев. Одной из важнейших функций офицерского собрания является утверждение законности и социальной справедливости при прохождении офицерами воинской службы, а также решение вопросов улучшения условий жизни, быта, отдыха офицерского состава и членов их семей.

В первой декаде декабря 1989 года состоялось Всесоюзное офицерское собрание.

Одна из главных целей собрания — возрождение в офицерском корпусе традиций офицерской доблести, чести и достоинства, т. е. тех самых лучших традиций, о которых шла речь выше. Эти вопросы составили в основном содержание докладов министра обороны СССР генерала армии Д. Т. Язова и начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерала армии А. Д. Лизичева. В работе Всесоюзного офицерского собрания приняли участие член Политбюро ЦК КПСС Л. Н. Зайков, секретарь ЦК КПСС О. Д. Бакланов, прославленные ветераны Вооруженных Сил СССР, ответственные работники ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, МГК КПСС, представители КГБ и МВД СССР, творческих союзов и средств массовой информации.

На собрании отмечалось, что еще немалая часть офицерских кадров, в том числе и руководящих должностных лиц, не вписывается в общую направленность перестройки, больше говорят о новом, а сами продолжают работать по-старому. Такие люди тормозят и сковывают инициативу подчиненных, порождают у них служебно-должностную апатию. Многие выступившие, в том числе и писатель Карем Раш, с болью говорили о злобных напаках на армию со стороны части средств массовой информации, подчеркивая в то же время, что нельзя закрывать глаза на правду, на имеющиеся в армейской среде негативные явления. Правда одна для всех, и ее трибунными заявлениями и заверениями не приукрасить. В этой связи было высказано немало пожеланий и критических замечаний народным депутатам СССР — военнослужащим. Им дан наказ занимать более активную позицию в Верховном Совете СССР.

Всесоюзное офицерское собрание — заметное явление в общественно-политической жизни армии и флота. Его главным итогом явилось то, что офицерский корпус армии и флота продемонстрировал свою сплоченность, верность курсу Коммунистической партии на перестройку, готовность внести практический вклад в воплощение его в жизнь. В своем обращении офицеры высказались за утверждение в своей среде лучших традиций, за достойную встречу XXVIII съезда КПСС.

*Полковник А. А. ЧАЙКА,
полковник в отставке
Г. М. СТРЕЛЬНИКОВ*

9 ДЕКАБРЯ 1989 ГОДА В ГАЗЕТЕ «ПАЙАМ» (ОРГАН ЦК НДПА) ОПУБЛИКОВАНА СТАТЬЯ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН ПОД НАЗВАНИЕМ «ПОДЛИННОЕ ЛИЦО КОНЪЮНКТУРЩИКОВ». В НЕЙ ДАЕТСЯ ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА НЕБЛАГОВИДНОЙ РОЛИ ОТДЕЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ, В ЧАСТНОСТИ М. ЛЕЩИНСКОГО И А. БОРОВИКА, В ИСКАЖЕННОМ СВЕТЕ ОСВЕЩАЮЩИХ СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В АФГАНИСТАНЕ, И В ЦЕЛОМ ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

ПОДЛИННОЕ ЛИЦО КОНЪЮНКТУРЩИКОВ

У НАРОДОВ Афганистана сложились близкие, прошедшие проверку историей отношения с народами всех соседних государств, в том числе и нашего северного соседа, с которым мы имеем протяженную общую границу. Всегда, несмотря на те или иные исторические события, афганцы придавали и будут придавать своим связям с Россией, с Советским Союзом жизненно важное значение.

Советско-афганские отношения последнего десятилетия получили различные, зачастую далекие друг от друга оценки и в нашей стране, и за рубежом. О своей принципиальной позиции по этому вопросу заявило и советское руководство. Его оценка выделяет положительные стороны советско-афганского сотрудничества, в основе которого лежат непреходящие ценности добрососедства, дружбы и братства народов, подтверждает принципиальный, долговременный характер отношений между Советским Союзом и Афганистаном, полностью отвечающий интересам народов обеих стран.

В Афганистане все, от Президента до простого труженика, хорошо знают, как дорого обходится советскому народу та дружеская помощь, которая оказывалась и оказывается нашей стране. Наша история рассказывает не только о самоотверженности сынов обоих народов, проявленной в совместной борьбе. Сейчас афганский народ, крестьяне, рабочие, государственные служащие, учителя, представители духовенства понимают, что они не смогли бы выстоять в эти сложные дни без керосина, муки и сахара. Именно наш северный сосед в сложнейших условиях войны обеспе-

чивает наш народ всем необходимым, и сегодня это для нас вопрос жизни и смерти. Сегодня Афганистан, отражая атаки мятежников, пакистанских малишей и арабских ваххабитов, не только защищает себя, но и не позволяет, чтобы чума воинствующего фанатизма перекинулась на родину Бабура — в Фергану, древний Самарканд и прекрасный Душанбе.

Мы внимательно следим за полемикой в советской прессе и Верховном Совете СССР, развернувшейся по вопросу об оказании материальной помощи и моральной поддержки иностранным государствам, и прежде всего Афганистану. Наше внимание привлекают и те оценки советско-афганских отношений последнего десятилетия, которые появились в советских средствах массовой информации в свете развития демократии и гласности. Совершенно естественно, что высказываются различные точки зрения об Афганистане и о продолжении оказания помощи, однако заслуживают внимания попытки ряда советских журналистов поставить под сомнение необходимость продолжения советской помощи Афганистану, их призывы, адресованные правительству Советского Союза, прекратить эту помощь.

В этой связи обращает на себя внимание активность телевизионного журналиста из Москвы Михаила Лещинского, который несколько лет проработал в Афганистане. Три года назад он неустанно говорил о «крупных успехах советских и афганских войск в деле разгрома контрреволюции», «об очистке районов от мятежников» и т. п. Однако чем ближе подходило 15 февраля 1989 г., запланированная дата полного вы-

вода советских войск из Афганистана, тем менее восторженными и более осторожными становились его репортажи. В последних репортажах красной нитью стали проходить сомнения в способности правительства Афганистана выстоять в борьбе. Создалось впечатление, будто под воздействием пропаганды мятежников он струсил и впал в панику. Его супруга Ада Петрова в одном из своих репортажей даже заявила: «Мы передаем центральный госпиталь 40-й армии в Кабуле афганской стороне, однако не знаем, чьим он будет — правительства или оппозиции».

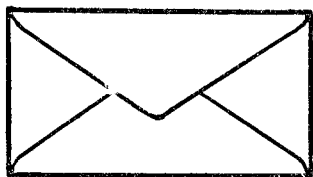
Однако что же представляет собой сам Лещинский? Когда это было ему выгодно, он пел соловьем о героизме советских и афганских воинов и одновременно стремился обрисовать свой собственный «героический облик», продемонстрировать телезрителям свою личную «храбрость и отвагу». Для нас, афганских журналистов, были очевидны и его фальшивый «героизм», и его стремление показать себя, создать себе имидж. Так, несколько раз в своих репортажах он манипулировал «кипящим чайником» и живописал телезрителям, как он — герой Афганистана — первым ворвался в таком-то районе в окоп противника, и, дескать, «их кипящий чайник находится в моих руках». В действительности же прошло суток с того времени, как эти укрепления были захвачены афганскими солдатами, и все это время они пили из этого чайника чай!

Для нас были очевидны и такие негативные черты его морально-нравственного

облика, как хроническая привязанность к спиртному, бестактность и незнание быта и нравов нашей исламской страны. Мы никогда не обсуждали этих его черт, хотя знали, что в действительности он не тот, за кого себя выдает. Однако чувство ответственности заставляет нас рассказать сегодня советскому народу, какую «правду» об Афганистане и из чьих рук он получал.

Мы хорошо знаем, что советско-афганские отношения намного выше и прочнее чьих-либо личных амбиций, и их не омрачить никакой клеветой и фальшью корыстных писак и манипуляторов. Мы убеждены, что деятельность таких людей в той или иной мере оскорбляет наши чувства уважения и приверженности ценностям советско-афганских отношений. Следует напомнить, что Лещинский после возвращения в Советский Союз вместе с 40-й армией некоторое время хранил молчание. Однако затем он вновь появился на экранах советского телевидения и выступил с рядом безответственных и далеких от реальности заявлений о нецелесообразности продолжения советской помощи Афганистану. Видимо, этот журналист признает лишь один вид интернационализма — военный, а помощь народу, ведущему вооруженную борьбу за истинный мир, национальный суверенитет и независимость, оказывающему героическое сопротивление иностранной агрессии, считает бесполезной и излишней.

Несколько лет назад в газете «Советская Россия», затем отдельной книгой вышли заметки молодого журналиста Артема Боро-

НАМ ПИШУТ

АФГАНСКАЯ ТЕМА, ныне «открытая», поразному обсуждается не только участниками этой затяжной, кровопролитной войны, но и журналистами. Активно подключился к ней и публицист Давид Гай, которому газета «Вечерняя Москва» не поскупилась на «площадки» (в 1989 году там же публиковался цикл его статей «Афганис-

тан: как это было»). Автор, располагая обширными материалами, последовательно анализирует историю необъявленной войны в Афганистане, в которую были втянуты и наши войска.

Не беря под сомнение основные его суждения о целях, ходе и итогах «афганской войны», можно тем не менее сразу заметить определенные натяжки, а то и сбои в оценке этого противоречивого события.

Чтобы хоть как-то подкрепить свои выводы, автор часто приводит выдержки из книги английского военного корреспондента Марка Урбана «Война в Афганистане».

Давид Гай утверждает: «По мнению специалистов Генштаба, фактический материал ее (книги. — А. Ф.) вполне достоверен. Книга, — сообщает нам автор, — вышла относительно недавно на Западе, в

Кому это на руку?

вика об Афганистане. Они вдохновляли своей правдивостью, гражданственностью, мужеством и вызвали симпатии к советским взи́нам-интернационалистам и их афганским боевым соратникам. Но тот же Боровик своими публикациями в журнале «Огонек» и еженедельнике «Собеседник» буквально растоптал свойственную ему прежде правдивость. Он передал на телевидение и в печать многочисленные материалы, которые фактически перечеркнули его позицию и все то, что он писал раньше. В этих статьях говорится, как правило, только о негативных моментах и ошибках. Героические подвиги подаются в искаженном, а то и просто в клеветническом духе. Особенно разнузданной, антигуманной и далекой от реального положения вещей выглядит последняя публикация Боровика в журнале «Огонек». Так, в своей статье он пишет: «...но редко задумывались над тем, какое воздействие оказывал на нас Афганистан, пропустив через себя сотни тысяч советских солдат, офицеров, дипломатов, журналистов, ученых, партийных и военных советников... Старческим мановением брежневской руки они были брошены в страну, где подкуп, взяточничество, бесчестность, спекуляция, наркотики были не менее обычны, чем у нас очереди в магазинах. А эти инфекционные болезни, страшнее тифа и гепатита...»

Оставим на совести автора другие его заявления. Он, сам того не замечая, позволяет себе забыть принципы добропорядочности по отношению к соседней стране. В то же время это свое творение, непонятно почему, автор называет докумен-

тальной повестью. Как явствует из первых же пассажей этой «повести», автор собирал нужные ему свидетельства и документы не в гуще реальной жизни, а на ее поверхности. Вероятно, именно по этой причине варево, которым он потчует читателей, издает такой тошнотворный запах.

В этой позиции нельзя увидеть ничего кроме политического прагматизма.

Наверное, Михаил Лещинский и Артем Боровик лишь потому прежде любили Афганистан, что афганская тематика служила их личным интересам. Она представляла им возможность выступать очевидцами важных событий и приобретать известность в качестве так называемых отважных военных репортеров, тиражировать свои многочисленные творения и красоваться на экранах телевизоров в облике «героев». Сегодня они, будучи по натуре лицемерами и конъюнктурщиками, показали свое подлинное обличье.

Насколько нам известно, Лещинский и Боровик в свое время были удостоены советских боевых наград. Так, Лещинский получил премию Союза журналистов и орден Красной Звезды за серию репортажей о боевой деятельности подразделений ОКСВ, его супруга была награждена боевой медалью.

Если все, что происходило в Афганистане, они считают ошибкой и даже преступлением, то почему не откажутся от полученных наград и премий и не просят у общественного мнения прощения за многолетнюю дезинформацию советского народа?

нашей стране, естественно, не переводилась». (А специалисты Генштаба уже успели дать ей оценку!)

Насчет достоверности упомянутой книги не все ясно, поскольку, судя даже по цитатам, в ней немало домыслов. Чуть ли не на каждой странице встречаешь слова «якобы», «очевидно», «по некоторым сведениям».

Журналист так обильно цитирует Марка Урбана, что невольно задаешься вопросом, не являлся ли его книга одним из основных источников творческого вдохновения Давида Гая.

Правда, в публикациях Гая имеется ссылка и на «воспоминания нескольких офицеров-политработников, в

числе первых вступивших в ДРА». Но вот кто они, читателю неизвестно. Очевидно, Давиду Гаю так удобнее делать свои обобщения... Воспоминания рядовых и сержантов, которых интервьюировал журналист, не вызывают сомнений, хотя об этом лучше судить им самим...

Однако автор верен себе: «Военачальники, дипломаты, ученые, с которыми я только заговаривал на тему «опережения американцев», улыбались в ответ: «Типичная пропагандистская уловка, притом не очень умная». Однако кто-то считал иначе (или прикидывался, делал вид), и оттого войскам «пудрили мозги».

И в последующих публикациях Давид Гай берет за основу подобные «суждения». Во всем его цикле едва ли где прочитаешь об отношении простых афганцев к нашим солдатам. А ведь было же постоянное их общение!.. Что ни глава, то «моджахеды» — «шурави». И только. И лишь слабым штришком упомянуто о «дороге жизни», которая питала не только 40-ю советскую армию, но и сотни тысяч афганцев — стариков, женщин, детей.

В своих публикациях Давид Гай берет под сомнение любое заявление советских лидеров о военных действиях в Афганистане и тут же приводит слова

Господам Лещинскому и Боровику хорошо известно, что после вывода ограниченного контингента советских войск терроризм в отношении мирного населения и ракетные обстрелы гражданских объектов со стороны экстремистов и их покровителей увеличились в несколько раз. Почему эти господа не выражают свое беспокойство в отношении этой войны, которая полностью направлена против народа, в то время когда весь цивилизованный мир осуждает преступления экстремистов, которые убивают невинных людей, подвергают ракетным обстрелам и экономической блокаде города и кишлаки? Однако эти господа вместо того, чтобы, как и другие журналисты, поднять свои голоса и осудить преступления экстремистов, спекулируют на страданиях и гибели стариков, женщин и детей Афганистана.

Мы прекрасно понимаем психологический, политический и моральный груз и материальные расходы, которые несет Советский Союз в связи с Афганистаном. Поэтому руководство нашей страны уже сейчас занято поисками новых путей и средств для того, чтобы советско-афганские двусторонние отношения становились действительно взаимовыгодными, вышли из состояния «улицы с односторонним движением», работающей лишь в пользу Афганистана. Осуществление новых двусторонних экономических проектов наглядно покажет, что Афганистан тоже может что-то дать своему северному соседу. Например, есть много резервов в поставке газа и другого сырья, создании совместных сельскохозяйственных предприятий. Кроме того,

конструктивная позиция афганского правительства в достижении мира и национального согласия в стране, искреннее стремление руководства Афганистана найти политические пути решения афганского вопроса демонстрируют участие нашей страны и правительства в улучшении политической атмосферы в регионе и мире, что, безусловно, содействует стабилизации обстановки в мире и мирному сосуществованию народов.

Наш долг перед нашим северным соседом заключается еще и в том, чтобы южные рубежи Советского Союза и исторически сложившиеся границы между двумя странами по всей своей протяженности были границами мира и дружбы.

Мы верим, что советский народ, как и прежде, в рамках нравственных и этических обязательств, изложенных советским руководством относительно оказания помощи Афганистану, не оставит нас одних в беде, а те, кто пытается нажить политический капитал на афганской трагедии, вряд ли преуспеют в этом сомнительном и неблагодарном занятии.

**Президиум Союза журналистов
Республики Афганистан**

* * *

От редакции. В одном из ближайших номеров мы опубликуем аналитическую статью кандидата исторических наук полковника В. Г. Сафронова о событиях в Афганистане.

доктора исторических наук Г. А. Трофименко, которые, вероятно, для него более убедительны: «Да, это нехорошо — с нашей точки зрения — и даже, может быть, странно, что идет война против прогрессивного правительства, которое не желает афганскому народу ничего, кроме бла-га...». Что за «прогрессивное правительство», ни Г. А. Трофименко, ни Давид Гай не поясняют. Если имеется в виду афганская оппозиция, то о «прогрессивности» оной говорить не приходится: и сегодня по ее вине в республике льется кровь.

Давид Гай не стесняется в выражениях. В его публикации мелькают выраже-

ния: «как войскам пудрили мозги», «Муля», «пропагандистская уловка», «социалистические обязательства» (по очистке афганской территории от мятежников. — А. Ф.), «магия праздничных дат» (это о праздниках 1 Мая и 7 ноября. — А. Ф.), «левацкие завихрения НДПА», «Москва заявила на весь мир»... Создается впечатление, что Давид Гай вместе с Марком Урбаном говорит с берегов Темзы...

Как известно, наше руководство набралось мужества для принятия решения о выводе из Афганистана ограниченного контингента советских войск. Мало того, эта война на II Съезде народных депутатов СССР

была признана неправомерной. А что же дальше? Как выполняются Женевские обязательства по Афганистану правительствами США и Пакистана? Вот тут у автора, похоже, иссяк запас слов...

Читая публикации Давида Гая, поневоле приходишь к мысли: а не очередной ли это язвительный укол нашей армии, только в слегка завуалированной форме, так сказать, «припудренный»?

Кому это на руку?

**Полковник
внутренней службы
в отставке
А. М. ФАТЬЯНОВ,
участник Великой
Отечественной войны**

Военный историк А. Н. Де-Лазари

СЕГОДНЯ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
МЫ ВСЕ ЧАЩЕ ОБРАЩАЕМСЯ
КО ВРЕМЕНИ ЗАРОЖДЕНИЯ
И СТАНОВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ.
И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРИНОСИТ НАМ
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ.
ИСТОРИИ И НАРОДУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА,
КОТОРЫЕ ОБРЕТАЮТ КАК БЫ
ВТОРУЮ ЖИЗНЬ.

Н ЧИСЛУ ТАКИХ имен и таких людей по праву можно отнести видного военного историка профессора генерал-майора Александра Николаевича Де-Лазари. Жизненный путь этого человека был ярким и достаточно сложен. Даже поверхностное знакомство с деятельностью и научными трудами Де-Лазари показывает, какой незаурядной личностью и каким крупным ученым он был.

Де-Лазари родился 12 сентября 1880 года в семье офицера. Многих его предков по праву можно отнести к тем представителям российского дворянства, которые добились всинскую славу России. Прибыв в эту страну из Греции в поисках славы и богатства, прадед Де-Лазари был принят в числе других иностранцев на воинскую службу Г. А. Потемкиным¹.

Для представителей рода Де-Лазари Россия становится второй родиной. Это они доказывали неоднократно, защищая ее с оружием в руках. Время сохранило для нас формулярный список о прохождении службы прадедом Александра Николаевича — штабс-капитаном Николаем Дмитриевичем Де-Лазари в лейб-гвардии Финляндском полку: «В 1812 году в российских пределах в действительном сражении августа 26 при селении Бородино при сильной неприятельской канонаде, продолжавшейся до самого вечера, и при отражении неприятеля, покушавшегося занять лес, за которое награжден орденом святой Анны IV класса, октября 6 в экспедиции при селе Тарутине, 12 в сражении при Малом Ярославце, в 1813 году за границей в Пруссии, Польше, Богемии, Саксонии, Герцогстве Франкфур[т]ском Дормшта[дт]ском, Баденском, в действительном сражении апреля 20-го при городе Люцинов, мая 8 и 9 при городе Бадцинов, августа 14 и

15 при городе Дрезден, 16 при отражении неприятеля, 18 в сражении при селении Кульма, октября 4 и 6 в действительном сражении при городе Лейпциге при взятии по троекратном штурме холодным оружием деревни Гиссе и при совершенном разбитии неприятельской колонны награжден орденом св. Владимира IV степени с бантом².

Воинская слава предков помогла Александру Николаевичу определить свой жизненный путь. 31 августа 1891 года он был зачислен в Тифлисский кадетский корпус, как своекоштный воспитанник. В августе 1892 года его перевели на казенное содержание. В Тифлисском кадетском корпусе Александр Николаевич находился в течение 1 года и 4 месяцев. Аттестационная тетрадь кадета А. Н. Де-Лазари позволяет судить как о становлении самого воспитанника, так и об уровне учебно-воспитательной работы того периода. К примеру, в разделе «Общие черты и особенности характера» можно встретить такие замечания и наблюдения: «Религиозен. Тактичен к родителям и сильно привязан к ним. В

¹ ЦГВИА СССР, ф. 5433, д. 288.

² ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7473.

обращении с наставниками и старшими приветлив и вежлив. Крайне самолюбив и даже заносчив, отчего с товарищами нередко ссорится. К неудачам сверстников относится равнодушно и иногда как бы радуется этому, почему в среде их не пользуется авторитетом. Мало терпелив. Способен на лицемерие. Бережлив и опрятен. Откровенен, но не всегда правдив. Стараётся заслужить расположение старших³. Эти строки так и хочется сравнить с безликими шаблонными характеристиками со множеством штампов, которые, к сожалению, не дают правдивого и цельного представления о человеке. Одновременно укажем, что эта не совсем положительная характеристика в дальнейшем не смогла помешать Де-Лазари. 16 декабря 1892 года по предписанию Главного управления военно-учебных заведений Де-Лазари переводится в Сибирский кадетский корпус в городе Омске. Ныне здесь размещено Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе.

Интересна история создания этого учебного заведения. Возникло оно на сибирской земле в 1813 году как войсковое казачье училище, где воспитывались и получали образование дети сибирских казаков. Позже было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. Свыше ста лет это учебное заведение ковало военные кадры для русской армии. Многие его питомцы впоследствии стали талантливыми военачальниками и теоретиками.

Де-Лазари окончил Сибирский кадетский корпус в 1898 году со средним баллом 10,75, проявив особые склонности к географии и рисованию⁴. Вместе с одиннадцатью однокашниками Александр Николаевич 1 сентября 1898 года поступает в Константиновское артиллерийское училище, которое заканчивает 14-м по списку, имея средний балл 11, 16⁵. 13 августа 1901 года Де-Лазари производится в подпоручики и назначается в 3-ю конно-артиллерийскую батарею⁶. Прослужив 6 лет на командных должностях в конной артиллерии, в 1901 году штабс-капитан Де-Лазари поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, имея средний балл на вступительных экзаменах 9,05 и будучи 70-м по списку старшинства курса (из 121 слушателя). Вместе с ним обучаются офицеры, ставшие позже видными военными специалистами: В. Л. Барановский, В. Е. Гардо, Н. Е. Какурин, Н. А. Сулейман, Н. В. Соллогуб, С. Д. Харламов, Б. М. Шапошников⁷.

Окончив академичку А. Н. Де-Лазари в 1909 году по второму разряду⁸. Его прикомандировывают к Генеральному штабу. Здесь в полной мере проявляются его высокая эрудиция, увлеченность географией, умение мыслить аналитически. Уже в 1910 году он пишет ряд статей по специальным военным вопросам в Военной энциклопедии, вышедшей в 1912 году в 18 томах.

В 1911 году А. Н. Де-Лазари назначается старшим воспитателем Гатчинского Сиротского института императора Николая I, где обучались и воспитывались дети-сироты военных⁹.

По воспоминаниям дочерей Де-Лазари Александры Александровны и Нины Александровны, отец, будучи старшим воспитателем среднего отделения, всего себя отдавал работе с детьми. Нередко его питомцев можно было встретить за семейным столом. Александр Николаевич прививал детям чувство любви к России, тщательно и усердно готовил их к будущей военной службе.

Военно-педагогическая деятельность Де-Лазари была прервана с началом первой мировой войны. Приказом от 22 августа 1914 года по штабу 2-й армии ротмистр Де-Лазари прикомандировывается к штабу 2-й армии переводчиком разведывательного отделения¹⁰.

Документы рассказывают нам о нескольких ярких эпизодах из жизни Александра Николаевича в тот период. Например, командующий 2-й армией генерал-лейтенант Самсонов вспоминает:

«3 ноября 1914 года под Ленчицей ротмистр Де-Лазари по собственной инициативе, несмотря на уход всего штаба корпуса, остался на прежнем месте для выяснения истинной обстановки и, получив новые сведения, успел донести мне — это оказало влияние на дальнейший ход Лодзинской операции.

5 ноября 1914 года в районе Липины, когда всякая связь штаба армии с корпусом была прервана, единственный ротмистр Де-Лазари оказался живой связью, явился ко мне и выполнил полученные приказания, подвергая свою жизнь явной опасности, вырвал 2-й Сибирский корпус из тяжелого положения, а вместе с тем и весь правый фланг 2-й армии»¹¹. В связи с этим газета «Русский инвалид» (1917.— 13 мая) оповестила читателей: «...Утверждается пожалование командующим армией по удостоению местной думы из лиц, имеющих Георгиевское оружие, Георгиевского оружия, числящемуся по армейской кавалерии штаб-офицеру для поручений при командующем армией Александру Де-Лазари за то, что в боях под Ленчицей и Лодзью 3 и 5 ноября 1914 года, дважды подвергаясь явной опасности, доставил лично в штаб армии ценные сведения, проехав 15 верст под действительным ружейным и артиллерийским огнем, чем много способствовал выходу из тяжелого положения второго Сибирского корпуса, что имело решающее значение на всю Лодзинскую операцию».

На фронте Де-Лазари находился в течение 2 лет и 8 месяцев. Свой богатый боевой опыт он в дальнейшем проанализирует и обобщит в таких работах, как «Активная оборона корпуса. По опыту действий 25-го армейского корпуса под Окатовом в мае и под Красником в июне 1915» (М.: Воениздат, 1940.— С. 143 со схем., 7 отд. л. схем), «Русская артиллерия в мировой

³ Там же, ф. 320, оп. 1, т. 2, д. 3726.

⁴ Там же, т. 2, д. 3726.

⁵ Там же, оп. 2, д. 727.

⁶ Там же, д. 821.

⁷ Там же, ф. 544, оп. 1, д. 1361.

⁸ Там же, д. 1402.

⁹ Из архива А. А. и Н. А. Де-Лазари.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 2110, оп. 2, д. 41.

¹¹ Из архива А. А. и Н. А. Де-Лазари.

войне 1914—1918 гг.» (Военно-исторический журнал.— 1940.— № 7). По воспоминаниям родных Александра Николаевича, он являлся свидетелем первой газовой атаки германцев на русском фронте 20 мая 1915 года на реке Равке. В своем письме он так описывает это: «Было великодушное утро. Германцы рано начали суетиться, разогревать свои кипяильники. Вдруг в нашу сторону потянулось какое-то облако. Постепенно оно достигло наших позиций. Люди стали задыхаться. Никто не знал, с чем мы столкнулись. Потери были большими». В 1934 году им будет написана работа «Химическое оружие на фронтах мировой войны в 1914—1918 гг. Краткий исторический очерк».

Летом 1917 года А. Н. Де-Лазари покидает службу и уезжает из Гатчины в Смоленскую губернию к семье, находившейся у родственников. Случай распорядился так, что именно здесь определилась дальнейшая судьба бывшего царского подполковника А. Н. Де-Лазари. На станции Глинка Смоленской губернии Александр Николаевич был арестован крестьянами. После недолгих колебаний расстрелять его на месте или отправить для выяснения личности в Смоленск они отобрали у Александра Николаевича все награды, в том числе и Георгиевское оружие, и отконвоировали его в Смоленск. По дороге туда им повстречался А. Ф. Мясников¹², который хорошо знал Де-Лазари по фронту и смог за него поручиться. Он же и предложил Александру Николаевичу 23 февраля 1918 года поступить на службу в РККА. В это время (после отказа Л. Д. Троцкого подписать Брестский мир) войска кайзеровской Германии перешли в наступление и для защиты западных рубежей молодой Республики Советов правительство создало Западный участок отрядов завесы. Александр Николаевич получает назначение на должность начальника оперативного отдела штаба Западного фронта и Западного участка завесы, затем начальника штаба и помощника военного руководителя Смоленского района, потом начальника оперативного управления и наконец начальника штаба округа Западного района¹³. На последней должности Де-Лазари сменил С. С. Каменева¹⁴.

В Смоленске Александр Николаевич застал А. Е. Снесарева¹⁵. Здесь было положено начало их знакомству и последующей дружбе.

В конце 1919 года А. Н. Де-Лазари получает назначение на должность начальника штаба и помощника командующего войсками Западно-Сибирского военного округа и выезжает всей семьей к месту назначения в г. Омск. Как вспоминают его дочери Александра Александровна и Нина Александровна, переезд через всю Россию

в условиях гражданской войны занял почти четыре месяца. Особенно трудоемкими были переправы через реки, так как мосты были разрушены. Приходилось спускать вагоны на лед и перетаскивать их на другой берег на лошадях. Из-за отсутствия дров часть пути в паровозных котлах жгли вобулу. Тем не менее путешествие закончилось благополучно.

В Омске Де-Лазари развил кипучую деятельность. В первую очередь все усилия его были направлены на то, чтобы предотвратить эпидемию сыпного тифа: до таяния снегов на местах сражений с колчаковцами необходимо было произвести захоронение трупов. Много сил и энергии требовали также организация войск и управление ими, снабжение и вооружение частей. В это время Де-Лазари пришлось работать в тесном контакте с В. И. Шориным¹⁶ и Ф. М. Афанасьевым¹⁷.

Непосредственное участие принимал Де-Лазари и в формировании Сибирской Трудовой армии на базе 3-й армии Восточного фронта (в конце 1920 года). Позже он занимал должность начальника штаба этой армии и одновременно преподавал в Высшей военной школе Сибири.

После окончания гражданской войны Александр Николаевич активно занялся военно-научной работой. В 1921—1922 гг. он являлся редактором Военно-исторической комиссии Высшего военного редакционного совета, где работал под руководством С. И. Гусева, а потом М. В. Фрунзе. Его коллегами по совету были начальники академии РККА А. Е. Снесарев, главком С. С. Каменев, главначвуз Д. А. Петровский и многие другие видные военачальники времен гражданской войны. Совместная работа с ними способствовала определению дальнейшей деятельности Де-Лазари. В феврале 1922 года Де-Лазари назначен начальником редакционной части и старшим преподавателем кафедры военной истории Военной академии РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе).

С первых дней работы в академии Де-Лазари всецело отдаст себя достижению большой задачи: дать армии командиров, прекрасно разбирающихся в вопросах истории военного искусства. Широкая эрудиция, немалый боевой опыт и разносторонние способности, а также честное отношение к выполнению своих обязанностей создали Александру Николаевичу заслуженный авторитет.

Как ученый и военный педагог А. Н. Де-Лазари особое внимание уделял научно-исследовательской работе. Наибольший вклад внес он в обобщение опыта первой мировой и гражданской войн. Причем неопределимую помощь и поддержку оказала ему в этой работе дружба с А. Е. Снесаревым, который как бы направлял его исследовательскую деятельность, точно корректировал ее с работой других известных военных деятелей и педагогов, таких, к примеру, как профессор Лукирский, П. П.

¹² А. Ф. Мясников (1886—1925) — главнокомандующий Западным фронтом, член КПСС с 1906 г.

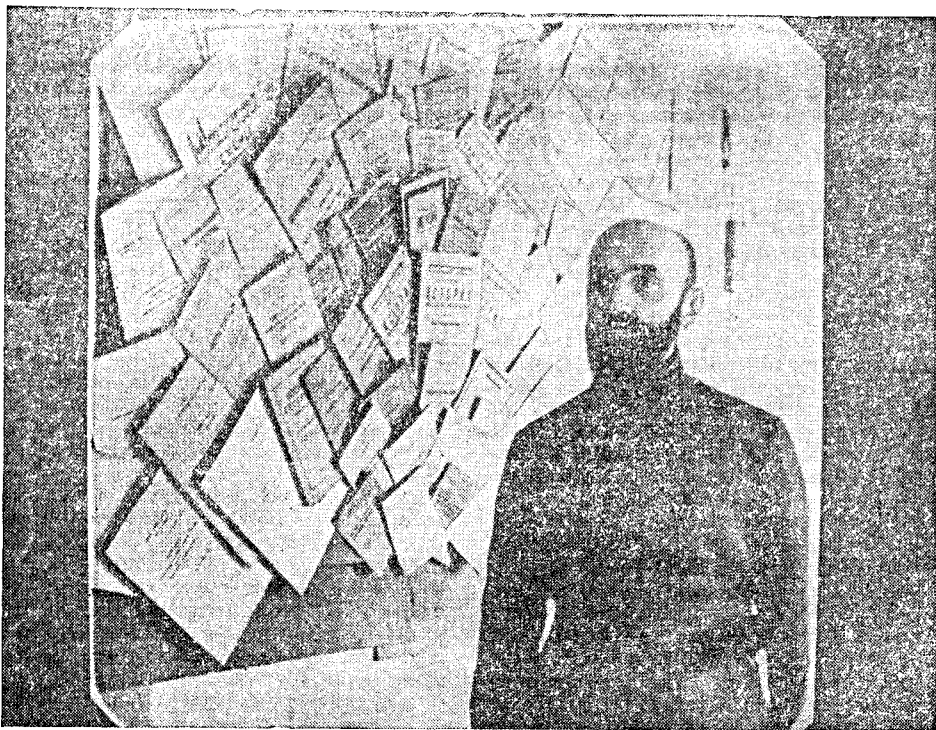
¹³ Военно-исторический журнал. — 1980. — № 9.

¹⁴ С. С. Каменев (1881—1936 гг.) — советский военачальник, член КПСС с 1930 г.

¹⁵ А. Е. Снесарев (1865—1937) — бывший генерал-лейтенант русской армии, профессор. Занимал должность начальника академии Генерального штаба РККА.

¹⁶ В. И. Шорин (1870—1938) — помощник главнокомандующего Вооруженными Силами Республики по Сибири.

¹⁷ Ф. М. Афанасьев (1883—1935) — начальник штаба, помощник главнокомандующего Вооруженными Силами Республики по Сибири.

Сытин, В. Ф. Новицкий, Д. Н. Надежный, А. А. Свечин и другие¹⁸.

Вот как вспоминал об этом периоде деятельности Де-Лазари генерал-лейтенант запаса А. И. Тодорский¹⁹: «Имя А. Н. Де-Лазари знали в Советской Армии все командиры и политработники, изучавшие историю первой мировой и гражданской войн по знаменитым атласам Де-Лазари, в предельно доходчивой и популярной форме раскрывшим всю картину подготовки и проведения войны, операций, сражений и исторических боев»²⁰.

Надлежит отметить особо, что Александр Николаевич и в тот период, и в дальнейшем тратил очень много сил и энергии на составление и издание картографических материалов, иллюстрирующих события военной истории, являясь поистине пионером в этой области. Де-Лазари разработал многие сложные карты и схемы по истории первой мировой и гражданской войн. Это были первые работы такого рода, и они представляли собой оригинальный творческий труд. Например, составленный А. Н. Де-Лазари атлас «Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.» (М.: Воениздат, 1934.—53 карты) и особенно атлас «Альбом схем по истории гражданской войны в СССР (1917—1922 гг.)» (М.: Воениздат, 1939.—42 карты) благодаря умело подобранному текстовому и графическому материалу освещали все важнейшие события первой мировой и гражданской войн.

Напряженно работая лично, Александр

А. Н. Де-Лазари у стенда выставки своих работ

Николаевич в то же время всемерно способствовал накоплению в военной литературе фундаментальных исследований по изучению опыта гражданской войны. Академия обладала тогда блестящими преподавательскими и слушательскими кадрами, имевшими громадный опыт гражданской войны. Важно было этот опыт обобщить. Вот что вспоминает М. Э. Струве²¹: «Будучи начальником редакционно-издательской части, А. Н. Де-Лазари проводил большую работу по изданию трудов профессорско-преподавательского состава и слушателей как средствами самой академии, так и через Высший военно-редакционный совет»²².

В 1932 году у нас в стране создается Военная академия химической защиты РККА имени К. Е. Ворошилова (ныне Военная академия имени С. К. Тимошенко). Для усиления профессорско-преподавательского состава во вновь созданную академию из других учебных заведений переводится ряд преподавателей. В их число попал и А. Н. Де-Лазари. Перевод был воспринят внутренне без особого желания. Но, будучи человеком дисциплинированным и обязательным, Александр Николаевич и на новом месте активно включается в работу. Как вспоминают его бывшие слушатели и коллеги, отличительными чертами характера Де-Лазари являлись его неутоми-

¹⁸ См.: Военно-исторический журнал. — 1965. — № 2.

¹⁹ А. И. Тодорский (1894—1965) — генерал-лейтенант, член КПСС с 1918 г.

²⁰ Семейный архив А. А. и Н. А. Де-Лазари.

²¹ М. Э. Струве — старший научный редактор Большой Советской Энциклопедии, член КПСС с 1942 г.

²² Семейный архив А. А. и Н. А. Де-Лазари.

мость и громадное желание выполнить порученную работу как можно лучше.

Генерал-лейтенант в отставке Окулич, бывший начальник командного факультета, отмечал: «Только что созданная академия в числе других военно-технических академий нуждалась в опытных и знающих командирах-преподавателях. В лице Де-Лазари академия получила такого преподавателя, и он своей энергичной и творческой работой сыграл выдающуюся роль в организации учебного процесса»²³.

Следует подчеркнуть, что этот период в жизни Александра Николаевича был наиболее плодотворным для его научной деятельности. Он подготовил 3-е издание труда А. М. Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.» (М.: Воениздат, 1936; 2 тома и атлас с 64 схемами). В это издание, выпущенное после смерти автора, А. Н. Де-Лазари внес многочисленные редакторские дополнения и уточнения, а также написал для него «Введение», «Послесловие и выводы» и новые разделы труда, дополнил его схемами.

Курс лекций по истории военного искусства, читавшийся А. Н. Де-Лазари в академии химической защиты РККА имени К. Е. Ворошилова в течение ряда лет, был выпущен академией в 1939 году. К числу научных работ А. Н. Де-Лазари принадлежит также его труд «Активная оборона корпуса. По опыту действий 25-го армейского корпуса в 1915 году» (Изд. 2-е.—М.: Воениздат, 1940).

В 30-е годы А. Н. Де-Лазари являлся научным сотрудником отдела истории войн «Советской Военной Энциклопедии». Для вышедших двух томов этого издания, а также подготовлявшихся следующих томов им было написано много ответственных статей на военно-исторические темы. Ученый принимал непосредственное участие и в подготовке первого тома «Истории гражданской войны», вышедшего в 1935 году.

А. Н. Де-Лазари написал ряд статей для первого издания «Большой Советской Энциклопедии». Так, для 44-го тома (1939 г.) им был подготовлен большой очерк о военных событиях 1914—1918 гг. (статья «Первая мировая война» со схемами и хронологическими таблицами), для 46-го — статья «Полтавское сражение 1709 г.» и ряд других.

Одновременно А. Н. Де-Лазари являлся активным сотрудником «Военно-исторического журнала», сделал много для организации Дома Красной Армии (ныне ЦДСА), Музея Красной Армии (ныне Вооруженных Сил), Музея народов СССР.

Однако, несомненно, одной из самых значительных его работ является «Мировая война 1914—1918 гг. в синхронистических таблицах», опубликованная в книге «Десятилетие мировой войны» (Сборник статей.—М.: Вестник воздушного флота, 1925.—С. 341—423). Надо сказать, что метод синхронистического отображения исторических событий одновременно с раскрытием основных сторон развития общества (экономической, политической, военной и т. д.) находил положительную оценку в трудах Маркса и Ленина.

Синхронистическая таблица А. Н. Де-Лазари, посвященная мировой войне 1914—1918 гг., начинается с Сараевского убийства 28 июня 1914 года, послужившего формальным поводом к войне, и заканчивается заключением перемирия на всех фронтах мировой войны (11 ноября 1918 года).

Первая часть таблицы включает четыре основные графы. Первая — военные действия на всех театрах: Западно-Европейском, Балканском и Итальянском, Восточно-Европейском (русский фронт), Азиатском, война в колониях и на море. Ход боевых действий на фронтах первой мировой войны рассматривается не только на фоне крупных сражений, но и даже на фоне отдельных операций и носит всеобъемлющий характер.

Графа вторая посвящена важнейшим экономическим событиям мирового значения.

Важнейшие политические события мирового значения рассмотрены в графе номер три. Кроме того, в графе четвертой А. Н. Де-Лазари введен в синхронику раздел «Война — войне», представляющий ныне особо актуальный характер. В этой графе на конкретных фактах, событиях и эпизодах А. Н. Де-Лазари раскрывает последовательную и упорную революционную борьбу Коммунистической партии и лично В. И. Ленина против империалистических войн за мир во всем мире.

Приведу основные данные из этой графы. Например, 8 августа 1914 года датируется «арест В. И. Ленина в Нов. Торге (в Австрийской Галиции)», 19 августа 1914 года — освобождение из тюрьмы В. И. Ленина 21 августа 1914 года — отъезд В. И. Ленина в Швейцарию, а 1 сентября 1914 г. таблицы фиксируют появление листовок против войны с призывом к рабочим запастись оружием, выпущенных Петроградским комитетом РСДРП и местными организациями на Кавказе, в Польше, Литве и т. п.

Заполняя свои таблицы до 7 ноября 1917 года («Великая Октябрьская социалистическая революция»), А. Н. Де-Лазари видоизменяет их графы. Он берет в основу таблицы два раздела:

первая, основная графа — «Продолжение мировой войны»;

вторая, основная графа — «Гражданская война».

Графа «Гражданская война» имеет подграфы:

а) «Война — войне» («За Власть Советов»);

б) фронт внутренней контрреволюции;

в) интервенция.

К своим синхронистическим таблицам по мировой войне 1914—1918 гг. А. Н. Де-Лазари составил и весьма наглядные карты-схемы.

Эта работа явилась первой попыткой дать всеобъемлющий научный анализ и ввести систематизацию первой мировой войны. Прослеженная взаимосвязь собственно военных событий и событий иного порядка дает возможность представить более точную картину войны. Четко показана зависимость факторов военных от экономических, политических идеологических мероприятий.

²³ Там же.

КАМПАНИЯ 1917 ГОДА

Важнейшие экономические события	Важнейшие политические события	«ВОЙНА — ВОЙНЕ»
1	2	3

11. Международная конференция в Петрограде для урегулирования вопроса снабжения русской армии.
15. Заключение союзного Совета о твердых ценах на курсы процентных бумаг.
18. Сопешание в Берлине с австрийским министром — президентом Клам Мартини и венгерским министром — президентом гр. Тисса по военно-экономическим вопросам.
- Назначение правительственного комиссара химической промышленности в Германии.

Потоплено за январь 4.395.000 тонн
коммерческих судов.

16. Результат 3-го англ[ийского] военного займа — 1.000.312.950 ф[унтов] стерлингов новыми деньгами.
17. Речь ст. секретаря Гельфериха в 45-м пленарном заседании германского сель[ьско]-хоз[яйственного] совета о значении сельского хозяйства на войне.
19. Назначение помощника ст. секретаря Михаэлиса — прусским комиссаром продовольствия.
23. Разрешение Рейхстагом дальнейшего 15-миллиардного воен[ного] кредита.
24. Сопешание об урегулировании угля в Германии.

Потоплено за февраль 781.500 тонн
коммерческих судов.

2. Начало дебатов в итальянском парламенте об экономической нужде Италии.
5. Запрос в русском госуд[арственном] совете о катастрофическом положении путей сообщения.

9. Указ Вильгельма о введении неограниченной подводной войны с полной энергией.
10. Общий ответ Антанты на американскую мирную ноту.
25. Замена главнокомандующего Жоффра генералом Нивелем.
31. Передача герм[анской] ноты о подводной войне. Телеграмма Бернсдорфу.

3. Разрыв дипломатических сношений Америки с Германией.
14. Нота французского министра иностранных дел французскому послу в Петрограде об условиях мира с Германией, в которых заинтересована Франция и за поддержку которых Франция обязуется отстаивать право России на проливы.
26. Послание Вильсона сенату.

2. Смерть гр. Цеппелина в Германии.
9. Всеобщая забастовка в Петрограде.
10. Свержение самодержавия в России.
11. Роспуск Государственной Думы.
12. Образование Исполни-

ЯНВАРЬ

- 11—18. Приезд Троцкого в Нью-Йорк и вступление его в газету «Новый мир» (газета с уч. Бухарина, Мельничанского, Чудновского и др.).
25. Суд над Розой Люксембург.
31. Статья Н. Ленина в № 58 «Соц. Дем.» с призывом к революционному пролетариату Англии, Франции, Германии и России свергнуть свои буржуазные правительства, превратив империалистическую войну в гражданскую за социализм.

ФЕВРАЛЬ

МАРТ

10. Восстание войск в Петрограде.
12. Образование Совета Рабочих Депутатов в Петрограде.
13. Присоединение войск в Москве к революционному движению. Взятие Шлиссельбургской крепости.
14. Образование Совета Рабочих Депутатов в Москве.

1	2	3
13. Введение мясных, жировых, сахарных, мучных и хлебных карточек в Италии. 24. Запрещение во Франции ввоза иностранных товаров.	тель[ного] Комитета Госуд[арственной] Думы и Временного правительства в Петрограде. 13. Выход № 1 «Известий Петроградского Совета Депутатов». 15. Отречение от престола Николая II. 16. Признание союз[ными] державами нового правительства в России. Разрыв дипломатических сношений Китая с Германией. 17. Декларация Вр[еменно]го правит[ельства] России о независимости польского народа. Отречение от престола вел. кн. Михаила. 18. Арест Николая II в Могилеве. 22. Образование нового министерства Рибо во Франции. 27. Военно - политическая конференция в Париже.	17. Освобождение полит[ических] заключенных в Сибири. 18. Выход № 1 «Правды». 25. Демонстрация в Москве с требованием мира. Письмо Ленина из Цюриха с программой мира и войны за этот мир против всех буржуазных правительств мира. 27. Обращение Петр[оградского] Совета Депутатов к пролетариату всего мира о прекращении войны. 31. Призыв «Арбейтер Политик» к объединению группы «Интернационале» («Спартак»), бременск[их] лево-радикалов «Арбейтер Политик», отдельно от «Арбейтер Гемейншафт» (центра).

Потоплено за март 885.000 тонн
коммерческих судов.

2. Совещание во франц[узском] парламенте о введении предельных цен на зерно. 5. Запрещение в Италии ввоза иностранных товаров. 9. Введение государственной монополии хлебной торговли в России. 10. План американского морского департамента постройки 1.000 деревянных судов по 3.000 тонн каждое. 13. Забастовочное движение в промышленных центрах Германии против уменьшения хлебного пайка и введения трудовой повинности. 15. Взятие на учет хлебных продуктов во Франции. 18. Результат 6-го герм[анского] воен[ного] займа — 13.122.069.600 марок при 6.768.089 подписчиков.	2. Послание Вильсона конгрессу о русской революции. 6. Объявление (33-е) Соединенных Ш[татов] Сев[ерной] Америки войны Германии. 7. Пасхальное обращение Вильгельма к армии. 8. Объявление (34-е) Кубой войны Германии. 10. Объявление (35-е) Панама войн[ны] Германии. 11. Объявление (36-е) Бразилии войны Германии. 12. Возвращение Плеханова в Петроград после 40-лети[его] изгнания. 13. Объявление (37-е) Бولیвией войны Германии. 14. Резолюция Петр[оградского] Совета Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] за мир без аннексий и контрибуций. Письмо Карла I Вильгельму. Секр[етное] донесение гр. Чернина. 18. Всеобщая стачка металлистов в Берлине.

Потоплено за апрель 1.091.000 тонн
коммерческих судов.

1. Дебаты во француз[ском] парламенте о снабжении жизненны-	1. Первое свободное празднование 1 мая в России.

АПРЕЛЬ

4. Арест и интернирование в Галифаксе (Англия) возвращающихся из Америки в Россию тт. Троцкого, Мельничанского, Чудновского и других.
- 6—9. Создание «независимой» партии Германии в Гота с вхождением в нее группы «Интернационале» в виде союза «Спартак».
13. Статья Н. Ленина в № 31 «Правды», разоблачающая политику Милокова и Вр[еменно]го правительства и «Единство» Плеханова.
15. Выход первого номера «Солдатской правды» — центр[ального] орг[ана] «Военной Организации» б[ольшеви]ков.
16. Приезд из-за границы в Петроград В. И. Ульянова-Ленина, Зиновьева и др. в запломбированном вагоне.
17. Доклад тезисов В. И. Ленина в Таврическом дворце о задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы).
18. Статья Н. Ленина в № 34 «Правды» с призывом требования от Вр[еменно]го правительства передачи всей власти Советам.

МАЙ

1. Прибытие в Петроград из-за границы Троцкого, Мельничанского, Чудновского и др.

1	2	3
ми припасам. 2. Воззвание англ[ийского] короля к народу о сокращении потребления хлеба. 4. Взятие на учет хлебных, кукурузных и мучных запасов в Италии. 11. Стачки: за прекращение войны и экономическая в Париже. Бунты в 17 полках на французском фронте. Расстрелы. Отправка мятежных войск в Лима и раскассирование их.	2. Сформирование комиссии реформ. 3. Нота Милокова о целях войны. 4. Ответ рейхсканцлера на секретный доклад Черинна. 15. Замена ген[срала] Нивеля — ген[ералом] Петеном во Франции. 16. Образование коалиционного министерства с представителями социалистических партий. Назначение Керенского военным министром в России. 17. Объявление (39-е) Гондурасом войны Германии. Совещание в герм[анской] главной квартире в Крайснахе с австрийск[им] министром иностр[анных] дел гр. Черниным. 20. Объявление (40-е) Либерией войны Германии.	3. Статья Н. Ленина в № 47 «Правды», разоблачающая защитников империализма Чернова, Чхеидзе, Церетелли, Шейдемана и Плеханова. Крупные волнения и демонстрации в Петрограде. Митинги протеста против Врем[енного] правительства. 5. Призывы бременских и гамбургских лево-радикалов «Арбейтер Политик» и социалистов интернац. Германии к образованию левой группы Интернационалистов, за исключением группы «Интернационале» («Спартак»), как вошедших в независим[ую] социал-демократическую партию Германии. 9. Резолюция Петроград[ского] Сов[ета] Раб[очих] Деп[утатов] о созыве Стокгольмск. соц. конференции. 10. Статья В. И. Ленина в № 59 «Правды» с предложенной программой революционных рабочих всего мира: развить братание и распространить фактическое перемирие на всех фронтах, ускорить рост рабоч[их] революцион во всех странах, ускорить переход власти к Советам, ускорить заключение действительного справедливого всеобщего мира в интересах трудящихся. 11. «Статья» Н. Ленина в № 19 «Солд[атской] Правды» о необходимости перехода всей власти Советам. 7—12. Всероссийская конференция Р.С.Д.Р.П. большевиков (апрельская) в Петрограде. 20. Присуждение к смертной казни в Вене Фр. Адлера за убийство им австр[ийского] министра Штюргка. 22. Приезд в Россию 217 эмигрантов (Рязанов, Луначарский, Мартов и др.). 25. Статья Н. Ленина в № 65 «Правды» «Как кончить войну» с призывом к пролетарской революции и сосредоточению усилий на низвержение капиталистов. 29. Выступление в Кронштадте против Врем[енного] правительства.

Потоплено за май 869.000 тонн
коммерческих судов.

7. Результат 6-го австро-венг[ерского] военн[ого] займа в 7.689 т. крон
23. Результат Американского займа Свободы — 3.035.226.850 долларов.

6. Миссия лорда Нордкифа (Англ[ия]) в С[оединенных] Ш[татах] Сев[ерной] Америки.

Начало перевозки американских войск в Европу.

7. Разрыв дипломатических сношений С. До-

ИЮНЬ

6. Статья Н. Ленина в № 74 «Правды» с призывом против наступления, за переход всей власти Советам, за международную рабоч[ую] революцию против капитала.
7. Статья Н. Ленина в № 75 «Правды» с призывом к миру через рабоч[ую] революцию и ре-

1	2	3
	минго и Гаити с Германией. 11. Отречение греческого короля Константина от престола. 11. Возвращение П. Кропоткина в Россию. 15. Декларация прав народов России и открытие 1-го Всероссийского съезда Советов в Петрограде. 22. Новое Врем[енное] министерство Зейдлера в Австрии. 25. Возвращение Венизелоса в Афины. 29. Присоединение Греции к Антанте.	волюционную войну против капитала. 22. Отказ матросов Вильгельмстафена в повиновении. Расстрел Рейхлихта и Кобеса и каторга группе матросов на 400 лет. 27. Всероссийская конференция фронт[овых] и тылов[ых] военных организаций Р.С.Д.Р.П.(б). 30. Речь Н. Ленина на съезде Советов, напечатанная в №№ 95, 96 и 97 «Правды» с разъяснениями о войне и с призывом к крестьянам «напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам — тогда война кончится».
Потоплено за июнь 1.016.000 тонн коммерческих судов.		

Закончив синхронистические таблицы по мировой войне 1914—1918 гг., А. Н. Де-Лазари начал составление новых, которые охватывали период гражданской войны и часть лет мирного строительства социализма в СССР. К сожалению, участь этой работы неизвестна, хотя она также представляет большой исторический интерес.

В мае 1940 года А. Н. Де-Лазари было присвоено воинское звание генерал-майор и ученое звание профессор²⁴. В сентябре 1940 года вся академия отмечала его 60-летие. Академическая газета «Ворошиловец» (1940.— 13 сентября) посвятила ему страницу. Московское радио в одной из своих передач уделило Александру Николаевичу специальное время. Казалось бы, все идет хорошо.

Тем не менее тучи над головой Александра Николаевича начали сгущаться. Както раз после очередного визита в ПУР он вернулся расстроенным. Ему было указано, что в ходе своих публичных выступлений и лекций его точка зрения на возможность войны с фашистской Германией расходится с официальными взглядами, которых он должен придерживаться. Кроме того, хотя у Де-Лазари уже были готовы новые синхронистические таблицы по периоду гражданской войны и мирного социалистического строительства, ощущалось определенное давление сверху, мешавшее издать их.

Нападение фашистской Германии подтвердило предвидение Александра Николаевича. 23 июня 1941 года в академии собрали личный состав и определили дальнейшие действия. А. Н. Де-Лазари, несмотря на возраст, был готов к тому, что его опыт и знания пригодятся для защиты Родины. К сожалению, этому не суждено было случиться.

24 июня 1941 года родные видели Александра Николаевича в последний раз. В ночь на 25 июня 1941 года по орде-

ру № 60 3-го управления НКВД он был арестован. В ходе следствия находился в Бутырской тюрьме до 18 октября того же года. В связи с подходом фашистов к Москве заключенных перевели в Саратов. Решением ОСО НКВД от 13 февраля 1942 года А. Н. Де-Лазари был осужден за измену Родине, шпионаж в пользу Италии сроком на 10 лет. Последнее известие о муже и отце семья Де-Лазари получила значительно позже. Ей сообщили, что 17 сентября 1950 года в возрасте 70 лет Александр Николаевич Де-Лазари скончался в заключении от инфаркта миокарда.

27 ноября 1989 года автор статьи получил ответ из КГБ СССР о том, что 23 февраля 1942 г. А. Н. Де-Лазари был расстрелян, «как участник антисоветского военного заговора».

28 апреля 1956 года Военная коллегия Верховного суда Союза ССР пересмотрела дело по обвинению Де-Лазари Александра Николаевича и отменила постановление Особого совещания при НКВД СССР от 13 февраля 1942 года из-за отсутствия состава преступления.

Таким образом, сама жизнь подтвердила, что А. Н. Де-Лазари был и честным человеком, и гражданином. Но его реабилитация на сегодняшний день все еще носит половинчатый характер. До настоящего времени не произошло реабилитации научного наследия Александра Николаевича. Труды Де-Лазари незаслуженно забыты, а рукописи синхронистических таблиц по гражданской войне и мирному социалистическому строительству была изъята при аресте и до сих пор их судьба неизвестна. Хотелось бы верить в положительное решение этих вопросов.

Автор благодарит В. М. Дудника, А. Г. Кавтарадзе, Александру Александровну и Нину Александровну Де-Лазари, коллективы ЦГВИА и ЦГА СССР за оказанную помощь при подготовке статьи.

²⁴ См. Военно исторический журнал. — 1980. — № 9.

БЕРИЕВЩИНА[★]

4. ФИЛАНТРОПЫ

ЕСЛИ бериевщину рассматривать не только как систему организованной преступности и некий прообраз советской мафии, а как социальное и политическое явление, то будет вполне оправданным сказать, что своеобразным бериевским микробом, т. е. стремлением к лидерству, заражен в той или иной мере каждый человек. Более того, взвешенное, соразмерное с возможностями и обстановкой желание быть первым — в учебе, спорте, творчестве, производственных и служебных делах, политике — является двигателем прогресса не только для какой-то одной индивидуальности, но и для общества в целом. Когда же естественный и закономерный порыв к новым результатам и рубежам перерастает в непомерную по масштабам и несоразмерную с личностными качествами зарвавшейся особы жажду персональной власти и славы, тогда карьеристские и вождистские амбиции входят в резкие противоречия с интересами общества и законом, становятся не только вредными, но и опасными. Здесь и начинается эта самая бериевщина — культ должности, власти, насилия, культ наживы политического и материального капитала, ничего общего ни с социализмом, ни с советским строем, ни с целями Коммунистической партии и интересами народа не имеющая. В такой стадии с этим явлением, вернее, с его носителями, бороться сложно и тяжело. Поползновения к бериевщине нужно рассматривать и пресекать значительно раньше, чем ее «микробы» организуются. Ведь эти поползновения чаще всего то ли вызываясь открыты, то ли замаскированы кое-как.

Взять того же Лаврентия Берия. Его «влезание» в партийный и государствен-

ный аппарат, «вползание» в яркую личину видного политического деятеля и крупного военного стратега происходило на виду у многих влиятельных, действительно популярных в партии и народе лиц. Да, покровителей у Берии нашлось вопреки здравому смыслу немало. Они закрывали глаза на «ошибки молодости» рвущегося к высоким постам карьериста, пропускали мимо ушей гнусные истории, связанные с их подопечным, отмахивались от настораживающих оценок в партийных и служебных анкетах, которые давали Берии более близко знавшие его люди.

А слухов и фактов, которые свидетельствовали как о политической ненадежности Л. П. Берии, так и о деградации его как личности (повторимся — понятие «личность» не очень-то применимо к этому имени) к началу двадцатых годов, т. е. к тому времени, когда «восхождение злодея» пошло резко в гору, накопилось предостаточно для того, чтобы приостановить его зловещую карьеру.

Из уст в уста, где тайно, а где открыто, передавали, к примеру, рассказ о том, что Берия в 1918 году являлся командиром взвода охраны Бакинской коммуны, и все диву давались, как ему удалось спастись, а тем более избежать ареста, в то время как те, кого он при Советской власти охранял, были и арестованы, и расстреляны. Этот эпизод был известен Хорену Ивановичу Григоряну, служившему в тридцатые годы в МВД Азербайджанской ССР, а в 1918 году — писарем во взводе охраны бакинских комиссаров, которым якобы командовал в то время Берия¹.

В материалах следствия хранятся показания бывшего чекиста, отсидевшего в бериевских лагерях четырнадцать лет, Георгия Сергеевича Доценко. В 1933 году он по пути из Сочи в Москву, где служил секретарем заместителя председателя ОГПУ Я. С. Агранова, заехал в Ростов к

^{*} Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 5, 7. — 1990. — № 1.

¹ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 4, л. 56.

старым боевым товарищам, участникам гражданской войны на Кубани. После обычных в такой ситуации расспросов и воспоминаний капитан госбезопасности Баланиук, когда речь зашла о давних событиях, вдруг сообщил:

— А знаешь, у нас лежит большой материал о делишках Берии...

Из дальнейших подробностей, которыми поделился Баланиук, вырисовывалась довольно-таки неприглядная история. Когда Берия возглавил секретно-политический отдел (СПО) Азербайджанской ЧК (апрель 1921 г.), он вынудил двух армянских коммунистов дать письменные свидетельства о том, что якобы он, Берия, вместе с ними находился в 1919 году в подпольной большевистской организации в Баку. Поддавшись угрозам и написав требуемые заявления, но зная коварный, мстительный нрав своего «соучастника», двое друзей поспешили покинуть Баку. Вскоре они оказались в Ростове. Угрызения совести за дачу ложных подтверждений и боязнь дальнейшего преследования со стороны Берии заставили явиться в местные органы НКВД и рассказать о случившемся. Видимо, они дали еще какие-то сведения, но Баланиук, намекнув об этом, не стал больше ничего о них говорить.

О наличии таких материалов в СПО управления НКВД (УНКВД) Ростовской области знали также уполномоченный представитель ОГПУ на Северном Кавказе Евдокимов, начальник СПО Ростовского УНКВД Жупахин, его заместитель Гатов, помощник начальника областного управления Ершов-Лурье. По словам Баланиука, Евдокимов докладывал об этих материалах лично Ягоде и Сталину. Но для Берии все сошло с рук². Более того, он пошел на повышение и стал «вскоре уже, — как он сам сообщал в автобиографии, — начальником сек[ретно]-опер[ативного] отдела — заместителем председателя Аз[ербайджанской] чека»³.

В памяти того же Доценко сохранилась давняя встреча с Берией. О ней он поведал следователю 29 июля 1953 года:

«...В феврале 1922 г. я с группой чекистов — [в составе] председателя Кубано-Черноморского ЧК Шленова Дмитрия, отчество его не знаю, начальника секретно-оперативной части Пудиско Яна, отчество его не помню, работника особого отдела Закржевского Стакисласа, отчество его не знаю, и меня, Доценко, начальника сек-

ретного отделения по борьбе с антисоветскими партиями, — прибыл в г. Тифлис для работы во вновь организованном полномочном представительстве ВЧК в Закавказье, где получил назначение на должность начальника отделения по борьбе с грузинскими меньшевиками и национал-федералистами.

Летом 1922 г. я с группой чекистов выходил из здания тогда уже Закавказской ЧК на обед. Жил я в то время по ул. Кипиановской, д. № 25, под Давыдовской горой. К подъезду подъехала открытая машина, из которой на ходу выскочил молодой стройный человек в офицерском новом костюме, в пенсне и обратился к нам с вопросом: «Панкратов еще у себя?» Мы ответили, что Панкратов еще у себя. Панкратов был начальником секретно-оперативного отдела Закавказской ЧК и заместителем председателя того же ЧК, тогда Могилевский.

На мой вопрос к Закржевскому и Пуднису, кто этот человек, они мне ответили, что это Берия, начальник СПО Азербайджанской ЧК, грузин с замашками Наполеона... Позже я неоднократно видел Берию в Тифлисе и Москве, но никогда с ним не разговаривал и знаком не был.

Надо сказать, что еще в 1922 г. при беседе с председателем Закавказской ЧК Могилевским, когда стоял вопрос о привлечении в аппарат Зак[авказской] ЧК грузина-переводчика для перевода большого количества подпольной меньшевистской литературы, накопившейся у нас, Могилевский мне сказал: «Может, возьмем Берию из Баку!» Я ответил, что я Берию не знаю и вряд ли он пойдет к нам переводчиком, так как он работает начальником СПО. После этого Могилевский мне сказал: «Нет, Берию не возьмем. О нем ходят нехорошие слухи. Поеду в ЦК Грузии и потребую там человека, коммуниста-переводчика». Какого рода нехорошие слухи в отношении Берии, Могилевский мне не пояснил...»⁴.

Другой свидетель, Соломон Ильич Новиков, с сентября 1921 года по сентябрь 1924 года заведовал по направлению Центрального Комитета партии Высшей партийной школой ЦК КП Грузии и учебной частью Закавказского коммунистического университета. В январе 1923 года из Баку в Тифлис (Тбилиси) приехал Берия на должность начальника секретно-оперативного

² Там же, т. 4, лл. 30—32.

³ Личное дело Л. П. Берии.

⁴ Дело по обвинению Л. П. Берии..., т. 4, лл. 28—30.

управления Грузинской ЧК, «присоединив» через полтора года к этой должности и другую — заместителя председателя ГПУ Грузии⁵.

Прибыв в Тбилиси, Берия, по словам Новикова, попал под влияние Буду Мдивани, который «возглавлял грузинских национал-уклонистов-троцкистов». Обладая большой властью в республике, являясь председателем Совета Народных Комиссаров (СНК) Грузии (1921—1923 гг.), Мдивани якобы всячески препятствовал организации Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики и выдвинул лозунг «лицом к Константинополю». Он проектировал выселение армян из Тбилиси (впоследствии Берия пытался проводить этот проект в жизнь)⁶ и подготовил закон, воспрепятствовавший смешанным бракам по национальному признаку. К примеру, девушка (женщина)-грузинка, вышедшая замуж за русского или армянина, теряла грузинское гражданство. Решением XV съезда ВКП(б) Мдивани был исключен из партии⁷.

Еще один свидетель, Искандер Ростамович Степанов, вспомнил одно из выступлений Серго Орджоникидзе в бытность последнего секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). Серго говорил с возмущением о том, что Берия «уничтожил документы, разоблачающие меньшевистское правительство в Грузии, что в период разложения и саморазоблачения меньшевиков Грузии Берия вызывал их к себе и угрожал, почему они малодушничают, и призывал меньшевиков держаться крепко и не поддаваться агитации большевиков...»⁸. Берия, если верить Искандеру Ростамовичу, являлся одним из инициаторов восстановления бывших меньшевистских таможен на станциях Садахло и Пойлу с пропускным режимом передвижения, ограничивающим въезд в Грузию из Армянской и Азербайджанской республик⁹. Это про-

исходило после восстания грузинских меньшевиков (август 1924 г.), охватившего значительную часть республики. В Тбилиси же восстание было предотвращено благодаря энергичному руководству Закрайкома ВКП(б), а также личной активности Орджоникидзе, Мясникова, Атарбекова и Могилевского. Берия же, как ходили упорные слухи, располагая достоверными сведениями о готовящемся восстании, не только не предпринял никаких мер, не только не предупредил об этом руководство партии и Закавказского ЧК, но и поддерживал меньшевиков. Но постепенно эти слухи заглохли, как и стало замалчиваться обвинение, исходившее от Орджоникидзе в адрес двурушничества Берии. Правда, в 1937 году они получили новый всплеск. «...Мне стало известно из разговоров многих людей, — показывал 4 августа 1953 года на одном из допросов И. Р. Степанов, — фамилии их уже не помню, что по ордеру... Ежова Берия подлежал аресту, однако он не был арестован. По слухам, Берия связался по телефону с тов. Сталиным и просил разрешения выехать к нему, что ему было разрешено... С каким материалом Берия вылетел в Москву, мне неизвестно, но вскоре после приезда Берии в Москву Ежов был снят с должности министра (наркомма. — Авт.)... а на его место был назначен Берия»¹⁰.

Но сведения счетов с опасными свидетелями или своими противниками Берия, как уточняют следственные и судебные материалы по его делу, осуществлял еще в двадцатых годах. Некоторые из этих показаний не всегда убедительны и фактически доказаны, но в них немало логики и вероятности. Так, упоминавшийся уже свидетель Новиков, давая показания 5 августа 1953 года, напомнил о трагическом событии, происшедшем в Грузии летом 1925 года. Тогда при загадочных обстоятельствах погибли три активных участника подавления меньшевистского мятежа и видных деятеля партийной организации и Советской власти Закавказья Мясников (секретарь крайкома партии), Могилевский (председатель краевой ЧК) и Атарбеков (член правительства и Президиума Закав-

⁵ В материалах следствия имеется сообщение работника НКВД Ершова-Лурье о Берии: «Он добился снятия не одного полпреда ОГПУ в Закавказье, в том числе подставил ножку Карлсону, Катинельсону, обвиняя их в неправильной национальной политике в Закавказье, и сам дошел до председателя Закавказской ЧК, а потом до секретаря Закавказского крайкома». — Там же, л. 32.

⁶ В послевоенные годы по указанию Берии, как утверждали некоторые свидетели, из Тбилиси выселились в массовом порядке под различными предлогами трудящиеся армяне. В том же Тбилиси (да и по всей Грузии) при Берии чинились различные препятствия жителям русской, армянской и других национальностей при поступлении на работу или в вузы. — Дело по обвинению Л. П. Берии. ... т. 4, л. 85.

⁷ Там же, л. 83.

⁸ Там же, л. 111.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 112. Эту версию подтверждал и Г. С. Доценко. Вспоминая встречу в 1937 г. со своим давним сослуживцем по НКВД Ершовым-Лурье, он приводил сетование последнего на то, что Берия после выхода книги «К вопросу об истории создания большевистских организаций в Закавказье» «совсем стал неприкосновенной личностью... Я докладывал Ежову, и мы ничего с ним сделать не можем. В этом весь наш ужас». — Там же, лл. 28—33.

казской партийной контрольной комиссии, известный чекист). Самолет, на борту которого они находились, при взлете с аэродрома в Навтлуге (под Тбилиси) загорелся. Расследование, проведенное сотрудниками ЧК во главе с Берией, закончилось безрезультатно, хотя общественное мнение было однозначным: это дело рук диверсантов. Менее узкий круг лиц недвусмысленно указывал на Берию. В том был резон. Все трое погибших знали «уездную» роль Берии в установлении Советской власти на Кавказе, а также о его нечистоплотности во многих делах и в любое время могли притормозить, а то и вовсе погубить его дальнейшую карьеру. Мы ведь уже упоминали, что Могилевский, к при-

меру, еще в 1922 году без обиняков заявил, что о Берии «ходят нехорошие слухи». Кроме того, все трое являлись потенциальными соперниками на пути продвижения Лаврентия Павловича к власти. А таких людей, что доказывают многие факты, он не то что не любил — ненавидел, считал их не соперниками, а врагами¹¹. Ну, и поступал с ними соответственно, если представлялся удобным случай. Так, в свое время высказывались предположения о причастности Берии к гибели Камо¹², Михоэлса, Ива Фаржа¹³. Основанием для подобного обвинения являлось то, что смерть всех троих стала следствием автомобильных происшествий, результаты расследования в трех

¹¹ Что, скажем, представляли собой двое более известных из этой тройки? Первый — МЯСНИКОВ (Мясникян-Маргуни) Александр Федорович. Член партии с 1906 г. Три года провел в окопах первой мировой войны. В 1917 г. — член фронтового комитета Западного фронта; в 1917 и 1918 гг. — командующий войсками Западного и Поволжского фронтов. 1921 г. — председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) и нарком по военным делам Армянской ССР, заместитель председателя СНК ЗСФСР. 1922 г. — 1-й секретарь Закавказского краевого комитета РКП(б). Второй — АТАРБЕКОВ (Атарбекян) Георгий Александрович. Член партии с 1908 г. В 1918 г. — заместитель председателя Северо-Кавказской ЧК, начальник особого отдела Каспийско-Кавказского фронта. С 1921 г. — председатель ревкома северных районов Армении, заместитель наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) Закавказской республики. Берия не мог простить ни тому, ни другому их значительный и неоспоримый партийный стаж, что являлось лично для него большим местом. Ну, а военные познания и высокие военные должности Мясникяна в болезненном воображении Берии все равно что красная тряпка в глазах быка. Точно так, как и законченное высшее юридическое образование, как литературный талант. Будучи не в состоянии написать газетную статью, Берия приходил в неистовство, замечая подобный дар у другого, если не мог заставить того работать на себя.

¹² КАМО (Тер-Петросян) Симон Аршакович. Родился в Гори в 1882 г., погиб в Тбилиси сорок лет спустя, попав под автомобиль. Член партии с 1901 г. Прославился мужеством, дерзостью и находчивостью при выполнении ответственных личных поручений В. И. Ленина и С. Г. Шаумяна. Уже это могло стать объектом зависти и мести со стороны Берии. Кроме того, а это главное, Камо, как и Берия, в 1920 г. в Тбилиси арестовывался меньшевистским правительством и, возможно, знал о недостойном поведении последнего на допросе и в тюремной камере (об этом см. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1). Он тоже опасный свидетель, а значит, враг для Берии.

¹³ МИХОЭЛС (Вовси) Соломон Михайлович (1890—1948). Известный советский актер и режиссер, пародийный артист СССР. С первых дней открытия государственного еврейского театра входил в его труппу. В 1929 г. стал художественным руководителем этого творческого коллектива. Этим самым, что можно предположить, он «перешел дорогу» Берии. Как свидетельствуют факты, в стратегические планы последнего входило прослыть «отцом» не только грузинского, но и еврейского народов, истребив значительную часть и того, и другого. Причем «отец» должен быть просвещенным, вроде Сталина, писавшего в свое время стихи. Берия решил стать новым месией, спасающим «свой» народ от невежества и тьмы, благодетелем, возвращающим «своему» народу культурные ценности, в частности национальные

театр и печать. Объявить себя таковым в области театрального искусства мешал в немалой степени авторитет Михоэлса. Народного артиста нужно было убрать, а по истечении нескольких лет, когда загадочная смерть стала бы забываться, объявить себя организатором еврейского театра. Именно организатором!.. На это Берия решился, вступив в должность... министра внутренних дел СССР. Когда на допросе 10 июля 1953 г. его спросили, какое отношение к нему имели вопросы восстановления (1) еврейского театра и издания еврейской газеты, он ответил, что в организации (1) театра и издания газеты «мы по линии МВД были заинтересованы... мое отношение к этим вопросам было с позиций освещения настроений интеллигенции». При этом, как бы в оправдание, уточнял, что готовил в связи с этим соответствующую записку в ЦК партии. Опровергая эту ложь, ему зачитали показания его приближенного Людвигова. Тот утверждал, что «часто вмешиваясь не в свои функции, Берия, по существу, подменял Центральный Комитет, игнорировал его... По этим же мотивам работники Миннстерства внутренних дел, минуя ЦК, занимались вопросами деятельности Миннстерства культуры, вопросами восстановления еврейского театра, организации еврейской газеты, разработкой положений о порядке награждения орденами и т. д.» — Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 1, л. 115.

Ив ФАРЖ (1899—1953; в ночь на 31 марта погиб в автомобильной катастрофе в Тбилиси). Французский общественный и политический деятель, активный участник движения Сопротивления во время фашистской оккупации Франции в 1940—1944 гг. Сомневающийся во всем читатель наверняка дойдя до этого места, только разведет руками: тут-то уж Берия при чем? Но и здесь имеется довольно явная связь. Для подтверждения вероятности ее, т. е. связи между смертью Ива Фаржа и корыстными целями Л. П. Берии, незадолго до этой смерти возглавлявшего Миннстерство внутренних дел СССР, приведем следующий убедительный факт. Сообщения о нем содержатся в показаниях нескольких обвиняемых и свидетелей. В конце 1944 г. по указанию Берии в Париже разыскивается, а через несколько месяцев переправляется на самолете в Москву племянник его жены Теймураз Шавия. В годы войны он изменил Родине, служил во вражеском так называемом «грузинском легионе» (войска СС), в фашистской службе безопасности (СД), усердствовал в расправе над военнопленными и французскими патриотами — бойцами Сопротивления, за что удостоился звания унтер-шарфюрера и других отличий. Ко дню своего персонального вызова в СССР по указке могущественного лая (Берия отрицал причастность к этому, но о том, возможно, будет более подробный рассказ) находился среди гитлеровских военнопленных. В 1946 г. он, проходя проверку, сознался в своих преступлениях, но вы-

случаях ни к чему не привели¹⁴, а личную заинтересованность Берии в каждом трагическом происшествии утаить, словно шило в мешке, было не так уж просто. Точно так же, как и в таинственной смерти председателя СНК и ЦИК Абхазской АССР Нестора Лакобы.

Согласно показаниям от 15 августа 1953 года арестованного П. А. Шарии, «Лакоба, будучи председателем Совнаркома Абхазии, сумел создать себе популярность и известность не только в Абхазии, но и во всем Закавказье. Этому в известной мере, по-моему, способствовало то, что он приблизился к одному из руководителей партии и правительства, отдыхавшему почти ежегодно в Гаграх Абхазской АССР. Нужно сказать, что Лакоба в те годы чувствовал себя в Грузии весьма уверенно и действовал решительно. В этот период Берия относился к Лакобе почтительно и поддерживал его, но в то же время Берия вел против него закулисную борьбу, видя в лице Лакобы своего противника, закрывающего ему доступ к одному из руководителей партии и правительства»¹⁵.

Какие бы старания ни прилагал Л. П. Берия, насаждая с помощью своих приспешников личный авторитет, он не мог превзойти по популярности Н. А. Лакобу. И не только потому, что Нестор Аполлонович был на шесть лет старше, а точнее — вовсе не потому. Все дело заключалось в биографии. У Лакобы она сложилась без «бериевского туману» — честная и боевая. В партию большевиков вступил в 1912 году. Пять лет спустя, когда Лаврентий разносил по Биржевой улице депешки владельцам особняков, завидуя их жизни и положению, Нестор вместе с дру-

гими делегатами 1-го Кавказского краевого съезда Советов решал вопросы о переустройстве жизни всей страны. Проходит еще год, и он становится одним из руководителей восстания против меньшевистского правительства в Грузии, затем принимает активное участие в подпольной работе и партизанской войне. И конечно же, нет никакого сомнения в том, что Лакобе были известны многие грехи Берии. Хотя бы, к примеру, из анкеты¹⁶, которая хранилась в ЦК КП Грузии. Ведь там довольно определенно сказано, что Берия в экстремальной ситуации не подчиняется партийной дисциплине и проявляет трусость, что у него замечаются уклоны к карьеризму и бюрократизму, а также левизне, что он теоретической подготовки не имеет, а практик слабый, что он не обладает умением подбирать работников и руководить ими, что не представляется возможным использовать его на более ответственной работе. Ориентируясь на эту анкетированную характеристику и на многочисленные нелицеприятные рассказы о непопулярности и нечистоплотности Берии, Лакоба, как член бюро ЦК партии Грузии, наверняка мог оказать влияние на то, быть Берии секретарем ЦК КП Грузии, а затем и Закавказья, или нет. Ведь ко всему прочему Лакоба являлся также членом ЦИК Грузинской ССР, Закавказской СФСР и СССР. Но, руководствуясь то ли филантропическими соображениями, то ли какими-то личными расчетами, он не только не препятствовал продвижению Берии, но и способствовал этому.

«В период работы Берии Лаврентия Павловича в Грузии, — вспоминал на допросе 11 августа 1953 года сын Берии Сергей Лаврентьевич, — он находился в хороших отношениях с Лакобой Нестором, ответственным работником в Абхазии. Когда Лакоба приезжал в Тбилиси, он приходил к нам на квартиру. В свою очередь, когда Берия Лаврентий Павлович с семьей посещал Сухуми, Лакоба приглашал нас к себе в гости. Я был тогда в возрасте 10—12 лет»¹⁷. Это подтвердил и С. А. Гоглидзе, один из самых приближенных к Л. П. Берии людей. Он сообщил, что впервые познакомился с Лакобой в сентябре 1933 года, когда его, т. е. Гоглидзе, вызвали в Гагры на правительственную дачу

сокая опека оберегала его от справедливого наказания. Лишь шесть лет спустя его история получила широкую огласку, и под давлением общественности Шавдия был осужден к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Не проходит и года, как Берия «интересуется» его судьбой. Случилось это в марте 1953 г., сразу же после вступления Берии в должность министра внутренних дел СССР. В конце марта этого же года погибает Ив Фагж — вероломный и очень влиятельный свидетель злодеяний Шавдия во Франции. В апреле Шавдия из мест заключения препровождается в Москву, а затем в Тбилиси для пересмотра его дела. Кстати, в апреле же министром внутренних дел Грузии стал один из ближайших подручных Берии Декалозов, который в конце 1944 г. наводил справки о находившемся во Франции Шавдии. И снова ему поручалось хлопотать о судьбе племянника, взять его под свою опеку. Благо важный свидетель был убит. — Дело по обвинению Л. П. Берии, т. 5, л. 101; т. 33, лл. 62, 108; т. 40(7), лл. 142, 143; т. 3, л. 62; т. 9, лл. 25—23; обвинительное заключение, л. 138 и др.

¹⁴ Там же, т. 4, л. 85.

¹⁵ Там же, т. 3, л. 131.

¹⁶ Личное дело Л. П. Берии. Подробный текст этой анкетированной характеристики см.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1.

¹⁷ Дело по обвинению Л. П. Берии..., т. 3, л. 26.

в связи с обстрелом пограничниками катера, на котором находился И. В. Сталин. Гоглидзе в то время являлся начальником пограничных войск Закавказья, а Лакоба, как уже сообщалось, — председателем Совета Народных Комиссаров Абхазии. Вскоре после разбора инцидента с катером Гоглидзе назначили наркомом внутренних дел Грузии, и он стал чаще встречаться с Лакобой. Ему, по его словам, было известно, что Лакоба проводил свободное время в их доме отдыха «Ласточкино гнездо» в то самое время, когда туда приезжал Берия. «Знаю, — рассказывал Гоглидзе, — что они часто встречались, и Лакоба систематически посещал Берию, вернее сказать, был постоянным посетителем Берии. Из этого нужно было сделать вывод, что между Берией и Лакобой существовала неразрывная дружба, как это выглядело внешне»¹⁸.

Еще более странной получилась «дружба» у Л. П. Берии с С. И. Кавтарадзе, которому выпала более значительная роль филантропа в карьере Берии, чем Лакобе. Странная потому, что Лаврентий Павлович, как правило, платил за поддержку и помощь если не смертью (некоторые свидетели утверждали, что расчет с Лакобой был именно таким), то крупными неприятностями. Сергей Иванович Кавтарадзе почти что избежал и того, и другого, хотя аресту подвергался. Но, по свидетельству очевидцев, именно «Берии удалось сохранить Сергея Кавтарадзе, добиться полной его реабилитации после ареста и расчистить ему дорогу к высшим дипломатическим постам [заместитель министра иностранных дел, посол в Иране и посол в Румынии], а в последнее время Берия выхлопотал ему высокую персональную пенсию»¹⁹. Может быть, арест и освобождение — это тоже был своеобразный, изувеченный, в духе бериевского характера спектакль, сочиненный и разыгранный Лаврентием Павловичем как напоминание об одном давнем эпизоде и предупреждение о возможных последствиях, если о нем вспоминать с кем-нибудь в деталях. Возвращаясь к протоколу допроса Берии от 17 августа 1953 года²⁰, приведем из него такие любопытные строки: «Просидев в ЧК примерно до 11—12 часов дня, [я] был вызван в кабинет председателя ЧК Азербайджана Баба Ахмедов, где также

присутствовал и его заместитель Кавтарадзе»²¹. В энциклопедических справочниках, сообщающих краткую биографию С. И. Кавтарадзе, не встречаются сведения о его работе в ЧК. Там даются годы жизни (1885—1971) и некоторые биографические подробности: родился в дворянской семье, в 1915 г. окончил юридический факультет Петербургского университета (и первое, и второе — предметы черной зависти Берии); активный участник революционного движения в России, член партии с 1903 г.; в 1922—1923 гг. — председатель СНК Грузинской ССР; за участие в троцкистской оппозиции исключен из партии, а затем (в 1940 г.) восстановлен; с 1941 г. — сотрудник МИД СССР и заместитель министра иностранных дел. Если же Сергей Иванович и не тот Кавтарадзе, который являлся свидетелем ареста Берии, долго и тщательно скрывавшего этот эпизод²², то все равно он мог подвергнуться гневу, а затем «милости» Лаврентия Павловича за родство с опасным свидетелем или сходство их фамилий. Это тоже в характере Берии.

Впрочем, в показаниях уже упоминавшегося Гоглидзе от 14 августа 1953 года содержится более подробный рассказ о мстительной шутке, которую сыграл Берия над своим филантропствующим старшим товарищем. Когда Гоглидзе спросили, какие изобличающие материалы имелись в НКВД Грузии на Сергея Ивановича Кавтарадзе, тот сообщил: «На Кавтарадзе Сергея были материалы в НКВД Грузии о том, что он являлся кадровым троцкистом. Кавтарадзе был нами арестован в 1936 или в начале 1937 года. В тот период он жил в Москве и работал, кажется, в ОГИЗЕ у Халатова»²³.

На следствии Кавтарадзе не отрицал своей принадлежности к троцкизму и давал интересные показания. Кроме того, было еще известно, что Кавтарадзе Сергей являлся одним из лидеров уклонистов в

¹⁸ Дело по обвинению Л. П. Берии..., т. 2, л. 191.

¹⁹ Там же, л. 192.

²⁰ АРТАНИЕС (Артемий) Багратович Халатов родился в Баку, год смерти — 1938. Член партии с 1917 г. В Октябрьские дни работал в Закавказском военно-революционном комитете. С ноября 1917 г. — заместитель чрезвычайного комиссара, комиссар Москвы по продовольствию и транспорту, затем член коллегии Наркомпроса. Гоглидзе допускает неточность, сообщая, что Халатов «в 1936 или в начале 1937 года» руководит Государственным издательством. Членом коллегии Наркомпроса и председателем правления Госиздата последний являлся в 1927—1932 гг.

¹⁸ Там же, л. 275.

¹⁹ Там же, т. 4, л. 83.

²⁰ См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1.

Грузии в 1921—1923 годах... Кавтарадзе находился... под стражей и использовался в качестве внутрикамерного агента. В последующем Кавтарадзе был из тюрьмы освобожден и работал в МИДе СССР...»²⁴.

Как бы там ни было, но для Кавтарадзе поддержка (или непротивление) Берии закончилась более менее благополучно. К другому влиятельному филантропу — Багирову — Берия постоянно выказывал не только терпимость, но и исключительно дружеские и, судя по фактам, признательные чувства. Что ж, видимо, и для него не все человеческое чуждо.

Багиров — один из тех, на глазах которых не только начиналась чекистская карьера Берии, но и кто способствовал этой карьере. По сути дела, это он «пригрел» скомпрометированного армейского разведчика и партийного функционера с сомнительными партстажем и подпольной деятельностью в возглавляемом им ведомстве, а именно Азербайджанской ЧК (Багиров в двадцатые годы являлся ее председателем). Под его покровительственным крылом Берия, не успев как следует освоиться с обязанностями заместителя начальника секретно-оперативного отдела, становится «вскоре уже» начальником этого отдела — заместителем председателя Азербайджанской ЧК²⁵. Опека длилась почти два года (апрель 1921 г. — январь 1923 г.)²⁶. Именно в это время филантропы способствовали упрочению вождистских амбиций Берии, и в первую очередь Багиров. Такой вывод подтверждают многие факты, содержащиеся в уголовном деле Берии и его приспешников, к примеру, признание самого Лаврентия Павловича, сделанное им еще в 1922 году и зафиксированное в одном из документов той поры. Давая письменный ответ на вопрос, привлекался ли он к партсуду, Берия ответил так: «Было подано одним членом партии заявление, будто бы его притеснял я по службе, но впоследствии он сам отказался от этого и заявление сдано в архив в ЦК КПГ»²⁷. О том, почему заявитель о бериевских притеснениях от своих объяснений «сам отказался», можно только догадываться, но вот как его заявление из архива Азербайджанской республики

«перекочевало» в «грузинский архив», о том есть достоверные сведения.

«Грузинский архив» мы взяли в кавычки, потому что это название довольно условное. Как заявление с жалобой на Берию, о котором шла речь, так и многие другие документы в течение двадцати лет хранились то у Меркулова, то у самого Берии. По этому поводу на допросе 16 июля 1953 года Берия «выкручивался» следующим образом:

ВОПРОС. Почему архивные документы, принадлежавшие ЦК КП(б) Аз[ербайджана], находились в вашем личном распоряжении, кто их изъяс?

ОТВЕТ. Я просил изъять, но кто их изымал из архива ЦК КП(б) Азербайджана, не могу сказать, так как не помню. То, что я хранил эти документы лично у себя, это я поступил неправильно, изъяс их потому, что боялся, как бы их не уничтожили бывшие руководители ЦК КП(б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги. Они вели против меня травлю в бытность мою секретарем Закавказского крайкома.

ВОПРОС. Вам предъявляется обложка из этого вашего архива, хранившегося у вас, на котором учинена следующая запись: «ЛИЧНЫЙ АРХИВ № 2 ТОВАРИЩА БЕРИИ (ДЕЛА ПО БАКУ), ВСКРЫТЬ ТОЛЬКО ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ТОВАРИЩА БЕРИИ» (подпись неразборчива). Кто учинил эту запись и чья эта подпись?

ОТВЕТ. Эта запись учинена Меркуловым и это же его подпись. Меркулов работал зам[естителем] наркома внутренних дел. Оформлял он эти документы потому, что я ему доверял, кроме того, Меркулов в 1938 году помогал мне в составлении объяснения в ЦК ВКП(б) на имя Сталина по вопросу о моей службе в контрразведке»²⁸.

Спустя пять месяцев (21 декабря 1953 г.) Меркулов на судебном заседании несколько прояснил эту таинственную историю. По его словам, в один из дней 1932 года его вызвал к себе Берия и поручил выехать в Баку для розыска в архивах документов, касающихся лично его, Берии. При этом высказал тревогу, что враги могут захватить и уничтожить названные документы. А они для него, дескать, очень важны, поскольку снимают различные необоснованные обвинения в его адрес. На вопрос, почему был выбран такой ненормальный способ получения документов из архива

²⁴ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 273.

²⁵ Личное дело Л. П. Берии. Автобиография.

²⁶ Там же. Автобиография и дополнение к личному листку по учету кадров.

²⁷ Там же. Личный листок члена партии.

²⁸ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 1, лл. 193, 194.

ЦК КП(б) Азербайджана, Меркулов ответил, что не считал это ненормальным явлением. «Берия был тогда секретарем Зак[авказского] крайкома, а я его помощником, — рассказывал он. — В ЦК КП Азербайджана был тогда Багиров, который меня лично знал. Я обратился к нему с просьбой помочь в розыске документов, что он и сделал. Писать официальный запрос о розыске этих документов Берия, по-видимому, опасался, так как это могло привлечь внимание его врагов»²⁹.

Со временем Багиров из покровителя и филантропа превратился, по словам некоторых свидетелей, в надежного приспешника Берии. Так, Н. Ф. Сафронов сообщал, что между Грузией и Азербайджаном, т. е. между ведомствами Берии и Багирова (последний в описываемое время являлся председателем Совнаркома, а впоследствии — первым секретарем ЦК АзССР) в 1934—1938 гг. шел широкий обмен кадрами. Причем более усердствовал Берия, который хотел по всему Закавказью насадить своих людей. Прибывающие из Тбилиси на работу в Баку бериевские ставленники поначалу назначались в чекистские органы, а затем шли на повышение в советский и партийный аппарат. Все это делалось с ведома Багирова. Например, Пурнис занимал должности заместителя председателя республиканского ГПУ и заместителя председателя СНК АзССР, Гульбис — в ГПУ ту же должность, а позже стал начальником Азнефти, Сумбатов — заместителем председателя и председателем ГПУ, а в послевоенные годы вплоть до ареста — заместителем председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. Причем, по оценке Сафронова, «этот безграмотный человек и тупица» при поддержке Багирова в угоду Берии дважды (в 1937 и 1946 гг.) избирался депутатом Верховного Совета СССР от Нухинского избирательного округа. Хотя в эти периоды Сумбатов к Азербайджану никакого отношения не имел, его кандидатура тем не менее была поддержана, поскольку «он при активном содействии Багирова был преподнесен избирателям как старый большевик и большой государственный деятель»³⁰.

Как показывали очевидцы, близко знавшие Берию и Багирова, почва их сближения была однородной: неуважение к людям, грубость и окрики, нечистоплотность³¹. Кроме того, Багиров поддерживал

Берию и являлся «ближайшим сподвижником Берии на протяжении 30 лет» отнюдь не бескорыстно. Цитату мы взяли из показаний свидетеля Г. С. Доценко (29 июля 1953 г.), который сделал следующий вывод из этой долгой «дружбы»: «...когда я прочел в печати об избрании Багирова в ЦК партии, то мне стало ясно, что его кандидатуру выдвинул Берия»³².

Корысть, по всей видимости, дополнялась и боязнью перед все усиливающейся чертой бериевского характера — мстить за поддержку. Багирову могли быть известны многие примеры, связанные с этим. Анализируя их, не перестаешь удивляться и этой странной черте, и ее какому-то мистическому проявлению. Получалось так, что Берия, как правило, подвергал преследованию и уничтожению тех, от кого исходили вопреки фактическим данным различные рекомендации и характеристики в его адрес, кто, даже осуждая его и критикуя, в нужные для него моменты или отмалчивался, или произносил формальные хвалебные фразы, кто служил «буксирами» и «буксирчиками» в его карьере. Злодей наказывал за потакание злодейству.

В личном деле Л. П. Берии подшиты два документа, датированные 22 октября 1923 года, и один 12 сентября того же года (стиль их сохраняется):

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие ответственному партийному работнику тов. Л. П. Берии в том, что он [обладает] выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма... работая Управделами ЦК Аз[ербайджанской] компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кав[казского] фронта при реввоенсовете 11-й армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. Он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнил все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого в настоящий момент в советском строительстве...

Секретарь ЦК АКП АХУНДОВ...³³».

²⁹ Там же, т. 4, л. 36.

³⁰ АХУНДОВ Рухулла Али оглы (1897—1938) — партийный и государственный деятель, публицист, ученый. В 1924—1930 гг. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, в 1930 г. секретарь Закавказского крайкома партии. Один из первых переводчиков на азербайджанский язык произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

²⁹ Там же, т. 40(5), лл. 114, 115.

³⁰ Там же, т. 4, лл. 231, 232.

³¹ Там же, т. 3, лл. 244, 245; т. 4, л. 227.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ГПУ

от 1923 года за № 45

«За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации п[артии] с[оциал-]р[еволюционеров] нач[альник] с[екретно-]о[перативной] ч[асти] Бакинского губотдела тов. Берия и нач[альник] секретного отделения тов. Иоссем награждаются оружием — револьверами системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их служебные списки...

Зампред ГПУ (Уншлихт)³⁴...».

«АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ СОВЕТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Азербайджанский Совет Народных Комиссаров в ознаменование исполнения начальником секретно-оперативного отделения Азербайджанской Чрезвычайной комиссии тов. Берией Лаврентием Павловичем своего долга перед пролетарской революцией, выразившегося в умелом руководстве блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации п[артии] с[оциал-]р[еволюционеров] награждает его золотыми часами с монограммой.

Председатель Совета Народных
Комиссаров
Г. МУСАБЕГОВ...³⁵».

Все эти три документа роднит не только выпренный тон, возможно, соответствующий как восточной фразеологии, так и духу того времени, уж очень напоминающий стиль бериевской автобиографии, но и судьба тех, кто поставил под ними свои подписи. Год смерти у них один и тот же — 1938-й, когда в Наркомат внутренних дел СССР пришел Берия. Сначала он был заместителем наркома (август 1938 г.), а спустя четыре месяца, столкнув Ежова, занял место наркома³⁶.

Но, как свидетельствуют материалы дела (некоторые примеры мы уже приводили),

он мог осуществлять свою месть и значительно раньше. Так случилось с Мясниковым, давшим «ангельскую» характеристику «дьяволу» и отметившим, что «Берия — интеллигент... заявил себя в Баку как способный чекист на посту зам[естителя] пред[седателя] чека Азербайджана и начальника с[екретно-]о[перативной] ч[асти]. Ныне начсоч.³⁷ Груз[инской] чека»³⁸. Подобное, можно предположить, произошло и с Кировым. Мы уже сообщали³⁹ о «переписке» между Сергеем Мироновичем и Лаврентием Павловичем (обвинения первого и отрицание вины вторым) в мае 1922 года, о строгой директиве ЦК КП Азербайджана, возглавляемого Кировым, в адрес органов ЧК и лично Берии в июне того же года, в которой предупреждалось о недопустимости вести агентурную слежку за партийными работниками, вмешиваться во внутреннюю жизнь парторганизаций. Но вот такое, казалось бы, явное нарушение юридических и партийных норм Берией, использование им должностного положения не помешало тому же Кирову составить следующую характеристику: «...тов. Берия хороший и энергичный чекист, проявил себя на чекистской работе с хорошей стороны»⁴⁰. Расплата за филантропию, а попутно и за критику наступила 13 лет спустя (характеристику Берии Киров подписал 3 октября 1921 г., убит 1 декабря 1934 г.).

Причастность Л. П. Берии к убийству С. М. Кирова может показаться надуманной. Кто, мол, был тогда Берия в масштабе страны? Если и допустить, основываясь на показаниях его бывших приспешников, а также признаниях и самого Берии, что он, будучи на партийной работе⁴¹, мог использовать чекистский аппарат для расправы с неугодными лицами в Грузии и Закавказье, то как могли достать его мстительные руки до Ленинграда и Москвы?

Материалы дела по обвинению Берии и его соучастников позволяют сделать вывод, что утвердительные ответы на подоб-

³⁴ УНШЛИХТ Иосиф Станиславович (1879—1938) — государственный, партийный и военный деятель. Член партии с 1900 г. В Октябрьские дни 1917 г. входил в состав Петроградского военно-революционного комитета, позже — в коллегию НКВД. В 1921—1923 гг. заместитель председателя ВЧК (ГПУ). В 1925—1930 гг. заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора. С 1935 г. секретарь ЦИК СССР.

³⁵ МУСАБЕГОВ (Мусабеков) Газанфар Махмуд оглы (1888—1938) — один из руководителей отделения социал-демократической организации «Гуммет» (1918 г.). В 1920—1931 гг. — член ревкома, председатель СНК, председатель ЦИК АзССР; с 1931 г. председатель СНК ЗСФСР, член исполкома Коминтерна.

³⁶ Личное дело Л. П. Берин.

³⁷ В этой должности (начсоч. — начальник секретно-оперативной части; в личном деле — начальник управления) Берия находился с января 1923 г. по июль 1924 г. Мясников же в это время являлся 1-м секретарем Закавказского крайкома партии. Жить ему оставалось полтора-два года.

³⁸ Личное дело Л. П. Берии.

³⁹ См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1.

⁴⁰ Личное дело Л. П. Берии.

⁴¹ В 1934 г., а именно ко дню смерти С. М. Кирова, Л. П. Берия уже три года являлся 1-м секретарем ЦК КП(б) Грузии и два года — 1-м секретарем Закавказского крайкома партии. — Там же.

ные вопросы имеют больше оснований, чем сомнения. Факты свидетельствуют о том, что культ Берии, насаждаемый в тридцатые годы в Грузии и Закавказье, имел выход и на другие республики. Этому во многом способствовала филантропическая и в общем-то не совсем обдуманная и безответственная поддержка его карьеристских потуг видными партийными и советскими работниками, в том числе и в высших кругах чекистского аппарата. Последние много делали и сделали для того, чтобы замолчать и укрыть от общественности теневые стороны бериевской биографии. С ними у Берии всегда был постоянный контакт.

В деле Л. П. Берии имеется на первый взгляд малозначачий, поскольку исходит от сына Лаврентия Павловича, бывшего в то время десятилетним мальчиком, но все же довольно примечательный факт. На допросе 10 августа 1953 года Сергей Лаврентьевич Берия показал: «В период работы Берии Лаврентия Павловича в Грузии он часто приезжал в Москву, причем два раза с ним ездили мать — Нина Теймуразовна и я, останавливались мы в квартире на Троицкой улице. Вспоминаю, что в первый приезд отца, если не ошибаюсь, на 17-й съезд партии, к нам на квартиру приходил Ягода, впоследствии разоблаченный враг народа. Ягода тогда сделал мне подарок — pedalный велосипед»⁴². XVII съезд, как известно, состоялся в январе—феврале 1934 года, т. е. за десять месяцев до смерти С. М. Кирова. Так о чем могли беседовать нарком внутренних дел Ягода с секретарем ЦК КП Закавказского края Берией в столь интимной обстановке накануне съезда, делегаты которого в преобладающем большинстве впоследствии будут расстреляны? Может, они были просто друзьями? Но вот свидетель Доценко, работавший в то время в секретариате заместителя наркома внутренних дел Агранова, ни разу не видел, чтобы Берия открыто посещал Ягоду. Зная все же о контактах между ними, он пришел к выводу, что здесь, «возможно, существует какая-то, а может быть, законспирированная связь...»⁴³.

Тот же Доценко вспомнил еще один любопытный факт.

В 1933 году он отдыхал в Сочи. Там

⁴² Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 24.

⁴³ Там же, т. 4, л. 33.

он встретился со своим давним сослуживцем по чекистской работе капитаном государственной безопасности Малкиным, начальником погранотряда и сочинского отдела ОГПУ. В разговоре Малкин высказал обиду на Михаила Шолохова, якобы предвзято изображавшего его деятельность в двадцатые годы. «...В своем произведении «Тихий Дон», где речь шла о подавлении восстания на Кубани, в подавлении которого принимали участие Малкин и я, — показывал Доценко на допросе 29 июля 1953 года, — Шолохов написал такую фразу, что комиссар ЧК Малкин расстреливал восставших по второму или третьему разряду (как выразился Шолохов в романе)»⁴⁴. Дальше Малкин, по словам Доценко, посетовал на то, что уж кому-кому, а Шолохову было известно, что смертные приговоры он один выносить не мог. Для этого по станицам были созданы тройки в составе представителей партийных и советских органов под председательством работника ВЧК. Сообща и решали вопрос о приговорах как восставшим, так и заложникам. Зная об этом, Шолохов даже фамилию Малкина не изменил. Малкин через полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Евдокимова обращался с просьбой к Сталину «исключить его фамилию из романа», но Сталин отмахнулся от этой просьбы. В разговоре с Малкиным Доценко поддерживал сослуживца в том, что Шолохов поступил не совсем честно, извращая такой факт, поскольку тонкости чекистской работы изучал не из третьих уст. Доценко, работая у Агранова, был свидетелем того, что писатель был близок с Ягодой, неоднократно посещал его в Наркомате внутренних дел. Более того, при приезде Шолохова в Москву за ним из НКВД высылались машина, а секретарь наркомата Павел Буланов посылал мебель в станицу Вешенскую и оказывал другие услуги Шолохову⁴⁵.

*Генерал-лейтенант юстиции
Б. С. ПОПОВ,
капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ*

⁴⁴ В более позднем издании эта фраза у Шолохова звучит так: «...ну и рассказывают: комиссар у них стоит с отрядом, Малкин фамилия... Собирает с хуторов стариков, ведет их в хворост, вынает там из них душу, тележит их допрежь и хоронить не велит родным» // Шолохов Михаил. Собр. соч. в восьми томах. — Т. 3. — М.: Правда, 1975. — С. 241.

⁴⁵ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 4, лл. 28—33.

(Продолжение следует)

СТРЕЛЬЦЫ, ГУСАРЫ, МУШКЕТЕРЫ...

ГЕРОИЧЕСКОЕ прошлое русского народа, история его вооруженных сил от века X до века XX — главная тема этой книги¹. Популярно изложенная история армии через историю родов войск, их вооружения, снаряжения, обмундирования, наградных знаков, через солдатские песни, народные сказания, мемуары — такой путь к познанию боевого прошлого нашей страны предлагает эта книга, рассчитанная на массового читателя, и прежде всего молодого.

В тридцати главах увлекательно и интересно рассказано о развитии российских вооруженных сил. Привлечен огромный фактический материал по всем аспектам военного дела: организации, обучению, тактике, участию в сражениях, амуниции и обмундированию, а также военному быту разных эпох.

Завершает повествование глава «Наследники боевых традиций», где кратко рассказано о полководцах и героях Великой Отечественной войны, награжденных за свои подвиги орденами Суворова, Кутузова, Александра Невского.

Военная история как жизнь людей — так, пожалуй, можно определить замысел книги. Как часто в музеях, на картинах живописцев, в кинофильмах, наконец, мы видим оружие, мундиры, принадлежащие разным периодам истории, но что мы знаем о защитниках Родины, носивших их? Например, ход Полтавской битвы описан во множестве книг, статей, энциклопедий. А судьбы и жизнь русских фузилеров, гренадер, драгун — главных ее участников?

Автор делает такую попытку. В главе «Фузилер» можно найти сведения о первом русском солдате Сергее Бухаростове, о том, как учили набранных в 1700 году «охочих и вольных людей» в первых фузилерных полках. В главе «Гренадер» рассказано о рядовом участнике Полтавской битвы — каптенармусе гренадерского полка Леонтии Соловьеве: как он был завербован в полк, чему учился, где воевал, как был ранен и когда произведен в первый офицерский чин прапорщика. Глава «Драгун» начинается с описания набора в драгунские полки и их боевых действий под Нарвой в 1700 году, но есть в ней и другие данные: о солдатском жалованье, порции в мирное и военное время, о холодном оружии — палашах.

Тут необходимо сказать о том, что книга

богато иллюстрирована цветными рисунками одежды, снаряжения и вооружения, репродукциями с батальных полотен и портретами военных деятелей. Рисунки одежды, снаряжения и вооружения российских войск выполнены самим автором и в значительной мере дополняют повествование, делают его как бы веселее, грубей, зримей, показывая вещи и предметы, давно исчезнувшие из нашего обихода, но игравшие большую роль в военном быте наших предков.

К сожалению, довести свой замысел до конца автору удалось не во всех главах. Если, например, в главе «Улан» стиль выдержан от первой до последней строки и читатель получает вполне законченную и яркую картину истории рода легкой кавалерии, то глава «Мушкетер (пехотинец)» написана неровно. В конце ее, где описывается русско-турецкая война 1877—1878 гг., чувствуется нехватка материала, появляется скорговка, фактология заслоняет судьбы солдат и офицеров, героически сражавшихся за свободу братского болгарского народа. Очень жаль, что в этой главе не нашлось места рассказу об известном подвиге подполковника Калитина, погибшего, спасая знамя. Ничего не сказано и о русском писателе В. М. Гаршине, носившем в это время солдатскую шинель, и его интересных воспоминаниях.

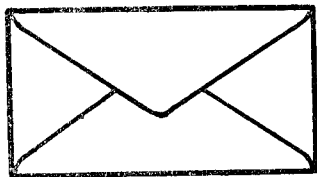
Нельзя не сказать и о неточностях в отдельных рисунках обмундирования, которые видны специалистам (узы, малочисленным) по истории униформы. Вот, например, на с. 228 изображен рядовой Киевского гусарского полка в парадной форме в 1845—1855 гг. с нашивкой за выслугу лет на левом рукаве углом вверх, а она должна быть расположена углом вниз. На с. 273 показан рядовой Уланского Цесаревича полка в 1803—1806 гг. Здесь отсутствует обязательная деталь униформы — плоские, двоянные к низу катиш-витиш, лежавшие на груди ниже левого эпюлета.

Однако отмеченные недостатки не умаляют познавательного значения книги А. Бегуновой и той роли, которую она может сыграть в активной пропаганде отечественной военной истории. Все-таки это первое издание, где сделана попытка рассмотреть боевое прошлое народа в связи с одной из интереснейших и малоизучаемых у нас областей науки — военно-прикладной истории.

Поэтому не случайно книга «Путь через века» сразу после выхода в свет стала библиографической редкостью (несмотря на тираж в 100 тыс. экз.). Ее оценили не только специалисты-историки, но и любители русской старины, люди, интересующиеся славными боевыми традициями нашей армии, солдаты и офицеры Вооруженных Сил.

**П. Ф. КОСМОЛИНСКИЙ, художник,
председатель Военно-исторической
комиссии Центрального совета
Всероссийского общества
охраны памятников истории
и культуры**

¹ Бегунова А. И. Путь через века. — М.: Молодая гвардия. 1968. — 303 с.

НАМ ПИШУТ

В ЖУРНАЛЕ № 9 за 1989 год была опубликована статья «Цена агрессии» — о безвозвратных потерях стран фашистского блока во второй мировой войне. Там также приводилась цифра потерь всех стран—участниц войны — 55 млн. человек, из которых 27 млн. — на поле боя. Военные потери СССР, по оценкам

западных историков, колеблются в пределах от 11 до 13 млн. человек. Сойдемся на средней цифре — 12 млн. человек. Потери стран — наших союзниц по антигитлеровской коалиции — составляют: США — 400 тыс. человек, Великобритании — 370 тыс., Франции — 600 тыс. Сюда же следует включить аналогичные цифры по Польше.

Как мне кажется, в целом военные потери стран антифашистского блока исчисляются 13—15 млн. человек. Следовательно, те же потери стран фашистского блока (Германия, Япония, Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия и др.) должны, видимо, составить 13 млн. человек. Еще раз повторяю, что речь в дан-

ном случае идет о безвозвратных потерях (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести или «без вести павшие»).

А цифра 13 млн. человек явно превышает ту, что была приведена в упомянутой мною статье (8,6 млн. человек). Там также ничего не сказано о безвозвратных потерях Японии, Китая и Кореи. А ведь вклад в разгром милитаристской Японии Советский Союз внес не меньший, чем в разгром фашистской Германии.

Хотелось бы подробнее узнать о потерях как военных, так и гражданских стран—участниц второй мировой войны.

Александр МАРТЫНОВ,
студент МЭИ, 19 лет
(г. Москва)

СТАТЬЯ «Цена агрессии», опубликованная в нашем журнале, преследовала одну цель — показать военные потери во второй мировой войне [на советско-германском фронте] армий государств фашистского блока. Вы же в своем письме ставите вопрос в более широком плане — о потерях всех стран, участвовавших во второй мировой войне.

Данные о потерях государств, участвовавших в последней мировой войне, неоднократно публиковались в различных военно-исторических трудах и периодической печати. Так, цифры о погибших во второй мировой войне — «...55 млн. человек. Из них на поле боя пало 27 млн.» — взяты из книги Д. М. Проэктора «Мировые войны и судьбы человечества» [М.: Мысль, 1986. — С. 121]. Найти эти цифры можно и во многих других научных военно-исторических исследованиях и энциклопедических изданиях.

В ваших доводах о том, что безвозвратные военные потери фашистской Германии, должно быть, 13—14 млн. человек, не учитываются потери многих стран, участвовавших в войне на стороне как государств фашистского блока, так и антигитлеровской коалиции. Например, потери Китая составляют 10 млн. человек, Польши — 6 млн., Японии — 2 млн., Югославии — 1,7 млн., Франции — 500 тыс. человек и пр. Вы правы: известная цифра военных потерь [27 млн. человек] нуждается в уточнении, поскольку в это число входят и военнопленные, вернувшиеся после войны из плена. По мере поступления в редакцию новых материалов по интересующей вас теме мы будем их публиковать, в том числе и в 1990 году.

Б ЛАГОДАРЯ ВАМ я узнал, что мой родной дед по матери был фельдфебелем (№ 11 за 1989 г., с. 23), достойный пример для подражания его родному правнуку, который сейчас проходит службу в ВДВ и является пока рядовым.

От себя прошу вас побольше писать о первой мировой войне, дать описания знаков на погонах, какие были воинские звания, форма и т. д. Ведь это совсем недавняя история, и еще живы очень многие, кто помнит своих отцов.

С искренним уважением

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Георгий Федорович
(г. Москва)

У МЕНЯ есть список погибших на территории Польши земляков с указанием, кто, где, когда погиб и захоронен. В нем более тридцати имен. Куда и по какому адресу его можно отослать?

В. Ф. СОЛОВЬЕВ
(г. Козьмодемьянск
Марийской АССР)

ОТ РЕДАКЦИИ. Имеющийся у вас список следует направить по месту призыва погибших, в областную редакционную коллегия книги «Память», а также в издательство «Интерпресс», которое готовит второе издание этой книги [Варшава, ул. Багатея, 12].

ИМПЕРАТРИЦА Екатерина II в день двадцатой годовщины восшествия ее на престол — 22 сентября 1782 года — учредила орден Св. князя Владимира, «предпринявшего многие труды ради просвещения России святым крещением»¹. Орден назван в честь великого князя Владимира Киевского, приложившего немало сил для расширения и укрепления Древней Руси, во время княжения которого Русь приняла христианство. В статуте ордена говорилось, что он «...жалуется тем, кои не только должности на них возложенные исправляли во всех случаях по долгу звания их, присяги и чести, исполняя установленные узаконения письменно или словесно, не изречениями едиными, но самым делом; но сверх того отличились особливим радением в деле, им вверенном, продолжительным прилежанием, искусством в порученной части, и способностью личною, делом доказанною, либо же полезным общему добру советом по делам, к которым призваны»². Этой награды удостаивались не только военные, но и гражданские чины.

Орден Св. Владимира разделялся на четыре степени, первые две из которых назывались «большого креста», а две последние — «меньшего креста».

Первая степень включала большой золотой крест (рис. 3), с обеих сторон покрытый красной финифтью. По краям креста — черные финифтевые и золотые каймы, на его лицевой стороне, в розетке, на горностаевом поле, обведенном золотою каймой, — вензель Святого Владимира под великокняжеской короной (рис. 5). На оборотной стороне, в розетке, на черном поле серебром выведена дата учреждения ордена (22 сентября 1782 г.) (рис. 4). Крест носился у левого бедра на шелковой муаровой ленте с тремя равными полосами: посередине — красная, по краям — черные с тонкой красной окантовкой. Лента шириной 10—11 см носилась через правое плечо (рис. 3).

Звезда ордена — серебряная или шитая (рис. 1а и 1б) носилась на левой стороне груди. Ее концы попеременно чередовались: четыре золотых, четыре серебряных. В центре звезды, в розетке, на черном поле — золотой четырехконечный крест, между концами которого золотые буквы: «СР.К.В.» (т. е. Святой Равноапостольный Князь Владимир). По окружности, залитой красной финифтью, золотыми буквами нанесен орденский девиз: «Польза, честь и слава».

Вторая степень ордена состояла из большого золотого креста и восьмиконечной звезды, подобных тем, что и для первой степени, только крест носился на шее, на орденской ленте шириной 5,5 см. Звезда помещалась также на левой стороне груди.

К третьей степени относился только золотой крест, но несколько меньшей величины по сравнению с крестом второй степени. Носился он на шее на орденской ленте шириной 4,5 см.

ОРДЕН СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

(К странице 3 обложки)

Четвертая степень ордена имела золотой крест еще меньшей величины, предназначенный для ношения в петлице или на груди на орденской ленте шириной 2,2 см (рис. 6).

В статуте 1782 года подчеркивалось, что награждение орденом Св. Владимира является доказательством императорского «благоволения за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности»³. Учитывая то, что не всегда отважному воину или усердному чиновнику представляется возможность доказать свою преданность Отечеству каким-либо воинским подвигом или заметным деянием на поприще статской службы, Екатерина II установила порядок награждения чинов военного, морского и других ведомств орденом Св. Владимира 4-й степени за беспорочную 35-летию службу в классных чинах. В таких случаях на орденском знаке, а именно на левом и правом концах креста добавлялась надпись серебром по красной финифти: «35 лет».

За особые заслуги кавалеров ордена Св. Владимира Екатерина II учредила ежегодные пенсии для старших кавалеров каждой степени ордена: 1-й — по 600 рублей, 2-й — по 300, 3-й — 200 и 4-й степени — по 100 рублей. Всего же ежегодно выделялось по 24 тыс. рублей, т. е. по 6 тыс. рублей на каждую степень. Позже, когда этих сумм не стало хватать на всех кавалеров, младшие по времени награждения стали занимать свое место в конце очереди, ожидая, когда освободится вакансия в том разряде, в котором они значатся. В случае же награждения более высокой степенью, кавалер переходил в следующий разряд, не претендуя на получение пенсии по младшей степени.

С каждого пожалованного орденом Св. Владимира взимался единовременный денежный взнос, который со временем менялся. К началу нынешнего столетия он составлял: для кавалеров 1-й степени — 450 рублей, для 2-й степени — 225 рублей, для 3-й степени — 45 рублей, для 4-й степени — 40 рублей. От единовременного

¹ Исторический очерк Российских Орденов и сборник основных Орденских Статутов. — СПб., 1891. — С. 22.

² Там же. — С. 47—48.

³ Там же. — С. 47.

взноса освобождались пожалованные орденом Св. Владимира 4-й степени за 35- и 25-летнюю службу, за совершение определенного числа морских кампаний и иностранцы, состоящие на русской службе. Из этих взносов составлялся денежный капитал каждой степени, который использовался только на богоугодные и благотворительные цели. Кроме того, после смерти женатого кавалера, получавшего пенсию по ордену, вдова его могла пользоваться этой пенсией еще год после смерти мужа.

При высочайшем дворе, во всех публичных местах и на торжествах кавалеры ордена Св. Владимира большого креста имели право на вход вместе с персонами четвертого класса, а кавалеры меньшего креста — с персонами шестого класса, если у них не было более высокого чина. Указом от 26 ноября 1789 года Екатерина II учредила для ордена Св. Владимира 4-й степени, выдаваемого за боевые заслуги, еще и бант из орденской ленты. Первым этой награды был удостоен капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин, который, командуя кораблем «Святой Владимир», провел его и непосредственной близости к неприятелю из Очакова в Севастополь.

Во время царствования Павла I орденом Св. Владимира, как и Св. Георгия, не награждали, и возобновили награждение лишь с восшествием на престол Александра I, который высказал пожелание, «чтобы дух чести был для Россиян единым началом, движущим их мысли и деяния, просвещающим гражданина среди мирных трудов его, воодушевляющим воина посреди его подвигов, и направляющим все усилия их к единой пользе и славе им признательного Отечества»⁴.

Император Николай I, желая установить между орденами Св. Владимира и Св. Анны последовательность, учредил 22 июля 1845 года новый статут ордена Св. Владимира. По его повелению, орден Св. Владимира устанавливался «в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы и в воздаяние трудов, для пользы общественной подъемлемых»⁵. Согласно статье 25-й статута лицо, пожалованное орденом Св. Владимира любой степени, получало право потомственного дворянства, исключение составляли лица купеческого звания, которым с пожалованием ордена даровалось потомственное почетное гражданство. Это правило просуществовало вплоть до Указа от 2 августа 1900 года, согласно которому права потомственного дворянства даровались только награжденным первыми тремя степенями ордена Св. Владимира и старшими орденами. Всем генералам, штабс- и обер-офицерам как сухопутного, так и морского ведомств, имеющим орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, убавлялись три года из числа 25 лет, положенных к выслуге ордена Св. Георгия 4-й степени.

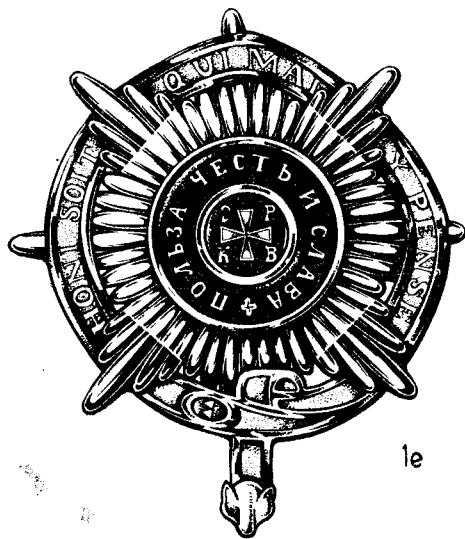
Статутом 1845 года устанавливался следующий порядок награждения орденом Св. Владимира за выслугу. Классные чины гражданского ведомства, прослужившие 35 лет, награждались орденом Св. Владими-

ра 4-й степени с надписью «35 лет», чины военно-сухопутного ведомства, прослужившие в офицерских чинах 25 лет, — орденом с бантом и надписью «25 лет» (рис. 8), чины морского ведомства, совершившие 18 морских кампаний, находившиеся хотя бы в одном сражении, — орденом с бантом и надписью «18 кампаний», а совершившие 20 кампаний, хоть и не бывшие в сражении, — орденом с бантом и надписью «20 кампаний» (рис. 9).

До второй половины XIX столетия орденские знаки изготовлялись в большинстве своем частными мастерами-ювелирами и художниками, поэтому нередко они значительно отличались друг от друга. Даже в одно и то же время орденские знаки изготовляли разных размеров, одни были выпуклыми, другие — плоскими, часто орденские звезды соединяли с иностранными орденами (рис. 1е), а оттенки эмалей на крестах орденов Св. Александра, Св. Влади-

18

1е

Рисунок Ю. М. ЮРОВА

⁴ Там же. — С. 83.

⁵ Там же. — С. 228.

мира, Св. Анны и Св. Станислава варьировались от ярко-красного до темно-бордового (рис. 10). Например, в 60—70-х годах прошлого века существовала своеобразная «мода» на такие темно-красные кресты, которые называли «черными» (рис. 11).

Согласно высочайшему Указу от 9 августа 1844 года на звездах и крестах ордена Св. Владимира всех степеней, жалующимся лицам нехристианского вероисповедания, изображение креста, аббревиатуры «С.Р.К.В.», вензелевого имени святого Владимира и даты учреждения ордена стали заменять изображением императорского российского орла (рис. 1в, 7).

Высочайшим Указом от 5 августа 1855 года устанавливался присоединение двух скрещенных мечей к орденским знакам, жалующим за военные подвиги. В данном случае точка пересечения мечей приходилась на середину креста или звезды (рис. 1г). Если же после пожалования ордена с мечами то же лицо удостоивалось более высокой степени этого же ордена, но за

иные, невоенные заслуги, то скрещенные мечи переходили на верхний конец креста и верхний луч звезды (рис. 2 и 1д). (Указом от 3 декабря 1870 года присоединение мечей на верхнем конце креста и звезды было отменено). К тому же все военные чины, награжденные орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами, присоединяли к орденскому знаку сверху мечей бант из орденской ленты.

Орден Св. Владимира никогда не снимался, тем не менее довольно редко можно было увидеть кавалера ордена Св. Владимира 1-й степени с лентой, надетой поверх мундира, ибо таким образом орденские знаки 1-й степени носились только в день орденского праздника, то есть 22 сентября, в остальных же случаях орденская лента надевалась под мундиром, хотя наружу и выпускались концы ленты с орденским знаком через специальную прорезь на левом боку мундира.

С. Р. СЕРКОВ

Read in this issue:

B. Ocudzhava, A. Frolov — Poetical dialogue • V. S. Bushin — My dear young deputy • M. A. Moiseev — The price of the Victory • G. I. Kulik, Y. T. Cherevichenko • Charles de Gaulle — Rank (end) (Publication of V. N. Voronov) • A. N. Kolesnik — Whether I. M. Maisky was the English agent • V. I. Pribylov — Why Anders's army left • S. N. Osipov — Autumn 1939: to the question of Polish prisoners of war • A. G. Dongarov — Was there any ultimatum presented to Finland? • V. A. Bobrenov — Fascism as it is • N. U. Beresovsky — How Trotsky & Co spoiled the Navy • M. I. Poljakova — By the order of Berzin • A. A. Chaika, G. M. Strelnikov — The Officers Assembly • Presidium of the Union of Journalists of the Republic of Afghanistan — The real worth of conjuncturschiks (time-servers) • A. I. Shishkanov — Military historian A. N. de Lazary • B. S. Popov, V. G. Oppokov — Berievskina (part 4) (The evil world of Beriia) • P. F. Kosmolinsky — Strelets, hussars, musketeers • S. R. Serkov — Order of St. Vladimir.

Lesen Sie in diesem Heft:

B. Okudshawa, A. Frolov — Poetischer Dialog • W. S. Buschin — Mein geehrter junger Volksdeputierte • M. A. Moisseev — Preis des Sieges • G. I. Kulik, Y. T. Tscherevitschenko • Charles de Gaulle — Die Reihe (Artikel von W. N. Woronow) • A. N. Kolesnik — Ist I. M. Maisky ein englischer Agent gewesen? • W. I. Pribylov — Warum ist die Anders Armee abgezogen worden? • S. N. Ossipow — Herbst 1939: Zur Frage der polnischen Kriegsgefangenen • A. G. Dongarov — War Finnland einem Ultimatum konfrontiert? • W. A. Bobrenov — Der Faschismus wie er ist • N. J. Beresowski — Wie Trotzky & Co. die Flotte in den Untergang führten • M. I. Poljakowa — Auf Bersius Befehl • A. A. Tschaika, G. M. Strelnikov — Die Offiziersversammlungen • Presidium des Journalistenverbandes der Republik Afghanistan — Das wahre Gesicht der Diener von Konjunktur • A. I. Schischkanow — Der Militärhistoriker A. N. de Lazary • B. S. Popov, W. G. Oppokow — Berijas Reich des Unheils (teil 4) • P. F. Kosmolinsky — Strelzy, Husaren, Musketeiere • S. K. Serkow — Orden des heiligen Fürsten Wladimir.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается всеми отделами связи и органами «Союзпечати» без каких-либо ограничений и на любой срок. В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно. Подписная цена: на год — 7 р. 20 к.; на 6 месяцев — 3 р. 60 к. В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

ЕСТЬ статистика, равная политике, есть цифры, равные взрывному позунгу и призыву на баррикады.

Сегодня говорить, например, о том, что на начало войны у нас было более 23 тысяч танков, и мы начисто проиграли начальный период войны при такой армаде танков, — это говорить об одной армии, об одном государстве. Но сказать, что из всех этих танков 73 процента требовали капитального или среднего ремонта, да еще у большинства из 27 процентов оставшихся был на исходе или вообще кончился моторесурс, — это говорить совсем о другой армии, а проигранный начисто начальный период войны не выглядит таким уж невероятным.

Цифры сами по себе ничего не говорят, но если их заставить, они расскажут очень много. Один из способов заставить заговорить цифры — это сопоставить их. К примеру, в Польше немцы убили 6 миллионов человек. Сегодня эта астрономическая цифра проходит по страницам газет, скажем так, без драматизма. Есть другая цифра: наша страна за свободу Польши потеряла более 600 тысяч лучших своих сыновей. Об этом почему-то не всем известно. В тех или иных формированиях какая-то часть поляков воевала и на восточном фронте, т. е. против СССР. В те шесть миллионов входят, по одним источникам, 10 тысяч, по другим — окопо тысячи жергв Катини, что под Смоленском. Это, конечно, драма.

Недавно я был в ФРГ. Немцы в отношении минувшей войны против СССР признают за собой вину полностью и каются. Хотя это во многом уже другие немцы, никакого отношения к той войне не имеющие. Кое-кто требует, чтобы и мы тоже начали каяться и виниться. У меня всегда при этом возникает вопрос: перед кем виниться? Перед немцами? Насколько я понял, находясь в ФРГ, они этого не требуют. Перед поляками? Мы потеряли там, освобождая их, более 600 тысяч своих солдат. Освобождая эстонцев от фашистов, погибли более 85 тысяч солдат и офицеров — это что же, каждые шесть-восемь эстонцев обязаны одной жизнью! Освобождая литовцев от фашистов, погибли более 137 тысяч советских воинов, а за освобождение всей Прибалтики было отдано более 257 тысяч молодых жизней красивых людей. Разве они в чем-то повинны? Разве, идя в последнюю атаку, они искали какую-то выгоду для себя лично? Мы еще будем писать о формированиях СС из Прибалтики. В документах и лицах покажем деяния тех моподчиков из тех формирований, которым сегодня кое-где ставят памятники. В истории не должно быть «белых пятен».

В 1943 году на Закавказском фронте перебежала на нашу сторону группа солдат

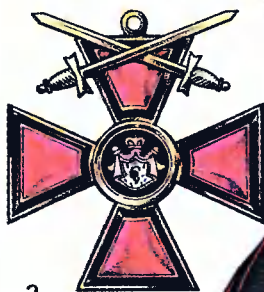
из туркестанского, армянского и грузинского легионов германской армии — были такие из числа наших военнопленных, более подробно мы напишем о них в ближайшее время. Так вот, один из перебежчиков, некий Бергенов Александр, находившийся в концлагере для советских военнопленных в городе Ченстохове, что в Польше, там он был с сентября 1941-го по май 1942 года, так вот этот Бергенов, перебежав на нашу сторону, показал: «В Ченстоховском лагере военнопленным раздавалась газета «Клич» на русском языке, издававшаяся в Берлине. В ней критиковалась жизнь в Советской России, писали про то, что немцы скоро одержат победу, возьмут Москву. О потерях германской армии не писалось ни слова. Указывались потери только Красной Армии, в частности, говорилось о том, будто немцы взяли в плен 5 миллионов русских, что русские потеряли всего 20 миллионов человек, русская армия осталась без оружия, даже без винтовок...». Статьи, газетенку ту издавал отдел пропаганды верховного командования германских вооруженных сил. С 1 января 1943 года «Клич» назывался «Зарей». Печаталась «Заря» под «крышей» официального органа, так называемого «Русского комитета», возглавляемого Власовым. Очень жепал Власов, чтобы все мы сдались в плен, как он. А если не в плен, то вам же хуже, — в те 20 миллионов».

Сегодня кто-то твердит, будто первым цифру 20 миллионов погибших назвал Сталин, другие уверяют — правдоискатель Хрущев... О «Кличе» уже сказано. Но я видел пистовки Власова за 1943 год. В них те же цифры, а еще указано количество репрессированных... Но об этом в следующий раз. И если к 20 миллионам прибавить 5 миллионов, то получится, у нас просто некому воевать, потому что научкой неопровержимо доказано: всякое государство под ружье может поставить не более 10 процентов своего населения, если больше, то у него разваливается экономика, потому что некому работать, а 25 миллионов да еще плюс репрессированные — это даже не 10 процентов всего нашего народа в ту пору, а раза в два более того. Иными словами, нет у вас, русские, людей для сопротивления Гитлеру. Нет! Хенде хох! И выходит, что 20 миллионов и 5 миллионов — это не статистика, а пропаганда отдела по разложению войск противника, в данном случае — наших войск, наших людей, нашего государства. И появились эти цифры в фашистском Берлине где-то между сентябрем 1941 года и маем 1942 года, когда там окончательно поняли — молниеносной победы не получится.

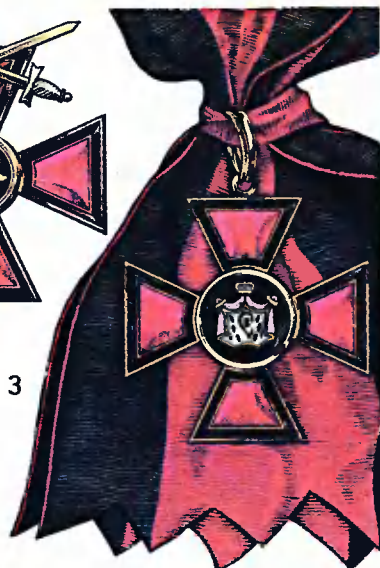
Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет № 700314 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

1a

2

3

5

16

4

6

1a

10

1r

7

8

9

11